

БЕРЕЧЬ  
ОТЧИЗНУ СВОЮ



ВИЛИС  
САМСОНС

К ВЕСНЕ



## К ВЕСНЕ

*воспоминания и комментарий документов*

Vilis Samsons  
PRETIM JAUNAM PAVASARIM  
Rīga, Liesma, 1987  
(Sērija «Sargāt savu tēvu zemi»)

Авторизованный перевод с латышского  
СЕРГЕЯ ХРИСТОВСКОГО  
Художник ДАИНИС ЛАПСА  
Фотографии из архива автора

© Izdevniecība «Liesma», 1987  
© Перевод на русский язык. Издательство «Лиезма», 1989

## ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

*Так уж получилось, что во время войны каждая весна событиями своими знаменовала повороты и в моей жизни, может даже в судьбе. Три военных весны — они словно три пограничных столба в моем партизанском прошлом. Навсегда оставили зарубки в памяти... Именно в первом весеннем месяце, в марте, происходили решающие повороты, разворачивались трагические события. Может, не случайно? Март в природе — всегда пора перемен. Еще зло огрызаются морозы, но теплые дуновения ветров уже предвещают скорый конец зимы, бодрят предчувствием весны — в особенности доведенных до изнеможения холодами и намаявшихся в голом зимнем лесу партизан, которые давно мечтают о тепле и спасительной, густой листве. Но и в марте может грянуть гололед и выстудить жаждущие передышки душу и тело. Да, по весне силы у партизан на исходе, а на снегу все еще остаются предательские следы. В это время гитлеровцы и стремятся покончить с ними одним ударом.*

*Мы, латышские фронтовики и партизаны, странники войны, тосковали по дому, рвались на родину. Вся моя партизанская жизнь тоже была в прямом и переносном смысле возвращением в родные края.*

*Запутанным и долгим оказался обратный путь от Нары до берегов Педедзе. «Умей найти свое место в жизни, сын», — так учили меня отец и мать. В жизни так, а на войне? Места искать не приходится: воюешь там, куда пошлет командование. Но порой и на войне возможен выбор. И это привилегия тех, кто согласен шагнуть в неизвестность: пойти в тыл врага. Такая возможность представилась мне уже в первую военную весну.*

*В феврале 1942 года мы, латышские стрелки, воевали в болотах под Старой Руссой. Весна была суровой, бои — жестокими, но нас вдохновляло то, что фронт наш глубоко вклинился в северо-западном направлении. Еще один мощный рывок, и мы на берегах Зилупе — так всем нам казалось. Мы, фронтовики, тогда еще мало знали о том, что творится в оккупированной немцами Латвии. Горькие вести об Аудриньской трагедии, правда, долетели из-за линии фронта и до нас. Выходит, крестьяне прячут*

раненых красноармейцев, помогают им создавать партизанские группы? Радостным было для нас это открытие: значит, разгром гитлеровцев под Москвой вселил в народ надежду, помог избавиться от чувства собственной беспомощности, насаждаемого фашистским террором и националистической демагогией. Но мы понимали также — народному мстителю в поединке с эсэсовцем гораздо трудней, чем нам под ураганным огнем — как это было при прорыве Демьянской группировки противника.

В газете «Циня» от 25 марта 1942 года мы прочли твердый вывод Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии: партизанское движение в республике разворачивается неудовлетворительно. Организация его — главная задача партийных и советских органов. На оккупированной территории нужны подготовленные командиры и политработники, способные возглавить народное сопротивление и перевести его на рельсы эффективной партизанской войны.

В латышскую дивизию прибыли представители ЦК Компартии Латвии. Они предложили добровольцам стать первыми организаторами народной войны в Латвии. Давали на раздумье время, но раздумывать особенно было некогда и незачем — мы тогда слишком мало знали о том, что такое партизанская война в реальности. Решение, скорее всего, мы принимали интуитивно, по зову сердца, влекомые чувством долга. Но большинство из нас позже с удовлетворением могли сказать себе: я нашел на войне свое место — сделал все, что мог, для разгрома ненавистных оккупантов. Для многих из нас эта пора стала высшим взлетом всех душевных сил.

С такими людьми я пошел в тыл врага. О первых латышских партизанах и их боевых действиях написано не так уж мало. Доведись мне в будущем зафиксировать эти события 1942 года в книге воспоминаний, я дал бы ей название «Дождливое лето»... Мне никогда не забыть дальний рейд полка из 200 бойцов на территорию родной республики. Бешеные марш-броски, лавирование, оборонительные бои и атаки, голод, истлевшую одежду, расползающиеся сапоги и нескончаемые дожди... Я командовал 3-м партизанским отрядом, скомплектованным

из советских активистов Валкского и Абренского уездов и рижских рабочих. Нашей задачей было: создать активный центр партизанской борьбы на севере Латвии, в Алуксненских лесах. Но на контролируемой врагом территории подстерегают сотни неожиданностей, и каждая может обернуться трагедией. Наш партизанский полк напоролся на гитлеровцев еще до перехода через пограничную реку Лудзу против Карсавы. Превосходящими силами противник рассеял полк, рации вышли из строя, патроны были на исходе. Комиссар полка Отомар Ошкалан одной из стычек был отрезан от штаба. Большие потери понес 3-й отряд: погибли комиссар И. Баград, парторг Я. Каунуж, политруки А. Айре, Я. Степиньш и многие другие. Что делать? На этот вопрос предстояло ответить нам — тринадцати уцелевшим партизанам. Мы сидели на болотных кочках у реки Зилупе и решали: идти дальше или возвращаться? Разгорелся спор. Марта Павулиня и я были за то, чтобы идти дальше. Меня мучили угрызения совести: мои бойцы, которым удастся прорваться, будут дожидаться нас в условленном месте — у тригонометрической вышки в Жигурском лесу. А я, командир, вернусь?.. Ну да, придется пересечь Псковское шоссе и «железку», не будет такого прикрытия, как лес, но как-нибудь... «Никаких — как-нибудь! Без рации мы — и немые, и глухие. Даже из тыла помочь не смогут. Надо запастись всем необходимым, подготовиться и — снова выступим». В доводах руководителя Оперативной группы ЦК КП Латвии Невы Палдыни и командира рейда Вильгельма Лайвина была своя, железная логика, и она взяла верх.

Позже выяснилось, что Вольдемар Эзерниек и Альфред Рашкевиц с пятнадцатью бойцами добрались до Жигури. Для того, чтобы снова встретиться с ними, мне пришлось во главе другого отряда еще раз пойти за линию фронта и основательно попетлять по вражескому тылу. В книге «Сквозь метели» описан этот переход — рейд Отдельного латышского партизанского отряда. Рассказано и о его боях зимой 1942/43 года, о создании надежной базы в латвийском пограничье, в районе Шкяуне.

Вторая военная весна принесла чрезвычайно важные для нас перемены. При Отдельном партизанском отряде разместилась

*Оперативная группа ЦК КП Латвии (руководитель Карлис Озолинь) — центр народной борьбы с гитлеровцами в оккупированной республике. Известие о Сталинградской битве всколыхнуло многих, объявленная немцами в Латвии тотальная мобилизация толкнула к прямому сопротивлению. Молодежь укрывалась от призыва в фашистский латышский легион, искала пути к партизанам.*

*6 марта 1943 года я был тяжело ранен в бою — от неминуемой гибели спас меня чрезвычайный маневр моих бойцов.*

*После выздоровления, в апреле 1943 года, я получил задание: выступить с 1-м латвий-ским партизанским отрядом на северо-запад Латвии. Нам повезло: закрепившись севернее Зилупе, мы наладили связь с остатками отряда «Лиесма» (командир Ф. Ларионов, комиссар Д. Каунуж) в окрестностях Абрене и с людьми Эзерниекса в Алуксненском крае. Усилив оба отряда, командование кроме того создало два новых опорных пункта на пути в Малиену: в Гривинском лесу и на Стампакском болоте.*

*Третью военную весну я встретил уже на родине. В северо-восточной Латвии к тому времени широко развернулось партизанское движение. В крупнейших лесных массивах от Зилупе до Гауи действовали отряды, подразделения и отдельные группы. После разгрома гитлеровцев под Ленинградом и Волховом, 16-я и 18-я немецкие армии откатились к реке Великая. Орудийная канонада доносилась уже до Латгалии. Близость освобождения воодушевляла людей на активную борьбу с оккупантами и их подручными — местными националистами? Новая, объявленная гитлеровцами в феврале 1944 года мобилизация обрекала на гибель целое поколение мужчин Латвии. Уклонялись, скрывались — тысячи, сотни — пытались уйти в партизаны. В Алуксненском и Абренском уездах народные мстители объединились.*

*16 марта 1944 года Латвийский штаб партизанского движения издал приказ о создании 1-й Латышской партизанской бригады.*

*В этой книге автор описывает лишь некоторые, наиболее важные для отряда события 1943 года. Дает наброски портретов отдельных командиров и партизан, рассказывает о их и своих проблемах. Повествование заканчивается мартом 1944 года —*

*месяцем, когда автор со штабным взводом и радистом совершил рейд через два уезда в Лиепнинские леса, где и завершился двухгодичный партизанский марафон в родные края.*

*Еще четыре месяца предстояло воевать партизанам ставшего бригадой отряда до того, как Красная Армия освободит Абренский и Алуксненский края. Они стали подлинными хозяевами Малиенских лесов... Много впечатлений сохранила память о том довольно непродолжительном, но насыщенном событиями отрезке времени. Но это особый рассказ.*

*Автор придерживается той же манеры письма и принципов размещения материала, с которыми читатель уже знаком по предыдущей, вышедшей на русском языке в серии «Бережь отчизну свою», книге — «Сквозь метели» (1985). Сохраняется двуплановость структуры: каждый мемуарный эпизод дополняет соответствующий исторический документ с комментариями. Порой, правда, документальная часть расширена — чтобы достоверней отобразить богатую событиями историю 1-го отряда.*

## ЛОВУШКА

### Полночь — пора привидений

Промозглая весенняя ночь. Изменчивая и обманчивая. Часы отсчитывают первые минуты двадцать пятого апреля. Полуночная пора привидений.

По низкому небу, сталкиваясь, цепляясь друг за друга, мчат на восток рваные, бурые облака. Беспокоен, тревожен их бег. Словно напуганы чем-то на долгом пути от Балтийского моря до берегов Зилупе.

Ничего удивительного! Весной сорок третьего и с высоты птичьего полета ощутимы беды и горе, постигшие латвийскую землю...

Все чаще и чаще пытается протиснуться в щель между облаками, глянуть вниз совсем округлившаяся луна. И чего ей неймется? Мы, партизаны, с цыганским солнышком дружбы не водим. Любопытно слишком. Сколько раз проклинали его за дурную привычку высовываться, когда нужней всего — непроглядная тьма. А в остальном — ладим сносно. Понимаем: у каждого своё дело. И свет лунный в лесной чаще порой очень кстати...

«Сегодня совсем рехнулась», - досадует один из партизан.

И правда! Словно сбесилась на ветру луна, обгоняет облако за облаком, сыплет на тропу пятна света. Не ко времени расстаралась... Эх, луна, темень крошечная нам сейчас нужнее всего.

Наш небольшой отряд, растянувшись цепочкой, бредет на восток — в одном направлении с облаками. По кочкастым пастбищам, через луговые ручьи, по липкой прошлогодней пахоте. Впереди — разведчики с автоматами, чуть поодаль — пулеметчик. За ними довольно тесной вереницей — головная группа. След в след за нею шагают штабники. За ними косяком обходят мочажины бойцы с поклажей на плечах. Где-то в хвосте неслышно ступает группа прикрытия.

Настроение у нас муторное. Природу лихорадит, на ум приходят тревожные мысли. Еще бы! Первая этой весной операция провалилась. Заранее, позавчера, семья партизана Моесёнка

предупредила: в субботу на хуторе Шушкова устроят «вечеринку» и ждут партизан — приходите, заберите в лес, а то насильно загонят в легион, затребовали уже в Зилупе призывников на регистрацию...

Ни тебе вечеринки, ни тринадцати новобранцев. Кукиш!

«Чертова дюжина — сгинула до ужина. Ловите, сваты, женишков святых!» Наш отрядный стихотворец Куялов выдал бы что-нибудь вроде этого... «умыкания женихов». Да, не удалось... Умыкание женихов?! Не веселят меня для самого себя сочиненные остроты...

Непривычно мне ходить на задание без моего адъютанта Криша. Одиноко без этого весельчака и бузотера. Пока меня лечили, его назначили командиром группы во 2-м отряде. Некому сейчас мне помочь отбиться от навязчивых мыслей, вернее — от подозрений.

Стряслось что-нибудь? Не выяснили мы даже, почему не состоялась «вечеринка». Местные мужички струхнули что-то, разговаривали с нами неохотно. Только и узнали — бродили днем по хуторам полицаи. Без дела, никого не разыскивали. Как понимать такое странное их поведение? Обмениваюсь отрывистыми фразами с Клементом Липовским — начальником контрразведки отряда, который шагает со мной рядом. Для него это первый, требующий

расследования случай. О чем мы ведем речь, понятно, пожалуй, лишь нам самим.

— Ленивые или стреляные?..

— Да, и ни о чем не спрашивали!

— Тем подозрительней... (Это о полицейских.)

— Разнюхали?

— Но как? Знали только наши.

— Тогда отпадает.

— Да, отец и оба сына в отряде... (Это о семье Моесёнка.)

— Совпадение?

— Как раз в день операции?

— На случайность непохоже, нет.

Ох уж эта неизвестность, с которой так часто сталкиваются партизаны, когда ни информации, ни времени на разгадку. И на этот раз ясно только одно: тут что-то не так.

— Гляну, как там новобранцы, — Липовский приостанавливается. В середине цепочки шагают несколько здоровенных парней — сыновья местных крестьян. Тащат за собой на веревках коров. Веревки эти сами матери им вручили: к маю немцам мясной налог сдать надо, пусть уж лучше сынок с собой уведет — на пропитание в голом да голодном по весне Освейском бору. А полицаям завтра же доложить можно: и сынка, и пеструху-кормилицу супостаты увели...

Снаряжали родители сыновей в путь — честь честью. Как на свадьбу. Загодя на каждого запасали по мешочку гороха и кулю крупы, ну а уж о шерстяных носках и говорить нечего!.. Скользят вдоль тропы диковинные тени: горб на спине и на груди горб.

Прощались матери с сыновьями — разве что скупую слезу обронили: ни горя особого, ни радости. Для женщин разлука есть разлука, даже если провожают в путь, когда иного выбора для человека с совестью нет...

С точки зрения партизанской тактики и морали все верно. Совесть наша чиста. Но, как обычно в таких случаях, нелегко избавиться от неприятного чувства: известно, как повернут «угон» парней фашисты. Завтра же — в который раз — гитлеровцы затрубят по Па-сиенской и Шкяунской волостях о «чудовищных злодеяниях» партизан. А мы объяснить никому ничего не сможем, не имеем права правду сказать. Иначе как родню бойцов уберечь от расправы? Само собой — силой увели, и сыновей, и пеструх. Бандиты!.. Вот уж тут полицай, паразит, поверит.

Родне партизан грозит конфискация имущества и высылка в концентрационный лагерь — в Саласпилс. И такое наказание еще считается мягким. В Аудринях расстреляли всех подряд, сожгли село.

Нечего крестьянам противопоставить этому зверству кроме хитрости. И все же для нас угроза смерти пустяки в сравнении с унижением, которому подвергают нас гитлеровцы. Это о нас — бандиты? Это мы — бандиты?! Успокаивает одно: кто должен понять — поймет. Поймут наши друзья и помощники. И остальные честные люди поверят нам, а не геббельсовской брехне. По крайней мере, после войны...

Выдираю ноги из вязких борозд, ощущая тупую боль, отдающую в бедро. Еще одно напоминание о том, что зимняя моя рана затянулась совсем недавно. Но упорно мешу глиняную кашу. Надо привыкать... Вот и пастбище в клочках старника, идти стало легче. Тут и там разбросанные кусты прикрывают далеко растянувшуюся цепочку. Показалась по-весеннему серая березовая рощица. Теперь уже не кажется, что в призрачном этом свете мы как на ладони.

На луну сваливается антрацитовая туча. Ну и ну, бывает же темень. Ни зги не видно... Шелестят ветви. Со стоном гнутса деревья.

Порыв ветра разрывает облако: луна на мгновение выглядывает из мрака. Зеленоватая полоса света выхватывает из темноты согбенную, мертвенно-белую фигуру.

— Кры, кры — кры... — Скрежещет костями скелет.

Идущий в голове отряда партизан отпрыгивает в сторону. Лес накрывает тьма.

Луна снова озаряет опушку — перед нами белеет безобидный ствол сломанной березы. Головной наш серчает:

— Шкилет чертов! — и зло сплевывает. — Нечисть! — и, уже шагая дальше, мстительно роняет: — Чурка старая!.. — Ему, видно, неудобно перед остальными за свой испуг. Но кого он честит — луну или трухлявый ствол?..

Луне все равно — улыбается во весь рот, радуется шутке, которую сыграла с нами. Что, цыганское солнышко, смешно тебе? Да, глупо выглядел паренек. Но при такой иллюминации и смельчака мороз по коже продерет.

Шутка, сыгранная ветром и луной, отвлекла меня от недавних сомнений. Тоже неплохо! Но, пока есть голова на плечах, надо думать. Да и где это делать, как не в ночных переходах? Большую часть бодрствования своего проводят партизаны в дальних рейдах. Сколько планов выхожено за эти тысячи километров...

В сущности, хорошо, что первый весенний рейд — не боевая операция, а что-то вроде мероприятия по заготовке продуктов.

Если так, то зачем потащил за собой штабников и полсотни бойцов?

## Мы — накануне пути

Возвращаюсь к вчерашним (брошаю взгляд на часы), нет — к позавчерашним моим мыслям. И не только позавчерашним. Почти целый месяц, еще мотаясь в санитарных санях, о том только и думал. Как справиться с новым боевым заданием?

Крутые перемены начались этой весной в партизанском движении по всей территории Латвии. Нашему небольшому, вновь сформированному отряду поручено: освоить леса вдоль Педедзе и Айвиексте. С отрядом я, наконец-то, окончательно вернусь в родные края.

С отрядом?! Хорошо, если два куцых взвода наберется. За обедом повар посчитал ложки. И семидесяти не набралось. Гораздо меньше, чем на бойцов, с которыми этой зимой ходил в тыл.

Прежний Отдельный латышский партизанский отряд после мартовских боев с карателями переименовали в бригаду. Из двухсот бойцов сформировали два новых отряда, разведвзвод и комендантский взвод — для обслуживания штаба бригады.

Мне доверено командование 1-м отрядом. Первый всегда и всюду должен быть первым. Такие вот радости и печали.

«Вилис! Тебе п-е-р-в-о-м-у открыт путь в Латвию! Как только ноги разработаешь, сразу махнешь в родную сторонку!» Как сейчас слышу воодушевленные слова Ошкална — комиссар приехал в покинутую крестьянами деревню Прохоровку навестить раненых после боев. Он, пламенный партийный пропагандист, буднично разговаривать не умеет. Этим он напоминает мне моего дядюшку, коммуниста с пятого года, Августа Самсона и других беззаветно преданных революции партийцев. Слова Ошкална живут. Они звучат с восторгом, убежденностью, радостью и гордостью. Изредка — со злостью. Сочный голос подкрепляется выразительной мимикой — и без слов понятно, о чем говорит Ошкалн.

Твердо уверен: случилось что-то хорошее, если у Старика (фамильярность эту он ввел сам!), если у комиссара в глазах так и скачут веселые искорки. Догадываюсь: первому отряду, как только спадут паводковые воды, выходить в путь. Значит, сначала разбег за Зилупе, потом толчок и... — прыжок Карсава — Балвы! Здорово!

А то проваляешься тут, и все атрофируется: и мышцы, и шестое чувство партизана — интуиция.

Просматриваю принесенные комиссаром списки новых отрядов, и восторг мой понемногу угасает. Как же так? Из прежних командиров и десантных групп первому отряду отдали только Антона Поча. Поставили командирами бывших рядовых. Что правда, то правда — ребята отличные. Мы друга друга знаем, отшагали и отвоевали вместе немало, но ведь нет у них командирского опыта — точат меня сомнения. Смогут ли в трудный момент повести за собой бойцов, которых почти не знают? Возможно, даже на верную гибель? В таком-то рейде?! Я втайне торжествую: повод есть, выклянчу у комиссара еще пару опытных командиров. Потягаемся, Отомар! Мне тоже хитрости не занимать!

Но комиссар, как говорится, с первого захода загоняет меня в угол. «Это точно!» — сочувственно поддакивает он и с невинным видом спрашивает: «У тебя, наверное, был жутко большой боевой опыт, когда в прошлом году мы тебе дали роту?» Внезапно, повысив голос, грохочет: «Такому мальчишке отряд доверили!» Я лишь руками развожу.

Постой, постой!.. А личный состав первого отряда? — все еще не сдаюсь я. Шестьдесят семь фамилий. Тридцать семь из них слышу впервые. Что это за люди? Прибыли к нам весной из Шкяунской, Пасиенской, Вецслабадской волостей. Только в майские праздники примут присягу. Стало быть еще не партизаны. Желторотые! А не прыснут в разные стороны при первой же перестрелке? Будем деток учить на брюхе ползать в чаще, по кочкам, не шуметь, держать палец на спуске? Детский сад откроем?

«Откроешь, если по-на-до-бит-ся!» Старик с выразительным жестом выдыхает клуб дыма и тихо, язвительно добавляет: «А то где тебе еще твой диплом пригодится?» Это, я скажу, уже удар ниже пояса. Беззвучно разеваю рот. Вот пройдоха! Усек, что ношу в нагрудном кармане завернутый в прорезиненную пленку диплом учителя. Мне его по ту сторону фронта оставлять не хотелось, а комиссар запретил брать с собой документы. Глазастый! И теперь пользуется моим замешательством.

Ладно, ладно! Я готов к третьему раунду насчет «стариков», участников зимних боев. Ну; справедливо ли, сам посмотри, Отомар! Сколько их осталось? Совсем наш отряд жидковат...

Комиссар, сурово глядящий исподлобья на меня, выходит из себя: «Старики, старики! Рожу я тебе гвардейцев, что ли?! Сам знаешь, у меня больше никого нет».

Да знаю, знаю. И Спрогис из тыла обещать обещает, но... Как в той песне поется — то нелетная погода, то в разлетах самолеты.

Я уже сдался — отказываюсь от четвертого раунда. Не говорю уже, что в боевых группах на три винтовки приходится по одному автомату, что огневая мощь наша по сравнению с прежней уменьшилась втрое.

Старик, сокрушив меня, ведет себя великодушно, не торжествует по поводу своей правоты. Снова так и светится его лицо. Радует, шельма, что так легко справился с деликатной штабной миссией, уломал меня... Человек он добрый. И перед тем, как покинуть наш «госпиталь», хочется ему сказать что-нибудь хорошее, нужное мне сейчас. Вдохновенно грохочет: «Верим мы в тебя, Вилис. У тебя хватка есть — ты осилишь!» В утешение нахваливает? Не похоже. Убежденно говорит.

«Будет у нас новая бригада в северной Латвии!» — предрекает Ошкалн, и трудно ему не поверить, завораживают меня эти слова.

Нет, я понимаю: наш наставник прекрасный психолог, знает — взывать надо и к мужскому честолюбию. Я и сам поступаю так же... Но, хочешь не хочешь, а возникает уверенность: все продумал Старик, не нахваливает, не утешает. Ей-ей, верю. Быть бригаде!

Высказанную мне Ошкалном программу отряд позже получил в виде официально акцептированной ЦК КП Латвии директивы: передислоцироваться в северную Латвию.

С нее и начался для нас месяц раздумий, сомнений, прикидок. Несметное число раз мы с Херманисом Бендиком и Иваном Бурцевым исползали карту пограничья, полулежа на нарах в штабной землянке, открытой в Освейском лесу. Оба они отменные ходоки и отлично знают маршруты. Херманис работал на Гауе плотогоном, но интеллигентен — до войны учился на первом курсе университета. Иван — смекалистый крестьянин из Латгалии. Уже

зимой оба исполняли обязанности офицеров связи, но все еще в сержантском звании. В середине января, разыскивая лагерь отряда Эзерникса, они по глубокому снегу прошли до Гулбене и обратно. И — без единого происшествия. Мы за это время на куда более коротких маршрутах потеряли десять фронтовиков. До сих пор не могу понять, как можно зимой пройти четыреста километров, не обнаружив себя. Умение?.. Но и удача!

Чертим, на карте прямые линии. Как и каким маршрутом добраться от Зилупе до Педедзе? И не просто добраться, а в целостности и сохранности? Не можем мы себе позволить ни боев, ни потерь. Осторожничаем? Да! На открытом месте такой небольшой отряд — полсотни мужчин и дюжину девушек — разгромит даже рота хорошо вооруженных эсэсовцев. Кто тогда соберет и поведет в бой партизан?

Херманис загорается идти южным маршрутом. Проводит линию до Таудеяньского леса, под Резекне, оттуда — в Рыковскую рощу. От нее до лубанских плавней — рукой подать. В прошлом году такой путь проделала группа Лапсы. «Осенью и вдесятером они шли. Теперь полсотни человек в безлистных перелесках не спрячешь», — неторопливо рассуждает Иван Бурцев. «Нас прошлой осенью как раз в Таудеяньском лесу окружили...» Он, вспомнив горькую участь двадцати бойцов Варфоломея Рубулиса, передергивает плечами.

Бурцев «шагает» намного севернее: через Крейчинское болото в Наутрены?.. Ну а дальше? Вот тут, за станцией Межвиды, в прошлом году начали преследовать отряд Артура Балодиса, загнали его на открытые со всех сторон ичинские луга и разгромили.

Трудно подсчитать, сколько ночных часов понадобится нам, чтобы успеть пройти до рассвета от одного зеленого пятна на карте до другого — до очередного из редких лесов пограничья Латгалии.

Если идти на север от Карсавы? Через Бриежаукскую пушу? Пальцем отчерчиваю воображаемую линию через реку Лудза до шоссе Резекне—Псков и... упираюсь в главную железнодорожную магистраль немецкой группировки «Север». Невольно отдергиваю руку... словно наткнулся на гадину.

«Вспомни сорок второй!» — предостерегает, пугает меня недоброе предчувствие. Перед глазами — мучительные картины разгрома партизанских рот. Вот здесь, под Скангали, прошлым летом разбили взвод Чулкстенса. Тут, за станцией Пундури, эсэсовцы уничтожили штаб отряда Винде. Из роты Фрейманиса до Жигурских лесов добрались немногие...

Ну а о следующем варианте — пересечь железную дорогу еще севернее, за Абрене — я и слышать не хочу. В прошлом году на этом маршруте мы попали в окружение у реки Лудза, под Кокшиным. У меня на глазах погибли Петерсе, Двеле, Лавринович, Кирис, ранили Палдыню. Зацепила костлявая и меня. Правда, в тот раз пронесло, удалось ее про-вести... Нет, туда мы больше не ходоки!

За какой маршрут ни возьмешься — всюду напоминания о разгроме партизанского полка в прошлом году. Может, я слишком уж остро переживаю поражение, преувеличиваю опасность? Рефлекс особый возник?

Хватит мне терзать себя и остальных. Не идти нельзя. Попытаемся короткими рывка-ми... постепенно, незаметно просочиться. А до этого хорошенько разведаем маршруту, подыщем надежных людей. Там и увидим, как сподручней идти, и путь выберем. Друзей и помощников в этом году будет больше — выпрямились люди после Сталинградской битвы. Ну а в партизанской войне поддержка народа — главный, решающий фактор.

Вот такими — пока слишком туманными и общими — (вырисовывались контуры нашего плана действий еще неделю назад. Сейчас — первые практические шаги. Поч и Бендик с группами разведчиков и подрывников отправились в пограничную зону между Зилупе и Ритупе, подыскать более или менее сносное место для временного лагеря. «Квартирьеры» наши — лучшие люди отряда, полтора десятка ветеранов с автоматами. Половина нашей огневой мощи и... боевого мастерства.

Может, потому как-то, не по себе нам и с такой осторожностью идем мы по залитой лунным светом чаще.

Ничего, мы всего лишь накануне пути. Поход для нас что-

то вроде тренировки перед дальним рейдом. Всех, кто только находился в лагере, с собой взяли. Пусть поучатся молодые командиры и бойцы привидениями скользить между вражескими гарнизонами. А заодно — месту в строю и дисциплине.

### **Не захопнулась ловушка**

Что же это за дисциплина?! Под ногами — твердая земля. Дорога? И напротив — чернеют хутора. Неужели Пинты?! Условились ведь: идем по азимуту бездорожьем. Ага! Из темноты беззвучно выныривает командир головной группы — Сергей. Он из тех местных парней, что с нами уже более полугодом. Надежный, смелый и толковый проводник. Только в серьезных боях еще не бывал. И отряд самостоятельно ведет впервые. я — Товарищ командир! Придется по дороге. Со скотиной реки не перейдем.

Перед глазами — прогибающаяся над темным, бурлящим потоком жердь. К притоку Зилупе мы вышли по сырому лесу, минуя заманчивый сухой холм Гребле. Вернуться собирались тем же путем. Возле переправы и мостов наверняка засады.

За спиной кто-то кашляет. Не оглядываясь, узнаю: Иван Бурцев. Само собой, рядом с ним Липовский, вот уж сябры, так сябры. Иван с позавчерашнего дня — начальник штаба. Худой, хлебнувший крестьянской доли. На потемневшем, уже изборожденном морщинами лице светится тихая, добрая улыбка. Разговариваем обычно так: я на латышском, Иван Трофимович на русском — каждый из нас более силен в родном языке.

В зыбком лунном свете лицо его привычно улыбочиво. Начштаб принял донесение разведчика с несокрушимым спокойствием.

— Ясное дело. Упрется всеми четырьмя — силком в воду не затащить. Корова — скотина самая бестолковая...

Мне ничего другого не остается, как продолжить в том же духе: — Ни в технике, ни в тактике не петрит...

Командир головной группы, используя благоприятный момент, сыплет доводами. Лучше всего махнуть через хутор Пинты! Еще километр — и мы уже на опушке, в безопасности. Здесь, так далеко от Зилупе, пограничники по ночам ни разу не попадались, и у Греблса нас встретит группа прикрытия... Звучит убедительно.

Теперь решаю я. А во мне все еще бурлит недовольство: из-за дурацких телок отклонились от тщательно продуманного маршрута. Ведь сам на каждом шагу требую от молодых командиров дисциплины на марше. Да так, что надо мной уже тайком подтрунивают: мол, долдонит, что ксендз свои десять заповедей.

Раздумываю: с коровами — через Пинты или без них — по жерди над омутами? Верх берут практичность и мальчишество. Ну уж... коров бросить?! Завтра вся Освея и Шкалуне над дрейфунами станут потешаться. А партизанам у пустого котла что скажешь?

Так и быть! Увеличим дистанцию между бойцами головной группы. Смотреть в оба! И местных расспросить для полной ясности... Распорядившись, перепрыгиваю через придорожную канаву и шагаю к ближайшему дому — поговорить со здешними стариками. Липовский идет вместе со мной — дымнуть захотелось, а огонька нет, да и на дороге не почиркаешь спичками, чего уж там тумана напускать — понятно, что за командира тревожится. Ладно, пойдём — дыми на здоровье! Времени хватит. Когда еще цепочка наша растянется!

Рановато мы, правда: до первых петухов. Хозяев будить придется... Стучим в дверь приземистой пристройки: возле нее утопано — через веранду не ходят. Тихо. Собак тоже не слышно. Спят хозяева или притворяются? Клемент слегка дергает за деревянную ручку, и грубо сколоченная дверь с пронзительным скрипом отворяется. Ну и ну — на ночь не заперлись?! Внутри — непроглядная темень. Шагаем через порог и наощупь пробираемся дальше. С невероятным грохотом катится опрокинутое жестяное ведро. Но к нам никто не выходит.

Нащупав дверь в комнату, стучим. Перед нами стоит хозяин — уже одетый. «Ловок однако. И встревожен. И услужлив». Керосина у него нет, пусть уж извиняют господу — или... Не знает он, как нас величать. Но в лампе и нужды особой нет. Середина комнатухи залита лунным светом. Только по углам — глубокие тени. Из темноты выплывает светлое пятно — хозяйка в ночной рубашке. И оба друг за дружкой, как на паперти, канючат:

—Никуда не ходим, ничего не видим, ничего не знаем...

Давно не попадались нам такие «говоруны». Странно. Чего им скрывать? Беднота ведь!

Однако огонька Клементу хозяин подносит, и даже горсть самосада на дорожку отсыпает. Но узнать мы ничего не узнали. С тем и выходим сквозь темные сени на лунный свет. Хозяева — ни слова на прощанье. С места не сдвинулись.

Чего они боятся? В этих местах партизан знают. Знают, что мы их не обидим.

Еще один вопрос остается без ответа.

У дороги нас поджидает комсорг отряда Брунис Зебергс. С ним санитарка Чиепиня.

— Там! Кто-то за угол шмыгнул! — вполголоса остерегает нас Чиепиня.

Мы, разом повернувшись, вскидываем автоматы. Никого!

— Ты что?, — удивляется Брунис. — Командир только оттуда.

Но, с автоматом наизготовку, забегает за дом. Там, в низинке, кусты, в них если и есть кто, не увидишь. Брунис возвращается ни с чем. Подтрунивает над девушкой:

— Час нечисти! Привидения мерещатся...

Че-ерт возь-ми! Вот уж правда, полночь — пора привидений. На каждом шагу чудеса всякие. Ничего до конца не выяснить и не понять. Но что удивительно — нет во мне той тревоги, что бывает, когда рядом опасность.

Не предупреждает меня о ней интуиция. Злюсь сам на себя. Целый месяц бил баклуши, отвык от дела. «Олух» — так и вертится у меня на языке словцо для моего «второго я».

Но я негодовал бы на себя куда сильнее, знай я все. Даже не все, а толику. Хотя бы то, что несколько минут назад, шаря в темноте по стенам халупы, мы были на мушке у эсэсовцев. Позже нас проинформируют — в углу, за скрынями, прятались несколько шуцманов из 278-го шкяунского батальона. Эти добровольцы — самые заклятые наши враги еще со времен карательной экспедиции. Но струхнули, не сунулись. А будь у Клемента спички? Не честить, благодарить незадачливого курильщика надо. Полыхни он огоньком, шуцманы бы тоже... «полыхнули».

Я оглядываюсь. В лунном свете наша растянувшаяся по проселку

цепочка обретает фантастические очертания. Из тумана лощины выползает вереница уродцев, между ними М что-то вроде одnogорбых верблюдов. Дорога в гору. Вдалеке, под рыжим небом — жирная и черная, как тушь, черта. Это лес — густой и желанный. Слева, шагах в пятидесяти от обочины, сереет довольно большой дом — последний хутор в Пинтах. Наша головная группа уже прошла его, приближается к заготовленным лесорубами штабелям дров.

Раздается гулкий и частый топот. Ко мне подбегает запыхавшийся вестовой из головной группы.

— Товарищ командир! В доме — чужие. — И не совсем уверенно добавляет: — Наверное, шуцманы собрались. Самогонку хлещут!

Как гром среди ясного неба. Шуцманы — здесь? В полночь? И никто нас не остановил? Они что, не выставили постов? Перепились? Опять наваждения...

Впервые за эту ночь меня внезапно, до звона в ушах, настигает предчувствие беды. Мгновенно оцениваю ситуацию.

— Дом взять под прицел! Бить по окнам! Пулемет — к штабелям! — приказываю уже на бегу.

Головной группе не отойти — слишком углубилась в расположение противника. Само собой, если он есть. Еще теплится слабая надежда... Штабеля — единственное прикрытие. Бойцы в хвосте цепочки замедляют шаг, отстают.

Безмолвно поблескивают в лунном свете окна серого дома. Наверное померещи... Разом вспыхивают и грохочут выстрелы. Ловушка! Падаю, качусь по земле влево к обочине. Ну и проселок, даже придорожной канавы нет. Строчат спереди и справа. Не с хутора. Это на слух. Но надо глянуть! Поднимаю голову над кустиком прошлогоднего сорняка. Репейник, что ли? Жестко царапнуло по щеке... Справа на пригорке чернеет рваное пятно, гравийный карьер. Стреляют из-под деревьев. Никак мне пока не засечь пулеметных позиций. Но в том, что их два, я уверен.

А что в тылу? Призраки испарились, только нет-нет и звякнет вдалеке котелок или пулеметный диск. Стерня придорожная — прикрытие слабое, и группы, как видно, отходят в лощину. Правильно делают. Отменно среагировали, и новобранцы

не оплошали. Никого нет, только две телки, взбрыкивая и восторженно мыча, несутся по дороге обратно к своим хозяикам. Прямо Коровий праздник... Луна таращится сверху. Мы как на ладони. Фрицы шпарят без передышки — патронов не жалеют. Вслушиваюсь: пули не шелестят, а свистят. Самое малое — в метре над головой. Плотнее к земле, ребята, жить можно!

Надо как-то пробраться к головной группе. Трое бойцов перекрыли хутор, а четверо или пятеро — ними Козлов с «Дегтяревым» — должны быть впереди, у лесосклада. От души поливают фашисты штабеля. Пригнувшись, пробегаю шагов тридцать. Переводя дыхание, на мгновение прислоняюсь к кругляшкам. Пахнет... лесом. Так пьяняще и призывно, что хочется вскочить и промчат во весь рост оставшиеся сто метров. До спасительной опушки.

Напрягаю слух. И вслушиваюсь в ночь сквозь беспорядочную трескотню выстрелов. Улавливаю странный шум. Кто-то возится, тяжело дышит и, разбрасывая поленья, по-девичьи бранится. Расма! Санитарка.

— Чиепа! — кричу, припав ртом к щели меж штабелей. — Что с тобой?!

С противоположной стороны доносится тоненький голосок: — Застряла!.. Фрицы в щель палят.. Козлов на дороге...

— Протискивайся сюда! С этой стороны выбирайся. Осторожней! В доме — фрицы!

Прокричав это, ползу вдоль штабелей к дороге. Пулеметы шпарят всю, березовые поленья так и звенят. Время от времени фриц проходится очередью по хутору. Разлетаются стекла окон. Прекрасно. Пусть эта нечисть не высовывается. Фрицы сами прикрывают нас с тыла.

Где же бойцы? Вот!.. Скрюченное тело поперек дороги. Пулеметчик Янис Козлов. Только увидев безжизненно откинутую руку, по-настоящему понимаю, какая стряслась беда. Тяжким грузом наваливается на меня сознание собственной вины. Как же я не почувствовал? Вовремя не понял, где нас подстерегает опасность?! С привидениями воевал? Молокосос! Еще мгновение — и я вскочу на ноги, закричу. Не могу я больше молчать и

прятаться. Я должен быть рядом с ним. Там! Он хрипит?

— Почему?! — невольно вырывается у меня. И этот совершенно глупый вопрос останавливает меня. Заставляет думать. Кто-то тяжело и глухо хрипит. Кто-то ранен. Окидываю взглядом дорогу. Никого на ней больше нет. Конечно же, это Козлов. Еще жив?! Радость пружиной подбрасывает, швыряет меня вперед. И вот я уже лежу рядом с пулеметчиком.

Янис без сознания. Наверное, как шел, так первой очередью и скосили. Пулемет в грязи, дорога возле него залита кровью. Хлещет из перебитой артерии...

Беру его за руку, Янис дергается и выпрямляется. Мне становится страшно. Прикусываю губу. Во рту — пресно.

Пузырится придорожная лужа: «Чаук-с-с. Чаукс». И так, оказывается, умеют пули нашептывать. Тьфу! Ну и ощущениеце — под луной и посреди дороги...

Глажу на прощание по плечу погибшего товарища. В одиночку его до леса не дотащить, а наших поблизости нет. Прости, друг! Взвалив пулемет на спину, ползу к штабелям дров. Не получается у меня как следует. А пули уже жужжат надо мной свою смертную песенку. Приходится отталкиваться коленями и локтями. В одной руке автомат, а второй все время поправляю соскальзывающий ствол пулемета.

Опомнилась, погасла луна. Рой раскаленных ос взмывает вверх. Что будет, то будет: вскакиваю, спотыкаюсь, бегу со своей ношей к штабелям. На меня сваливается несколько плашек. Я — в укрытии. Упираюсь спиной в поленья, спасся.

Весело затакал наш автомат. Это, похоже, на фланге засады. Азартно стреляет: частыми очередями, перебегая с места на место. Кто мог так далеко прорваться? Конечно, Валфрид Густавсонс.

Твердая у него рука. Вон, как кладёте цель, да еще в темноте! Смолкает одно, потом и второе «мехружье». В небе вспыхивают ракеты. Опешили фашисты. Пытаются разглядеть, откуда их долбают и по кому сами шпарят. Отдаляются и смолкают веселые автоматные трели. Теперь рядом никого из наших. А Расма? Давно уже должна быть здесь. Позвать еще раз? Нельзя. В такой тишине и фрицы услышат. Сердце щемит — быть беде. Может, гады эти уже

подкрадываются сюда в темноте. А она одна. Застанут врасплох и схватят... Не от морозной сырости, не от мерзлой земли охватывает меня озноб. Не они леденят мои тело и душу. Совсем недавно, в марте, егери ягдкоманды СД в лесном бою наткнулись на нашу санитарку Айю. Она и крикнуть не успела. Или не смогла? Лицом к лицу с оборотнями немудрено от ужаса лишиться голоса и сил. И что из того, что у Расмы наган. И курка взвести не успеет. Схватят и замучат...

Тишина? Вот что пугает, словно подтверждая, что беда уже стряслась.

Надо что-то делать... Звякает задетый локтем пулеметный диск, и от знакомого этого звука в сознании вспыхивает мысль: расстрелять все тридцать патронов, весь диск. Осветить, расколоть эту тьму, эту тишину! И фрицы струхнут, повернут обратно!.. Именно в этот момент луна вместо меня раскалывает тьму. Я вижу, что от дороги ко мне ползет Чиепиня. Ах ты, мелюзга несчастная! Столько из-за нее натерпелся! И в голову ей не придет, как я из-за нее намучился; докладывает, как будто сам послал ее на задание:

— Пульса не нащупала. Наган все же оставила. Кто знает...

Это она говорит о Козлове. Ну, посмотри ты! Под такой огонь ради товарища поползла. И никаких не понадобилось приказов. Девонька ты наша! На душе у меня совсем тепло. Впервые за эту промозглую ночь. Так и тянет погладить ее растрепанную челку. Для порядка бурчу что-то о бойцах, забывающих свое место в строю.

Теперь нам надо попытаться вырваться из окружения. Вряд ли фрицы догадываются, что нас всего двое. Иначе давно бы уже пошли на нас. Мы — в западне! Со стороны леса и гравийных карьеров нас прикрывают штабеля. Но со стороны хутора мы не защищены ничем. На окна дома во время стрельбы я внимания не обращал, были дела поважнее. Да и почти уверен был: оттуда остерегаться нам нечего — еще до пальбы краем глаза засек, как подбежали к дому разведчики головной группы. Но только там ли они сейчас? Должны быть! Наверняка, залегли под забором. Если понадобится, поддержат огнем. Да и другого пути для отхода нет, только мимо этих окон. Мимо этих недобро поблескивающих в

лунном свете окон.

«Да спрячься! Спрячься ты хоть на минутку за тучку!» — твержу я про себя луне. Мы, дожидаясь затемнения, готовимся к перебежке.

— Бери его! На взводе! — протягиваю я санитарке свой автомат. — Луна зайдет, дуй вдоль забора. Во весь дух! Я догоню.

Расма в нерешительности: не шучу ли я? Всем известно, командир свое оружие из рук не выпускает, не доверяет его никому. Даже, когда ранен был, не отдал. Поняв, наконец, что я несу пулемет, Расма деловито вешает на грудь автомат. Едва «фонарь небесный» гаснет, как она семенит вперед, держа палец на спусковом крючке и высоко вскидывая каблучки тяжелых кирзачей. Неторопливо шагаю следом, держа наизготове пулемет.

Из-за угла дома меня окликают по-русски:

— Сюда, Петрович!

Сворачиваю туда. Глухая стена, без окон. Выгодная позиция!.. Расма уже здесь, рядом — двое разведчиков припали к стене. Слушают, что творится в доме.

— Стадо баранов, — презрительно роняет рослый.

Я тоже прижимаю ухо к стене. И в самом деле блянье, галдеж какой-то, как из подземелья. На пол, наверное, залегли, когда пулеметы по окнам ударили. Изредка прорывается голос мужчины: кричит, угрожает как будто... Истерически вскрикивает женщина, то и дело начинают плакать дети.

— Ну я ему поору! — хрипит приземистый Кондрат. И с гранатой в вытянутой руке крадется вдоль стены к окну.

— Стой! Там же дети! — останавливаю его я.

Кондрат (настоящее имя а — Кондратий Зейлиш) — шустрый, строптивый. Заводится с пол-оборота, трудновато ему с дисциплиной. «Бузила», — метко окрестили его ребята. Боец не из легких, но смелый... Надо его занять, а то вон как руки чешутся... Протягиваю ему пулемет.

— Стрелять умеешь?

— Еще спрашиваешь!

Этот со всеми разговаривает на «ты», всегда задирается.

— Займи позицию на краю луга и прикрой нас. Показываю ему

на кромку кустов.

Задание Кондрату по душе, он даже каблучками прищелкивает: — Слушаюсь, товарищ командир!

Луна просто глаза выкатила — по пашне с пулеметом на плече лениво шагает человек. Вразвалочку... Полное презрение к фашистам.

Снова припадаю к стене. Похоже, их там немало. Сколько? Сейчас прикину. Стреляли два пулемета, значит — взвод. Половина мерзнет на позициях, остальные — отогреваются. Кто-то, возможно, на «вольной охоте» — рыщут по хуторам в поисках жратвы и самогонки. В общем, там, за стеной, около десятка гитлеровцев и не шуцманов, не таможенников, а бандитов из полицейского батальона.

Стой-ка! А ведь мы напоролась на них с тыла?! Ну да! Они поставили нам ловушку на выходе из леса, со стороны Греблса. А мы со своими коровами подошли полем. Вот и приняли они вначале нас за своих. Тю-ю! Присвистнув, прищелкиваю пальцами. Расма и разведчик недоуменно переглядываются — лунатик какой-то, улыбается... Плевать мне сейчас на мой вид! Понимаете вы? Начинают разгадываться ночные наваждения. Не такие уж мы оболтусы, не удалось фрицам обвести нас вокруг пальца. Теперь они сами в ловушке! ! Прищемили мы им хвост. Высунуться боятся, попрятались под бабьи юбки! Из-за угла в спину стрелять — на это они молодцы. И десяти таких гадов мало, чтобы сквитаться за Яниса Козлова.

— Эй вы, там! Выползайте! — колочу я стиснутой в руке лимонкой в стену.

— Вилис, опомнись! В комнате малыши. — Легкие пальцы касаются моего плеча. Чиепиня думает, что брошу. Не бойся! Придет время — рассчитаюсь. Не скроются! Просто на прощание попугал.

Мы быстро переходим втроем поле. Тихо на холме, онемел хутор, никаких признаков движения на берегу реки.

Небо на востоке бледнеет — ночь на исходе. Остается только выяснить, каким образом гитлеровцы узнали о нашем ночном рейде.

## Ода купаниям

У партизан в небольших отрядах режим был напряженный, жесткий. По ночам совершали переходы, выполняли задания. Отсыпались днем. Спали вполглаза в каком-либо укрытии, обычно в кустах. Если повезет, в сарае или на чердаке дома у кого-нибудь из своих. О более или менее устроенном быте речь могла идти лишь по возвращении в свой лесной лагерь — к дымным кострам и навесам-временкам, сырость из-под которых выпарить в силах только летний зной. Что правда, то правда — в Освейской и Себежской партизанских зонах жизнь на постое у крестьян изрядно избаловала латышей и отучила от лесного быта. Но после мартовской карательной экспедиции, разорившей большинство деревень, домом партизанским стали землянки.

В жизни партизан не было места безделью.

Вернется утром до нитки промокший и смертельно усталый партизан, и сразу поближе к весело потрескивающему костру, сушить одежду и портянки — если, конечно, огонь разводить разрешено. Порой, казалось, он на отдыхе только тем и занимается, что портянки сушит. Это совсем мирное занятие отнюдь не снимало постоянного напряжения: если объявят тревогу, босиком далеко не уйдешь. «Не суши портянки!» — такой поговоркой подгоняли при выступлении отряда замешкавшихся, какую бы ни была причина задержки.

Лишь просохнув, шли бойцы к котлу с супом, а потом на боковую — как подрубленные валились под навес. Ну а к полднику лагерь оживал. До ужина занимались своими делами, приводили себя в порядок. Но по-настоящему партизанский быт начинался после ужина, когда смеркается и густеет мгла и настает самая безопасная для нас пора — фрицы в лес не суются, летчики за кострами не охотятся. И тут самое излюбленное место, по крайней мере, у нас кухонный костерок. Хорошо было посидеть возле него: в холод обогрешься, а летом — от комарья спасешься. Один за другим рассаживались на чурбаках все, кому ночью не идти на задание и не стоять на посту. Народ тут собирался обычно самый простой, в основном рядовые.

Поначалу свернут бойцы самокрутки, придвинут чурбаки,

поворочат угли, подкинут полешек, перекинутся словом — другим, и завяжется разговор. О чем только не толкуют. То о семье и мирной жизни, то о дырявом сапоге и жидкой похлебке, то о шуцмане поганом и своем соседе-хитроване. Бывшие фронтовики — люди с опытом, все к боевой технике прицениваются: немецкий шестиствольный миномет — жестянка, не больше. «Катюша» — это да, гвардейское оружие, задал страху фрицам «сталинский орган»... В таких посиделках проявляется характер каждого. Молчуны с глухих хуторов к сборищам не привыкли, слова не вымолвят, только слушают—молчат, даже когда их подначивают. Зато спокойно не усидеть нашим живчикам — бывшим заводилам сельских танцулек. Хоть слово, да вставят. Само собой, и балагур найдется, подденет скромняг, и взмоет порыв негромкого смеха. Ну и городские «интелибеньти»<sup>1</sup> подкинут парочку анекдотов. И понемногу меняется разговор, становится все менее и менее серьезным. Но без ругани и похабщины. И не только потому, что рядом девушки. Яростно искореняет любую пошлость Ошкалн. Он Часто и охотно задерживается у костра. Подбрасывает, как полешки в огонь, фразу за фразой. Только Старик умеет так «войти» в тему и настроение. При нем разговор не оборвется. Нам, командирам, надо признаться, что редкий из нас вписывается в такую непринужденную обстановку. Стоит появиться, как пересуды кончаются. Кто же при начальстве лысы точит? И бойцы расходятся — спать. Со Стариком — не так. Вот еще одна грань удивительного феномена Ошкална...

Вот и в эту ночь, отдохнув и придя в себя после неудачной операции, партизаны засиделись у кухонного костерка. Издалека слышно, что не грустят. Время от времени раздаются взрывы хохота. Похоже, кто-то читает стихи. Над чем они так смеются? Хотелось бы знать. Но подойти — настроение им собьешь. Пусть уж ребята разрядятся как следует. Завтра снова на задание — теперь уже сами устраиваем ловушку.

Утром я узнаю, что стало причиной веселья бойцов. И докладывает мне об этом официально начальник контрразведки Липовский. Так, мол, и так, товарищ командир, мне приказано

<sup>1</sup> На латышском - пародия на слово «интеллигенты». Что-то вроде «табуретки интеллигентной». Беньгис (лат. Beņķis) - табуретка.

провести дознание, разобраться с автором вот этого вредного документа. Протягивает двойной листок в клетку из ученической тетради, весь исписанный.

— Прокламация? И автор — в отряде?! — Обескуражен я.

— Нет, ну... не совсем так, — запинается ошарашенный моим вопросом Липовский. — Что-то вроде баллады или оды. Сочинил наш молодой поэт Куялов, но... Как бы в насмешку над нашей операцией.

— Ну, читай, что там. Мы послушаем, присаживается рядом со мной начштаб Бурцев.

Это довольно корявые вирши о нашей «прод-заготовке». Стихотворец язвит над перепугавшимися партизанами, над купанием в «коровий праздник» незадачливых пастухов; свою порцию получают и штабисты. Отдельные детали подмечены очень метко. Видно, что потрудился основательно, подгоняя ритм и рифмы — многие строки на листе зачеркнуты или переправлены.

— Что скажешь, начштаб? — спрашиваю я Бурцева.

— Ничего. Складно получается. — Иван, как всегда, добродушно улыбается.

Непонятное у меня возникает чувство. С одной стороны Куялов издевается, а с другой — все правильно сказано. Разве мы не сиганули, не дав серьезного отпора.

Как бы повел себя, что сказал бы сейчас Ошкалн? Ну, ясно одно: не стал бы драматизировать и искать крамолу. Нашел бы верное слово и для автора, и для ребят. Может, и сам заодно подначил их насчет купания в «коровий праздник». Тот, кого Батяка подденет, во второй раз не драпанет.

— А при чем тут дознание? — спрашиваю я начальника контрразведки.

Липовский не успевает ответить — в землянку, пригнувшись, входит наш новый комиссар.

— Это дело на официальное дознание подал я. Подрыв авторитета командования, — багровеет он.

Да подрыв ли? Критика и самокритика. — Благодушно улыбается Иван. — Я тоже драпанул. Ну, да и чего он такого особенного сказал?

Липовский торопится зачитать двестишшия.

*Наш товарищ командир  
Носом грязь бороздил.  
Разве можно, комиссар,  
Через речку плавать так?*

Все понятно: высмеивает то, как я ползал, а Янис искупался.

— Ну, вот! Я тоже подтверждаю этот факт, — почти нараспев произносит Бурцев и поворачивается к Янису: — Ну какого черта ты напрямик пошел, если рядом мостки были? Сам знаешь, в первый выгон пастухов купают. Чтобы пасли сноровистей. Вот и у нас такое купание в «коровий праздник» получилось. Ты даже насморка не заработал. Выходного своего френча жалко? Все равно в лесу измял бы.

Шутливо вступает Клемент:

— А наверное у политработников это в крови: только напрямик. Батяка всегда, например, реку одетым переходит. Принципиально. И дальше в мокрых штанах шагает.

Есть такая причуда у Ошкална — даже если тепло, не уговоришь его снять сапоги и брюки при переправе. В общем и не просто причуда, опыт у него есть. Попробуй мокрым быстро одеться и обуться!

Клемент продолжает уже серьезно, как и полагается парторгу:

— Мы и сами виноваты. Мало говорим о недостатках в коллективе. Провал в нашей работе и заполнил Куялов. За что же его упрекать? За плохие стихи? Ну, тут комиссар прав.

Видя, что Янис уже и сам готов пойти на мировую, пытаюсь рассудить по-ошкалнски:

— Тут у каждого своя доля вины. Решим так: комсоргу Зебергсу поручим организовать регулярный выпуск боевого листка. В нем будем отражать жизнь отряда, отмечая боевые успехи и критикуя наши промахи. Привлечь всех, кто хочет писать. Куялову помочь освоить азы стихосложения... Ведь нет в юморесках и карикатурах ничего плохого, пригодятся нам в боевых листках? — Я вопросительно гляжу на остальных и, когда все согласно кивают,

добавляю:

— Разумеется, все следует предварительно согласовать с комиссаром.

Полусерьезный конфликт вроде бы улажен. Но настоящего удовлетворения нет. Впереди долгий путь, и нам необычайно важно понимать друг друга. Понимать не подстраиваясь, а одинаково мысля. Ведь мы еще и не познакомились толком. Штаб целиком сформирован заново после того, как месяц назад наш Отдельный разбили на два отряда и создали бригаду. Из прежнего состава никого: ни Ошкална, ни Муравского, ни Иманта, ни Янки — переведены в штаб бригады. Петя Богомольников погиб, а незаменимый адъютант, всегда жизнерадостный, веселый Криш назначен командиром группы 2-го отряда.

Пока основное ядро нового штаба местные латгалцы: начштаб Иван Бурцев и начальник контрразведки Клемент Липовский» которого коммунисты отряда выбрали и секретарем первичной партийной организации. Клементу тридцать, Ивану почти сорок лет — солидный для нас, молодежи, возраст. И оба — неразлучные друзья и давние соседи. Иван из русской деревни по одну сторону холма, Клемент из латышского села по другую. Оба участвовали в прошлогоднем летнем рейде, и когда их роту рассеяли, сначала пробрались домой. Погостили и все так же вдвоем, плечо к плечу, пешком проделали обратный путь за линию фронта. Это не просто боевая дружба. Я бы сказал — двуединство. Уравновешенность — основная черта их характера. Умеют воевать, не боятся трудностей.

Секретарю комсомольской организации Брунису Зебергсу скоро исполнится девятнадцать лет. Он — родом из Тукумса. Молодой, но войны уже хлебнул. Летом 1941 года, уйдя из Риги, в составе рабочего батальона воевал в Эстонии, а нынешней зимой участвовал в рейде Отдельного отряда. Легко находит общий язык с молодежью не только в боевой обстановке, но и на отдыхе.

Командир разведки — рижский рабочий Евмений Максимов. Для нас пока чужой: в прошлом году воевал в белорусском отряде. Будем притираться.

То же самое — с новым комиссаром. В официальных списках и в разговорах наших он — Янис. Настоящую его фамилию — Риктерс

— приходится скрывать. Он в начале войны работал заместителем прокурора Екабпилса, эвакуируясь на восток оставил сына у бабушки, и полицаи не должны знать, что отец мальчика в партизанах. Прошлым летом Риктерса ранили в самом начале рейда нашего партизанского полка, мы не успели сойтись поближе — самолетом его отправили в советский тыл. По выздоровлению Яниса назначили к нам комиссаром и забросили в белорусские леса, как только там общими силами отразили карателей.

У повоевавших уже партизан вид не из блестящих: одежда на них самая пестрая и, скажем откровенно, заношенная, обтрепанная. На Янисе же новехонькое обмундирование, которое сидит на нем как влитое. Молодцеватый, статный. На голове офицерская фуражка, в зубах — модная тогда трубка. Новобранцы им восторгаются, некоторые даже завидуют. Он самоуверен. Это неплохо. Но и мы не вчера на свет появились.

Так что теперь — сживаться людям разных характеров, возрастов и опыта. Каково нам будет понимать друг друга? Необходимы взаимное уважение и доброжелательность. Слово комиссара для нас — святыня: в нас это заложил Ошкалн. Не втолковывал, не морализировал. Убеждал личным примером. Ведь политработа не столько профессия, сколько призвание, талант. И тут эталоном для нас был и остается Старик.

Янис все еще раздражен. Это мы понимаем. Из-за какого-то дурацкого купания пострадал не только его фасонистый френч, но и самолюбие. Но, может, потому и стал он нам чуть ближе? А завтра исчезнет последний барьер? В конце концов мы коммунисты, и должны быть выше личных симпатий и неприязней. Сегодняшний разговор показал, что коллегиальность не чужда никому из нас, а это залог того, что сработаемся.

*«Нельзя идти в Латвию... без разведки»  
(Из донесения руководителя  
Оперативной группы ЦК КП Латвии  
К. Озолия от 25 августа 1943 года.)*

Рейд в ночь на 25 апреля оказался неудачным. Не оправдался даже как самая обычная вылазка за провиантом. Ожидаемого

пополнения партизаны не привели, коровы разбежались. Растерялись под огнем противника и молодые бойцы, и вновь назначенные командиры. Только участник зимнего рейда Валфрид Густавсон оказался на высоте — действовал оперативно, самостоятельно и метким огнем заставил замолчать вражеские пулеметы, прикрыв таким образом отход партизан. Да и разведчики были слишком самонадеянны, не обращали внимания на настораживающие странности — считали, что просто померещится всякая всячина. Мы потому и ночь ту после иначе не называли, как ночью привидений.

В рейде не участвовали многие ветераны отряда — участники зимних боев, из которых вырастут командиры групп, взводов, а в 1944 году и новых отрядов. Наши «гвардейцы», около двадцати бойцов, как уже говорилось, разведывали намеченный район действий севернее реки Зилупе, которую еще предстояло перейти отряду. Вот, что записано в нашем боевом журнале: «18 апреля. Уходят на задание Муйжниекс [Антон], Быстров, Лагановский, Бендикс на железную дорогу Карсава—Скангали; Биделис с тремя бойцами на железную дорогу Карсава—Скангали; Поч с группой подыскивает базу СЗ Себежа. На особом задании Тарабанов, Шидлов». Последние — из местных, знают округу и могут условиться о помощи по ту сторону Зилупе с верными людьми.

Что можно сказать о вновь сформированном штабе отряда? Начштаб в самую точку попал: драпанули вместе со всеми, даже не попытались организовать отпора.

Главный виновник — командир отряда. Возникает вопрос: продуманно ли была спланирована шушковская операция? Какие были допущены ошибки? Проследим за записями в боевом журнале: «19 апреля. Разведчики снова в Шушкове, действует Юрченко... 22 апреля. Разведчики в Шушкове. 23 апреля. Возвращаются разведчики из Шушковой. Сообщают, что там намечается выпивка. [Доверенный партизан] Моесенок организовал переход 8 парней [к нам]. 24 апреля. Отряд выходит на операцию. Задание: заготовка [провианта] и доставка [в лагерь] 14 парней из деревень Шешки и Шушкова. Пропал вооруженный винтовкой Пшенов. 25 апреля. Агент не выполнил задания.

Пополнились одним [молодым партизаном]. Наткнулись на вражескую засаду с двумя пулеметами. Коров оставили. Погибает Козлов Я. Отстал Юрченко. 26 апреля. Вернулся отставший [Юрченко]. Разыскиваем Пшенова...» Из всего этого можно сделать вывод — сведений для проведения операции у Штаба было достаточно, разведчик Юрченко справился со своим заданием хорошо. Начальник разведки Сергей Гром, который здесь родился и вырос, без происшествий провел отряд меж гарнизонами укрепрайона и через реку. Ничего опасного не предвиделось. Но откуда эта ловушка на обратном пути? Проанализировав факты, мы пришли к выводу, что тут предательство. Кто мог точно знать и маршрут, и время возвращения? Только кто-то из участников рейда. Кто именно? Тот, кто пропал без вести... Пришлось констатировать: не отреагировав на исчезновение в день операции Пшенова, мы совершили ошибку. Само собой, ночью в лесу может всякое случиться. Может отстать, сбиться с пути человек — но позднее все равно отыщется. А уж такой надежный, как Пшенов, обязательно должен был объявиться. Вырос при Советской власти в Себежском районе, воевал в финскую, награжден за отвагу медалью, в партизанах находится с лета 1942 года — лучших анкетных данных и не пожелаешь. Вот почему его отсутствие объясняли по-разному. До тех пор, пока... мы не получили потрясающего известия от местных жителей. Начальник контрразведки Клемент Липовский направился в Шушкову. Горькую для нас правду гласит вот этот документ: «1 мая [Липовский] уходит в Шушкову. 2 мая. Возвращается, выяснив, что 24/IV погиб один сержант и один доброволец ранен. Нас предал Пшенов. Он был кандидатом в ВКП(б) и награжден медалью...»

Стали известны и трагические обстоятельства, толкнувшие Пшенова на измену. Семья его жила напротив Шушковой, на русской стороне. В марте фашисты сожгли родную деревню Пшенова; его жену и детей вместе с остальными односельчанами гитлеровцы погнали в Латвию — наверняка, в концлагерь Саласпилс. Обезумев от отчаяния и затаившись от остальных, партизан решил на предательство: выдал своих товарищей, чтобы спасти семью. Местность и потаенные тропы он знал

отлично и указал гитлеровцам самое уязвимое место нашего маршрута. Разведчикам не удалось выяснить, выкупил ли Пшенов ценой измены и жизни товарища у немцев свою семью. Маловероятно, что так: гитлеровская полиция безопасности жертв из своих когтей не выпускала.

Вскоре выяснилось, что трагическое происшествие в Шушкове не просто результат измены одного человека. Гитлеровцы предприняли в Шкяуненском краю дьявольски хитрую и опасную для партизан акцию. В конце апреля из Риги прислали специальную ягдкоманду СД: семьдесят охотников на людей из подразделения Арайса, командовал которым немец, гауптштурмфюрер СС Кауфман. Натасканные в гитлеровской школе, оборотни принаравливались к методам партизанской войны, днем спали, по ночам нападали из засад. Повсюду внедряли они шпионов и провокаторов. Сумели нанести тяжелый урон и 2-му отряду Петериса Ратыныпа. Утром 5 мая в трех километрах от Шкяуне они засекли боевую группу Криша. Партизан окружили в развалинах дома разоренной деревни Теплюки. На этот раз выдал наших кто-то из местных агентов полиции безопасности. Шестеро бойцов оборонялись против полутора сотни фашистов два часа, до последнего человека. Так погиб незабвенный наш Криш — Онуфрий Кришанс из Наутрене...

Между прочим в боевой журнал 1-го отряда записано, что в тот же самый день наш патруль задержал некоего Брока, которого знал партизан Лагановский. Прошлой осенью Брок воевал в группе Грислиса под Карсавой — он рассказал, что в одном из боев потерял своих, а весной прослышал о латышских партизанах и подался к нам. К сожалению, слишком поздно расшифровала партизанская контрразведка этого предателя, завербованного СД.

Реальность диктовала чрезвычайную бдительность. И учитывая это, следующую «мобилизацию» молодежи мы провели успешно. Как видно из боевого журнала, группа Красанфия Зейлиша привела 6 мая в партизанский лагерь с вечеринки 13 латгальских парней.

1-му отряду подошло время отправляться в путь, а сведения, доставленные разведчиками из района предстоящих действий,

не радовали нас. В окрестностях озера Синее после мартовской экспедиции карателей остались лишь небольшие группы фронтовых разведчиков: — партизаны отошли в Освейский край. Гитлеровцы часто прочесывают леса, устраивают засады и ловушки. Читаем боевой журнал: «27 апреля. Возвращаются группы, которые вышли 18/IV. Находились в районе деревни Церковна. Из-за разлившихся рек и засад [подрывники] не добрались к месту действия. 25/IV [на лагерь напали каратели, ими наши разведчики] заодно с местными спецгруппами рассеяны. Думается, что Захаренок остался у капитана Подгорного, потому что позже не встречался<sup>1</sup>. Прибыл [из Бригинской волости] П. Труханов...» И негативная информация по- своему ценна. Пока, во всяком случае, партизанам приходилось довольствоваться ею. У нас не было времени на повторную засылку разведчиков. Оперативная группа ЦК КП Латвии, также базировавшаяся, в Освейском крае, уже разработала и выслала на утверждение в Москву план развертывания партизанского движения в Латвии на лето 1943 года. Новый район действий 1-го отряда — Абренские и Лубанские леса. Чтобы обеспечить успешный переход, рекомендовали хорошенько разведать местность, подыскать надежных людей в деревнях и только тогда постепенно переводить отряд в глубь Латвии. 25 апреля 1943 года руководитель Оперативной группы Карл Озолиньш писал первому секретарю ЦК КП Латвии Яну Калнберзину: «Нельзя идти в Латвию так же, как летом 1942 года, когда переходили границу без разведки, без предварительно организованной сети поддерживающих». Секретарь ЦК КП Латвии Э. Америк в ответной радиограмме К. Озолиню сообщил, что бюро ЦК КП Латвии утвердило предложения опергруппы: «Первоочередное задание — создать в Латвии новые партизанские отряды и группы, чтобы на базе их развернуть массовое движение».

9 мая 1943 года, выполняя директиву партии, основные силы 1-го отряда — сорок девять человек — вышли в рейд, на северо-запад. В Освейском лагере остались еще двадцать бойцов, они выступили следом через месяц — уже в более или менее обжитые нами места.

---

<sup>1</sup> На самом же деле вернулся к себе домой в Зилупе.

## «ЭПОПЕЯ» КОЖАНЫХ БРИДЖЕЙ

Уже месяц, как мы 9 мая покинули гостеприимный Освейский край. Руководство КП Латвии выдвинуло 1-й отряд в авангард бригады, определив маршрут в северо-восточные леса Латвии. Прежде всего нам предстоит разыскать засланные в прошлом году группы организаторов — если они выдержали трудную кровопролитную зиму. Информация у нас о них крайне скудная и устаревшая. Прошлой осенью было известно, что отряд Эзернивкса — Рашкевица маневрирует в лесах между Лиепной—Аннас. Но его не обнаружили ни в сентябре — десантированная группа связных, ни в декабре — разведчики отряда. Артур Балодис со своими бойцами должен находиться где-то возле озера Лубанас. О группе Доминика Каупужа и Павела Дергача знаем только, что в начале зимы организаторы партизанской борьбы покинули Бриежаукский лес и, законспирировавшись, поселились у надежных людей в районе Абрене. Ищи теперь иголку в стоге сена!

Накануне нашего выступления об «освоении» северо-восточной Латвии с нами, командирами отряда, беседовал Карлис Озолинь — в лесной партизанской землянке, открытой неподалеку от Освейского озера. Хороший он нам дал совет: продвигаться настойчиво, но... не лбом в стенку — с умом, укрепляя по пути опорные пункты, чтобы случайная неудача не сорвала нашего перебазирования.

Теперь мы, латышские партизаны, сидим под навесом из ветвей на болотном островке, расположенном севернее Себежско-Зилупской железной дороги. Ближайший хутор на латвийской стороне в нескольких километрах от нас — в ясную погоду слышно, как петухи поют. На русской стороне вместо деревень пепелища. В марте, после провала карательной экспедиции в Освейской зоне, гитлеровцы зверствовали и здесь.. Сожгли дома, расстреляли и угнали в неволю крестьян — от разорения такого душу леденит... Боигада местных партизан ушла от карателей в Освейский край, и теперь мы хозяева этих топей и болотистых лесов вдоль границы Латвии — зоны длиной примерно в пятнадцать километров между Зилупе и ее притоком Иссой. Себежская бригада под командованием Владимира Марго

дислоцируется в центральной и восточной частях района, так что единственные наши соседи — двадцать фронтовых разведчиков Подгорного. Они тоже укрылись от фрицев в болотах.

Кое-что мы уже сделали. Разведчики подыскивали верных и смелых людей на хуторах в Бригинской и Циблинской волостях. Арнольд Страдынь с проводниками выяснил, что в районе Абрене—Карсава весной короткое время действовал партизанский отряд. Надо выяснить, куда делись люди вернее всего, ушли в подполье... Херманис Бендикс, Янис Биделис и Антон Муйжниекс уже набили руку в подрывном деле. Пущены под откос первые гитлеровские воинские эшелоны за Зилупе и Карсава — на важнейших коммуникациях противника, ведущих к Москве и Ленинграду. В партизанский лагерь начался приток латгальской молодежи, которой грозит призыв в немецкую армию. Растем, набираемся сил, бьем фрица в наиболее уязвимых местах, прокладываем тропу партизанской войны к северу, но... Положение самого штаба и лагеря по-прежнему ненадежное. Можно сказать: почва у нас под ногами зыбкая, как болотная тропка к нашему лагерю на Исааковом островке. Повсюду связистов и разведчиков, уходящих на задания за Иссу и Зилупе, подстерегают гитлеровские патрули и засады. Мозульский, Столбовский и Заситинский гарнизоны для нас, как заноза в глазу. Но и мы для них — то же самое. Портим друг другу нервы и жизнь. Мы нападаем на патрули, ставим мины на их тропах. Результаты довольно скромные — быстро научились, мерзавцы, обходить наши «сюрпризы»! И еще эти настырные пограничники, обосновавшиеся на латвийской стороне в зданиях бывших кордонов. Бродят по лесам с утра до вечера, вынюхивают наши следы. И ведь вынюхают когда-нибудь... А у нас, когда группы на заданиях, остается в лагере двенадцать-пятнадцать человек. То, что выбьют нас отсюда, не слишком волнует: сманеврируем. И ребята штаб разыщут — есть уже другое, уговоренное место. Но мы не вправе рисковать рацией, полученной всего несколько дней назад.

Мгновения, когда радист Мечислав Мацулевич подготавливает аппаратуру к сеансу связи с Москвой, стали для нас своего рода священнодействием. Сложился, своеобразный ритуал. Бойцы

прекращают все свои занятия, рассаживаются вокруг костра, закуривают. И ждут. Тот, кому доверяют подвесить антенну на самой высокой сосне — герой дня. Ведь благодаря ему состоится разговор на самом высоком уровне — с Центральным Комитетом КП Латвии и руководством партизанского штаба республики. А после ужина радист подаст на десерт последнюю сводку Совинформбюро. Этим летом новости с фронта по вкусу самому привередливому гурману. Красная Армия бьет и теснит гитлеровцев на всех фронтах. Чтение вечерней сводки у гаснущего костра стало традицией. Радист готовится к нему заранее, потому что всегда есть вопросы, и на них приходится отвечать. Такая вот получасовая политинформация перед сном.

Рация должна быть застрахована от любой неожиданности.

Вот уже целую неделю я ворочаюсь по ночам и продумываю, как мне с моим отрядом нагнать страха на фрицев, чтобы хоть мелкими группами перестали шляться по болотам. Ничего реального не нащупать. Силенок у нас пока маловато, чтобы выбить фашистов из укрепленных казарм — как это сделала в ночь на 26 мая в Заситино Себежская бригада. Но у Владимира Марго — шестьсот партизан. А у нас? Позавчера с Освейской базы подошел последний взвод. Немногим более ста вооруженных бойцов — вот и все мое войско...

На помощь приходит случай.

С юга за нашим болотом начинается открытая холмистая местность и тянется она до самой Себежско-Зилупской железной дороги. Зона, оголенная километров на восемь — ив длину, и в ширину. Деревни тут не разорены, оккупанты считают округу зоной своего влияния. Патрулируют здесь взводы Заситинского гарнизона, а вдоль границы курсируют пограничники Клешинского кордона. Забавно, что пограничные войска в третьем рейхе подчиняются... министерству финансов, поскольку должны заниматься таможенным надзором, даже здесь, на бывшей границе Латвии, где ничем не торгуют. Но удивляться нечему — педантизм у немцев в крови. Потому и должность коменданта Клешинского кордона именуется у них совсем безобидно: «секретарь таможни» (Zollsekretār). А за каменными стенами кордона, под защитой

станкового пулемета, отсиживаются тридцать вооруженных немцев и латышей. Но скучно начальнику таможни, ему лавры подавай. Вот и ходит что ни день со своей командой на русскую сторону — привести местных в трепет, а при случае и урвать кусок пожирней. Ну а я сегодня с утра послал разведчиков на Софийские хутора — они стоят на краю болота напротив Клешей. Утро ясное, слышимость хорошая, и перед самым завтраком мы слышим — взхлеб залаял немецкий станковый пулемет... Наши нарвались?

Ясность вносят сами разведчики. Докладывает Валфрид Густавсонс, прозванный бойцами «Смерть салакам». Он из-под Айнажей, а латгальцы об этом крае знают только одно: там ловят салаку. Валфрид — не рыбак, но кличка прочно пристала к нему. Рослому вид- земцу, конечно, больше по душе ласкательное «Густик» — зовут его и так... Парень он спокойный, но смелый, в критических ситуациях не плошает. Я по сей день помню, как он не растерялся, открыл встречный огонь и заткнул немецкий пулемет в ночь привидений.

**Комендант...**

С кордона Софийские хутора как на ладони, рассказывает Густавсонс. Вековые липы по краю парка бывшего именища — невелико прикрытие. Наблюдатели в Клешах глазастые. Открыли огонь, стоило только чуть помаячить на дворах. Пришлось — ноги в руки и прямоком по голому болоту уходить. Крестьяне предупреждали: сейчас сразу припрется «фриц в кожаных портах» со своими.

— Ну, наглец! — взрывается командир группы Янис Перконс, сидящий рядом со мной. — Спустить пора порты с индюка, и выпороть!

— Завтра выпорешь! — роняю я.

И вдруг просто воочию представляю себе завтрашнюю операцию. Такое бывает — замысел, который долго созрел в подсознании, неожиданно кристаллизуется в рельефную схему. Но я даже не подозревал, что реплика насчет кожаных портов осуществится не только в переносном, но и в прямом смысле.

Разворачиваю карту, прикидываю расстояния. Между

Клешинским кордоном и хуторами, названными так, вернее всего, по имени дочери бывшего владельца именица, пролегла болотистая ложбина, по которой течет ручеек. Значит, пограничный патруль сначала пройдет по мостку, а дальше уже — по дороге. Там, у парка, мы их и угостим на славу! Среди бела дня между гарнизонами нас не ждут, застанем их врасплох. Само собой, с кордона их поддержат огнем станкового пулемета, но расстояние свыше километра. Какая уж там точность. Управимся мы с «таможенниками», главное — обеспечить отход. Если к фрицам пробьется подмога из Заситина и Фёдорков, они погонят нас по беслесному болоту и нам несдобровать.

4-го июня мы еще затемно на исходной позиции — в Софийском парке. Тридцать пять человек с тремя ручными пулеметами и двадцатью автоматами. Остальные на задании, а откладывать и ждать — мне не по душе. Особенно на этот раз. Я не забыл фразы Яниса, брошенной мне после «ночи привидений». «Пора переоценить ценности», буркнул мне тогда комиссар, промокший до нитки и мрачный, как туча... Задолжал я ему ответ. А словами ничего не докажешь, да и глупо оправдываться. Только безусловно проведенная операция убедит бойцов и командиров, что не лишился я после тяжелого ранения отваги, не разучился тактически мыслить. Более того, сам в этом убежусь тот, кто не верит в себя, не может быть командиром. И бойцов пора проверить в экстремальной ситуации. Где еще, как не под огнем, закалится вчерашний пахарь и косарь? Но первый бой обязательно должен быть успешным. Только тогда он станет истинным боевым крещением, в котором не только родится народный мститель, но и жажда боя и вера в победу.

Сегодняшняя операция, конечно, рискованней обычных. Мы прикинули численность соседних гарнизонов: нас гораздо меньше — один против пятнадцати. В первую очередь надо обеспечить фланги, чтобы не окружили. И тыл — для отхода. Голое и топкое болото для отступления не годится, отходить придется на юг по Заситинской дороге, пока не минует поворот на Борисенки. Операцию проводим молниеносно и скрываемся в густолесье, пока не появилась рота карателей из Заситино. Группа Язеп

Чакстиньша, разбитая на две части, перекрывает им подходы. Автоматчики Поча остаются в резерве; они ввяжутся в бой, если противник попытается обойти наш правый фланг с болота. Основная позиция на входе в деревушку доверена девятке Яниса Биетагса — там можно укрыться за придорожными кустами Сирени и сеником. Пулеметчика Яниса Путанса замаскировали в канаве за мостком — он откроет огонь, когда фрицы подойдут метров на пятьдесят. Бойцы Перконса залегли на левом фланге, в тени парковых деревьев. Они ударят сбоку, когда пограничники побегут. Отрежут им обратный путь, а понадобится — отобьют контратаку со стороны Клешей. Мы знаем, что между Клешами и Федорками недавно встал на постой взвод латышских добровольцев.

Теперь остается только лежать и ждать. Самое малое, пару часов, пока таможенники не нахлебаются утреннего кофе. Можно подремать, вдыхая хмелящий утренний воздух и слушая пение птиц. Время от времени я прикладываю бинокль к глазам: на подгорье возле здания кордона по-прежнему никого. Придется их поторопить, выманить в поле.

— Возьми с собой кого-нибудь из ребят и покажись им вон у того дальнего хутора! — говорю я своему новому связному Збитковскому.

Сегодня трудно сказать, сразу ли фрицы заметили нашу приманку. Но решение они приняли незамедлительно.

Из низинки уже выныривают пограничники. Идут по самой середине дороги. Твердо, уверенно и торопливо, словно боясь опоздать... Рассматриваю их в бинокль. Пятнадцать—шестнадцать серо-зеленых фигур. Сытые, толстые, самодовольные морды. Так уверены в своей безопасности и безнаказанности, что даже дозора не выслали. Впереди широко, вразвалочку шагает здоровенный верзила; обеими руками придерживает болтающийся на шее пулемет. Утреннее солнце бьет гитлеровцам в лицо, слепит их...

Подходят все ближе и ближе. Пора как будто начать, а пулемет Путанса молчит. Внезапно шагающий впереди громила взвизгивает по-бабьи:

— Бандит!

Фриц увидел Путанса. Оплошка вышла у Яниса — ножки «Дегтярева» бревнышками мостка защемило. Верзила, вскинув пулемет к плечу, шпарит по Путансу, а тот все никак не может открыть огонь. Судьбу обоих на этот раз решает Биетагс. Две короткие автоматные очереди, и дылда-таможенник валится наземь. Трещат партизанские винтовки и автоматы. Фрицы прыгают в придорожные канавы, отстреливаются. Теперь слово за пулеметом Яниса — очереди его пропахивают края и дно канав от одного конца к другому. Немцы отползают необычайно проворно. Там и тут мелькают их задницы. Попади-ка в эти движущиеся мишени! Мои автоматные очереди попусту прошивают обочину: пыль столбом, а фашисты все дальше и дальше. — Ах так! — вскакиваю и стреляю стоя. Глупо, конечно, неосторожно. Пуля, врезающаяся в угол сарая над моей головой, осыпает меня трухой, напоминая об этом. Значит, несколько фашистов остались, прикрывают остальных. Урок: до поры носа из укрытия не высовывай. Теперь очередь за следующим маневром. Даю знак Перконсу — пора обогнуть «ползунов» и перекрыть им обратный путь. Его ребята, рассыпавшись, бегут в сторону границы. Опоздал, только теперь опомнился пулеметчик на кордоне. Не щадит ни патронов, ни оружия — строчит бешено. И все больше — по бойцам Перконса. Но те укрылись за дугообразным пригорком, расстояние слишком большое, точно не прицелишься. Пока все идет как задумано.

Внезапно вспыхивает автоматный огонь на северном краю болота. Я с наблюдательного пункта не вижу, что там происходит — впереди ивняк. Но представить себе могу: автоматчики Поча залегли на пригорке и загоняют обратно в болото латышских холуев — добровольцев. Быстро прихвостни немецкие отмахали такой кусок от Федорков! Коменданта в кожаных портах спешат вызволить. Черта с два! Порты мы с него спустим!.. По перестрелке понятно — у «дуровольцев» душа в пятки ушла. Кое-как огрызнулись и улепетывают.

Перконс уже обошел и отрезал путь отступления пограничникам. В бинокль вижу: какой-то немец, дав стрекача, обгоняет наших и успевает юркнуть в кусты на берегу пограничной речушки.

Прихрамывает, значит, ранен. Но он уже под прикрытием своего станкового пулемета. Партизаны его не достанут. К тому же пулеметчик Перконса занят, отгоняет дюжину фрицев: те пытаются перейти через речку на нашу сторону. Правда, особой прыти не проявляют. Подemonстрировав свое рвение — повскакав и попадав на одном и том же месте — «подмога» ползет обратно. Щёголь комендант остается навсегда на краю безымянного болота...

Бойцы Биетагса встают во весь рост, чтобы подобрать оружие и забрать пленных. Два проводника в штатском подняли руки. Молчит фрицевский пулемет по ту сторону — ствол, наверное, раскалился... С пограничниками мы вроде бы квиты: с них на сегодня хватит! Гоняться не станем. Заситинский гарнизон еще не зашевелился. Отлично! Наверное, после взбучки, заданной себежцами, не хватает духа высунуться из блиндажей. Посылаю вестового к Чакстиныньшу: срочно выступить с группой и занять под Борисенками заградительную позицию на Заситинской дороге. А мы пока соберемся, среди нас есть раненые...

Группа Перконса приносит с поля боя на плащ-палатке двух бойцов. Их командир, обвешанный винтовками и патронташами, идет последним. Мрачный, злой.

— В двоих угодили. Молодые! Беречься не умеют. Полпурова ранили, когда винтовку перезаряжал. Нашел место, где останавливаться! Застыл, как лось, на верхушке холма. Пулеметчик и дал прицельно.

Второй — Кулаков — погиб у дороги. Думал, наверное, что убит фриц, и побежал к нему. А тот, стерва, прикинулся мертвым. Сам комендант это был, и выстрелил он Янису прямо в сердце. Перконс заканчивает свой рапорт нецензурным выражением и совсем уже не по-уставному добавляет:

— Вот они — эти кожаные порты!

Под ноги мне летят модные кавалерийские бриджи. Смысл сказанного доходит не сразу. Вот оно как! Вчера грозился «спустить порты с индюка». Сегодня это исполнилось. Но какой ценой! Ребята смотрят: как поступит командир? Ситуация деликатная. В отряде установлен порядок: трофеями брать только фашистские шинели и добротные сапоги, если сам босый. А как

быть с бриджами? Как отреагировать на поступок Перконса?

— Ах так! Кожаные... — Я медлю с окончательным решением и — нахожу выходу — За успешный маневр на поле боя командиру группы Перконсу объявляю благодарность. За самовольный сбор трофеев наложить взыскание: носить конфискованные порты самому до тех пор, пока каптерщик не спишет.

Ребята в восторге. Наказанный тоже не слишком огорчен.

— Мои-то штаны, правду говоря, по всем швам расползаются.

— Только скипидаром почисть, а то... — советует ему кто-то.

Добавлю, что на этом «эпопея» кожаных бриджей не закончилась. Продолжение ее снова было связано с безрадостным событием, но на этот раз бриджи выручили своего нового хозяина, пренебрегшего строгим лагерным распорядком. Дело в том, что с восходом солнца тропы в лагерь минировались, а в сумерках, когда партизаны отправлялись на задание, мины снимались. Был приказ: группам, возвращающимся с операций после восхода, в лагерь не заходить, дневать в старых шалашах на краю болота. Однажды запоздала группа Перконса. А у бойцов в животах пусто голодны как волки. «Пошли, а? Антоша (минер Антон Муйжниец) поутру поспать горазд», — предложил кто-то. Сказано — сделано, и зашагал командир в лагерь во главе колонны. Вышло так, что сам Перконс мину перешагнул, а зачинщик на нее наступил и погиб. На песчаном бугре вырос еще один могильный холмик... Перконс был сильно контужен, но уцелел. Взрывная волна ударила снизу, в бриджи, владелец их взлетел в воздух, перекувырнулся и приземлился целехоньким. Какое-то время только звенело в ушах... Ну, а у партизан так: уляжется скорбь, и пошли шутки. И выслушивай Перконс дифирамбы аристократическим портам, которые спасли «латыш бауэра», сохранив его мужскую силу для продолжения рода земгальского...

Но это — потом. А пока мы заворачиваем погибшего Кулакова в плащ-палатку и хороним на склоне бугра за деревней. На прощание — минута молчания, на этот раз без салюта... Шагаем по дороге напрямик через Денисенки — в бывший сельсовет. Ни фрицев, ни полицейских. Люди, выходя во двор, с уважением смотрят нам вслед. Невероятно — партизаны среди бела дня

шествуют по большаку, покуривая, словно на прогулке. Ничего не скажешь — как победители! Об этом скоро заговорят в Лудзе и Себеже, наверняка узнают и в Риге. Оккупантов взбесит нарочито вызывающая демонстрация, зато вдохновит на борьбу с фашистами в селах крестьян. И в ближних, и в дальних.

Легенда уже сейчас опережает нас. Отзвуки боя перекатились через Иссу. И едва мы достигли деревни Ноглово и скинули поклажу, прискакали разведчики Федора Бойдина, теперешнего командира 4-й Калининской бригады. Вслед за ним связные Владимира Марго из 5-й бригады. Все понятно: им, конечно, лучше известно, что эти латыши среди бела дня натворили. Так что численность и потери противника удвоились. Завтра, само собой, утроятся, и мы напрасно изумленно разводим руками и пытаемся хоть словечко вставить, возразить. Ну кто тебе поверит, если н-а-р-о-д г-о-в-о-р-и-т. Вот так, из уст в уста, рождается легенда о клешинском бое. Она вызовет уважение к латышам и закрепит за нами славу смельчаков, а на полицаев и немецких солдат нагонит страху. Теперь они малыми силами к нам не сунутся.

#### ...и племенной баран

Слава остается славой, а брюхо требует свое. До партизанской кухни брести по ухабам еще несколько часов, а ребята после бессонной ночи совсем раскисли. Женщины в Ноглово тоже понимают все это. Целой делегацией навещают нас в бывшем правлении колхоза и торжественно приглашают отобедать. Мы гостеприимством не брезгуем. Тем более, что хозяйки наперед уже договорились, кто какую группу угощает.

Но бдительности терять нельзя. У правления пост выставлен, но оттуда все окрестности вокруг деревни не просмотришь. Куда бы посадить наблюдателя? Посреди деревни — площадь с общим колодцем и качелями. Ага! Здание правления все же самое высокое, к тому же с длиннющей трубой. А летом печки не топят...

— Будешь наблюдателем, — говорю я самому низкорослому из бойцов. — Твой пост на крыше. Бери обрезок доски, чтобы усидеть на трубе.

Он, сомневаясь, что я говорю серьезно, косится на остальных —

как они? Хохмачам нашим только этого и надо, один из них уже во всеуслышание делится с соседом:

— Салаку и угря копченого я видел... Но копченого партизана? Не случилось...

— А ты сможешь оборудовать наблюдательный пункт и после обеда сменишь Петериса, — говорю я трепачу и, скомандовав остальным разойтись, добавляю: — Перконс, одолжи наблюдателю бинокль «цоллсекретаря»!

Петерис, поняв, что разговор всерьез, отыгрывается на пареньке:

— Ну, что, дорогуша, напросился? Ищи лестницу! Мне на крышу пора!

В отведенном для нас доме хозяйка вытаскивает горшки из печи. Шестилетняя Галочка ставит глиняные миски, кладет деревянные ложки. Посреди стола — круглый каравай.

Бойцы вытаскивают из-за голенища свои ложки и раскрывают складные ножи. Удобно, по-домашнему, рассаживаются на скамьях по обе стороны стола, улыбаются девчужке и переговариваются с хозяйкой — бабушкой Гали, которая разливает по мискам ароматную похлебку.

— Ешьте, ешьте на здоровье! Только не покидайте нас! Последним поделимся со своими заступниками.

Так вот изменилось отношение к нам. Позавчера вечером, когда мы проходили через деревню, нас провожали из-за заборов настороженными взглядами: поди знай, налетчики с кордонов — тоже латыши... Теперь все стало на свои места: бой доказал, что мы свои. Теперь уже у нас ищут защиты от фашистских мародеров и убийц.

После сытного обеда партизаны, рассевшись вокруг качелей, закуривают.

— Пожить бы чуток в сухости, — говорит Херманис Бендикс, когда-то гонявший по Гауе плоты. Я-то к сырости привык. А сапогам моим хана. Сгнили. Все время хлюпают. Не успеешь высушить, как снова по болоту шлепать.

Все верно. У него сапоги «каши просят», вон, палец торчит. Совсем плохо у нас с обувью. Мы уже завели свою сапожную мастерскую. Латаем, латаем, а болото почти тут же превращает

сапоги в рухлядь. Прогнившая кожа не держит ни скрепок, ни вощеной дратвы. Херманис прав. Ведь все, даже продовольствие, к Исаакову островку на себе таскаем, по колено в ржавой воде.

Близится вечер, а ребят совсем не тянет к своему болотистому становищу. Они охотно остались бы в деревне. Что же, мысль не так уж плоха. Подходы к Ноглово просматриваются хорошо. Поставить пулемет на кладбищенском холме у Борисенков, и фриц незамеченным не пройдет. А Лубьевский лес рядышком, в любой момент уйти можно.

Слушаю, лежа в траве, пересуды бойцов и раздумываю о том, как быть с постоем. Меня поднимает голос наблюдателя. Со стороны Иссы приближаются всадники, судя по всему — не фрицы. Похоже, партизаны. И точно — они! Впереди — Макуха, командир отряда калининцев. Я его знаю. В декабре мы вместе с ним шли из-за линии фронта, сражались под Адеревом... Оставив коней у забора, всадники направляются к нам и от души хохочут, показывая друг другу трубу, оседланную наблюдателем. Один из сопровождающих, наверное, адъютант, напевает песенку, недавно завезенную десантниками с Большой Земли. Слова как нельзя в точку:

*Сидели мы на крыше,  
А может быть, и выше,  
Сидели мы на самой на трубе...*

— Хорошо устроились, — Макуха пожимает нам руки. — Привет от командира Четвертой Бойдина. Наш штаб теперь в Лаховне. Район действий моего отряда — западнее Иссы, до Заситино и латвийской границы. В соседи берете?! Вы — в Ноглово, мы — в Козельцах? — Вопросительно смотрит мне прямо в глаза.

Мы еще не решили, перебираться ли нам со своим скарбом в деревню. А они уже уверены, что осядем здесь. Так же, как делегация ногловских женщин. Может, и в самом деле, сменить «место жительства»? В западной части Себежского района назревает новая ситуация: в исско-зилупский лесной массив перебазируются несколько бригад Калининской области,

соотношение сил складывается в пользу партизан.

— Договорились. По рукам! В Ноглово пока подежурит одна из наших групп. Отряд сможет перебраться через две-три недели, — отвечаю я Макухе, и мы прощаемся.

Сегодня вечером надо все же попасть к своим, на Исааков островок. В лагере слышали шум боя и неизвестность для них — лишняя нервотрепка.

Растянувшись, бредем по ухабам дороги в Лубьевском лесу. Даю команду идти врассыпную. Так сподручнее маневрировать, обходит топкие места. Начинает смеркаться, мы среди болота и чувствуем себя уверенней. Теперь можно и расслабиться. Сам я иду почти в середине колонны, с группой Чакстиньша, а передо мной, осторожно вздымая босые ноги, шагает лесной «академик», единственный в отряде студент — Хермание Бендикс. Он — неутомимый ходок и остроумный собеседник. Забавные истории из своей плотогонской и партизанской жизни рассказывает он по ночам у костра. Но больше всего любит обсуждай! общечеловеческие, а особенно — «этические» проблемы. Обожает и «ребусы мировой политики». Просто философ, проповедник какой-то... Или, как говорят партизаны, «босослов». Мы уже привыкли к тому, что по болотам Херманис ходит босиком. А сапоги — аккуратно свяжет и через плечо перекинет. Бережет! Еще бы — где достанешь сорок восьмой размер. В редкие свободные минуты сапоги для него первая забота. Вот и сейчас сцепился, спорит с комсоргом Брунисом. Насчет всемирно-исторического значения обуви. А переругиваются так, чтобы и я слышал:

— И куда партизанское руководство смотрит! У всех фрицев сапоги — да еще с подковками на каблуках. А мы? Босы и голы!

Комсорг подначивает:

— А чего не сменял свои сапоги на «таможенные»? С того дылды?.. Он бы их тебе, не дрогнув, подарил — ему ни к чему.

— Я примерял. У него не ноги — кошачьи лапки.

— Ну, тогда жди, когда Геринг дуба даст, ¡ Уж он на сорок восьмой потянет...

Нет, поручу бригадному сапожнику Пелычеву и его тестю Лапину раздобыть кожу. Пусть сошьют нашему «босослову»

гулливерские ботфорты.

Тем временем в голове колонны разгорается веселье. Группа Перконса ведет барана, пода-репного деревенскими женщинами. До войны этот племенной самец своими трудами приумножал отару, но теперь оккупанты очистили все хлевы от овец, и он стал от одиночества драчливым: так и норовит долбануть кого-нибудь своими здоровенными рогами. Ничего, партизаны знают, как его использовать по назначению.

Баран стоит, упрямо наклонив голову, упираясь копытами в землю — не дает перевести себя через широкую лужу. Похоже, отдыха запросил — не привык он к дальним переходам. Кто пихает его в зад, кто тянет за веревку. Одни бранят эту «морду чертову», другие смеются, советуют.

— Да перенесите вы его!

— Положите, пусть передохнет!

— Травки, травки нарвите! Он же есть хочет.

Подождав, пока ребята вдоволь навеселятся, говорю Перконсу:

— Наведи порядок!

Перконс страдальчески разглядывает барана и недоуменно чешет в затылке, прикидывая, как быть. Наконец, подходит вплотную к строптивцу, вцепляется обеими руками в веревку и с отчаянным видом шагает прямо в лужу. Баран поднимает голову, раздувает ноздри, нюхает воздух, и... дружелюбно бекнув, резво семенит за Перконсом. Тут дара речи лишаются даже самые отпетые хохмачи. Молча следят за тем, как оба выходят из лужи и останавливаются. Баран трусит к поводырю, обнюхивает штанину его бриджей и ласково мекает.

— Фантастика! В цирк тебя, дрессировщиком тигров!» — раздаются одобрительные возгласы.

Янис с видом победителя швыряет веревку в руки подошедшему партизану. Мол, уметь надо. Ведите сами теперь кроткое животное — самое трудное позади. Но строптivec снова ни с места.

— Дьявол! Парень чешет за ухом, не понимая, что стряслось с бараном: впереди сухая тропа. Перконс сердится:

— Сами бараны!

Хватает веревку, и — чудеса, да и только! — «монстр» послушно

трогается с места. Не следом семенит, а рядышком, и веревки не надо. Только время от времени ткнется носом в кожаные бриджи Яниса, покорно взглянет на своего повелителя и — дружелюбно мекнет.

Теперь все понятно. Кожаные порты! Вот мистическая сила, влекущая племенного красавца вперед! Возникают и тут же отвергаются всевозможные версии. Родственные «души» обнюхиваются? Барана пленил запах фрица? Нет: от этих скотов порядочная скотина издалека деру даст. Понравилась светло-коричневая заплатка на бриджах? Тоже неубедительно. Ну, тогда, может, учуял запах сородича? Запах, который сохранила плохо выделанная шкура, содранная, вполне возможно, и с местной овцы...

Перконс ведет жирного барана в партизанский лагерь под восторженные крики и шутки. В лагере чудотворные кожаные порты затмевают Клешинскую операцию. Янис снова демонстрирует мистическую силу трофейных бриджей. Уже широкой публике и не дешевой популярности ради, а по необходимости: породистого барана привязали в загоне рядом с безродной буренкой, и он возмущен — злобно блеет и бодается. С кухни прибегает Ангелочек и со слезами на глазах жалуется на хулигана. Перконс встает, идет к загону, отвязывает веревку и выпускает барана. Заявляет:

— Не бойтесь, не убежит!

Так оно и есть: баран, словно собачонка, трусит рядом с владельцем трофейных бриджей. Он и ночью спит у шалаша группы Перконса — есть над чем потешиться, о чем языки I почесать...

Сегодня, встречаясь, соратники Яниса Перконса с трудом припоминают клешинский бой. Зато «эпопею» кожаных портов никто не забыл. Она вызывает взрывы хохота, рой остроумных реплик. Все, как тогда. И веселятся седые ветераны, словно молодые партизаны с Исаакова островка.

*«Ваш отряд хорошо приступил к действиям...»  
(Из радиogramмы начальника ЛШПД<sup>1</sup>  
А. Спрогиса от 10 июня 1943 года.)*

Разумеется, Клешинская операция была мелким эпизодом в истории советской партизанской войны. Но на начальном этапе действий народных мстителей в Латвии событие это заслуживало внимания. Для 1-го партизанского отряда оно стало экзаменом по боевой подготовке и уроком тактики перед важным в оперативном отношении штурмом Абренского края. Мы понимали, что безлесый и сильно обороняемый гитлеровцами приграничный район между Абрене и Карсавой можно преодолеть только искусным маневром, не страшась опасности и риска.

Через день вернутся посланные в Федорки разведчики, и я продиктую М. Мацулевичу радиogramму. А в боевой журнал запишу: «4 июня. Засада у Клешинского кордона. У противника погибло 22, среди них — комендант, 2 унтер-офицера, 9 пограничников, 10 добровольцев. Ранены — 2, в плен — 2 лазутчика-проводника. Трофеи: 6 винтовок, 1 пулемет, 2 автомата, 4 пистолета, ракетница, бинокль, патроны, сапоги и др., 2 поврежденные винтовки. Наши потери: погиб Кулаков, ранен Полпуров, который позже умер. Добровольцы в кордон не вернулись...»

Такой вот документ военного времени. Много позднее, роюсь в архивах, я наткнулся на папку с данными о деятельности подразделения охраны так называемой Лудзенской таможни. К сожалению, с данными неполными.

О Клешинской операции в них не упоминается. Единственный документ, в котором противник обозначил ее — доступная нам дневная сводка командующего войсками группы «Остланд» генерала Бремера. Датой, без указания места, отмечено, что погибли семеро и ранен один таможенник. Думается, что намеренно приведены потери лишь со стороны немцев. Латышских пограничников — у них жертв почти столько же, сколько у немцев, — очевидно, посчитали недостойными упоминания. Нет полной ясности и с латышскими добровольцами, которых автоматчики

<sup>1</sup> Латвийский штаб партизанского движения.

Поча загнали в болото. По свидетельству местных жителей, в расположение части они не явились. Дезертировали ли те, что остались в живых? Эта версия представ-1 ляется правдоподобной. Поскольку в 1943 году в полицейские батальоны, как и в легион, «добровольцев» призывали... в принудительном порядке. Оставшись без офицерского глаза, рядовые могли разбежаться. Позже пограничники дезертировали не раз, некоторые из них перешли к партизанам.

Урок пошел впрок, и по примеру Клешинской операции были устроены новые засады: правда, меньших масштабов — в составе взвода. Гитлеровцы стали вести себя чрезвычайно осторожно, застать враспloh их было уже почти невозможно. Скоро намотали на ус клешинскую историю немецкие «цолсекретари» и капитаны латышской полиции, командовавшие пограничными гарнизонами. Однако...

Одну операцию стоит отметить особо. Много хлопот зилупским партизанам доставлял Липосольцкий гарнизон. Приступом кордон было не взять — расположен на берегу реки, со всех сторон укреплен. Но оттуда солдаты полицейского батальона, тайком переправляясь через реку, перекрывали нам самые удобные тропы. Мы засылали «землякам» письма, предупреждали, чтобы не совались за Зилупе, только это нам не помогло. Приходилось ежедневно посылать к кордону двух наблюдателей, чтобы своевременно обнаружить, какую очередную пакость готовит нам липосольцевский капитан.

Однажды, вернувшись с наблюдения, бригаинец Стариченко завел речь о том, как бы шлепнуть постового с кордона, который весь день «зырит» в бинокль с вышки. С расстояния в полкилометра Стариченко не промахнется. Пусть только дадут снайперскую винтовку с оптическим прицелом и глушителем. У нас в отряде была такая и берегли мы ее как зеницу ока. Два дня пристреливал «снайперку» Стариченко на ногловском пастбище, а на третий выполнил задание так тихо, что в гарнизоне ничего сразу и не заметили. Только через несколько часов сменщик обнаружил наблюдателя убитым, и гитлеровцы подняли тревогу... Но и это предостережение не охладило рьяного капитана — в прошлом

собственноручно расстреливавшего евреев. Оставалось одно: уничтожить негодя. Но как заманить его в ловушку? Со временем и тут нашли выход. Выяснили, что капитан раз в неделю в один и тот же день привозит к обеду в гарнизон боеприпасы и продукты из Лудзы. Проработав карту и обследовав местность, мы решили устроить засаду на лесной дороге между Кривандой и Липосольцами. Действовать предстояло молниеносно, щель между обоими гарнизонами — всего в три километра. И отходить на север по редколесному краю болота немедля — тут в любой момент могут внезапно нагрянуть гитлеровцы с Виндрижского кордона.

Свой выбор мы остановили на взводе Антона Поча, который состоял из разведчиков — гордости нашего отряда. Операция удалась — нам снова посчастливилось застать фашистов враспloh. Перед фрицами партизаны вопреки всякой логике появились из надежного тыла — со стороны Кривандского гарнизона. Они скосили очередями передних ездových, но задних, к сожалению, не достали, те стали бешено отстреливаться. Так что трофеев собрать не смогли. Но отошли без потерь, и все было бы хорошо, если бы командир взвода не решил форсировать отход через болото Лебединец. А следовало дожидаться темноты. Партизан заметили с Виндрижской наблюдательной вышки и открыли пулеметный огонь: один боец убит, двое ранены. Отличившемуся в зимних боях разведчику Волдемару Лаурису разрывная пуля, попав в компас, разворотила тыльную сторону кисти, а другая угодила в бок и перебила ребра. Тяжело раненный боец, ненадолго потеряв сознание, остался один. Но когда пограничники приблизились к нему, нашел в себе силы вскинуть автомат и отогнать преследователей очередями. То и дело теряя сознание, он дополз до лагеря. Здесь уже не надеялись на его возвращение. Вот что об этом сообщает боевой журнал: «10 июля. Поч у Липосольцевского кордона уничтожил подводу и застрелил капитана, 3 «земляков», 2 ранил. На обратном пути у границы наткнулся на засаду. Ранены Лаурис и Шидлов, пропал «снайпер», труп которого позже «земляки» приволокли в деревню изуродованным до неузнаваемости. Лаурис тяжело ранен, застрелил 2. Сам переполз границу — молодец».

Счеты с мерзавцем капитаном были сведены. Но каждый бой требовал от нас жертв, и этот — тоже. В боевом журнале отряда сведения о партизанах по кличке «снайпер» предельно скупы: фамилия Егорчонок, из Бригинской волости...

Главное то, что нагнали мы страха на пограничников и добровольцев. Но в уборочную страду клешинские и федоркинские фашисты набрались смелости: попытались вывезти урожай, сжатый на русской стороне. Несколько партизанских мин на дороге к Софийским хуторам и на пограничном мостке охладили пыл мародеров. Вот запись в боевом журнале: «13 августа. Взвод Поча и Андрея (Отанькиса) минирует 3 места под Клешами. На mine Кононова — уничтожен воз ржи, на 2 минах Янсона — 2 подводы, 3 убито, 1 «земляк» ранен». В гитлеровских гарнизонах царили растерянность и страх. В результате этого, например, вечером 10 сентября под Клешами вспыхнула ожесточенная перестрелка между немецкими пограничниками и латышскими добровольцами. Пока недоразумение выяснилось, с обеих сторон уже были раненные...

В июле мы пополнились командирами, прибывшими с Большой земли, объединили разросшиеся группы во взводы. В смотре 1 отряда, который состоялся в сентябре, наряду со взводом разведчиков-подрывников А. Поча участвовали уже взводы Я. Перконса, Я. Биетагса, А. Отанькиса и Я. Ришкиса, которые положили начало четырем новым партизанским отрядам в Латвии.

В первые месяцы нам еще не хватало опыта — партизанские диверсии были вроде комариных укусов. Но и они, неожиданные и болезненные, мешали спать спокойно гитлеровцам, вносили неразбериху в установленные порядки. А главное, убеждали людей в том, что партизаны не уничтожены, хоть и объявлялось об этом не раз. Авторитет властей катастрофически падал, а народные мстители действовали день ото дня активней. Вот результаты нескольких декад: «14—15 мая, ночью, Муйжниекс минирует ж-д у станции Бриги и шоссе в 2 [местах]. 15 мая. Лагановскис и Биделис на задании на [Абренской] ж-д... 18, 19, 20 мая. Засада на «черных» [из т. н. армянского легиона СС] под Столбовым, минируем [дорогу]... на mine уничтожены 1 подвода, 2 «черных». 21 мая.

Шидлов и Пелычев сообщают: [у Бриги] уничтожен грузовик, 7 фрицев и «земляков» ранены, 11 убиты. Я 22—26 мая. Засады и минирование. Не появляются... 25 мая. Возвращаются Лагановскис и Биделис. Пущен под откос эшелон под ст. 1 Карсава, поставлены 2 мины на Гольшевском большаке».

В июле 1943 года 1-й отряд со всем своим хозяйством перебрался на постой в деревню Ноглово. Как договорились, отряд Макухи из 4-й Калининской бригады расположился в соседней деревне Козельцы. Под Борисенками расставили на холмах посты и разместили пулеметные гнезда. Так что с юга, с Себежско—Зилупской железной дороги заметят и встретят вовремя. А с севера впритык к Лубьеву — 1 болотистые леса, в них вслед за крестьянами в случае необходимости можем уйти и мы.

Можно сказать, партизаны к этому времени овладели тактически важным бастионом 1 юго-западной части осваиваемого ими Себежского края. Успешные Заситинская операция и клешинский бой показали, что соотношения сил в зоне Зилупе—Исса изменились в пользу партизан и что эту ситуацию надо использовать. Вместе с 4-й Калининской бригадой летом 1943 года сюда, в Лубьевские леса, прибыла 10-я Калининская бригада под командованием Н. Вараковского, 8-я бригада М. Карликова, а осенью 15-я Калининская и бригада имени Дениса Давыдова, которой командовал А. Назаров. Численность их вначале была невелика — несколько сот человек в каждой. Но, пополняясь местными жителями, они разрослись и окрепли.

Командирам и комиссарам предстояло объективно оценить ситуацию и приступить к 1 действиям, учитывая все эти перемены. Нельзя больше осторожничать и не замечать перелома, открывшего новые возможности и требующего иной тактики. Момента, когда партизанское движение стало массовым и жители всемерно поддерживают народных мстителей, а немецкое командование не в силах выделить крупные части для «чистки» тыла. Летом 1943 года стратегическая инициатива на фронте перешла на сторону Красной Армии. Гитлеровские войска охраны и полиция с трудом контролировали важнейшие магистрали.

Латышскому отряду удалось продержаться в Ноглово почти

полгода. Невероятно, если взглянуть на карту: до Рижско—Московской железной дороги неполных десять километров, Клеши и Федорки рядом. С Борисенковской горки видна пограничная железнодорожная арка... Товарищи из русских отрядов были довольны — латыши свою часть общего задания выполняют: обеспечили охрану западной границы Себежского партизанского края. Но выпадали, само собой, и беспокойные дни.

31 июля крупные полицейские подразделения ворвались в окрестные деревни, пытались сорвать уборку урожая. 1-й отряд выбил их оттуда и погнался. Бойцы Перконса преследовали полицаев до самого Заситино, а ночью обстреляли из противотанкового ружья и пулемета их логово в Макеях. Не устояв перед натиском 1-го отряда, гитлеровцы пытались терроризировать партизанские деревни с воздуха. Но — без ощутимых успехов. Оружейный мастер Янсон пустил в ход все свое умение и смастерил для отражения немецких «шторхов» «зенитную артиллерию». То есть, врыл в землю столбы и насадил на них обычные колеса с телеги. На одном смонтировал противотанковое ружье, на другом — скорострельный пулемет, прозванный ребятами Комаром. Комар что надо, но безбожно пожирал боеприпасы — сотни патронов в минуту. Зато только партизанские зенитчики начинали шпарить трассирующими, «шторх» тут же исчезал в облаках. А с большой высоты какие попадания? Фрицы за все время только! одну баньку в Ноглово и спалили. Партизанам же удалось подбить транспортный самолет.

10 июня радист 1-го отряда дешифровал такую радиограмму: «Самсонсу, Янису. Ваш отряд хорошо приступил к действиям, только соблюдайте осторожность, в открытые бои не вступайте. Лучше уклоняйтесь и наносите удары из засады. Берегите отряд и себя. Очень важно создать свой район в Латвии — там, где больше лесов и болот. Тогда будем десантировать груз с самолетов непосредственно вам. Спрогис».

Первый месяц боевых действий оказался для отряда удачным: создана надежная база для дальнейшего продвижения на север "Латвии. Латвийский штаб партизанского движения на Большой земле, призывая к осторожности, одновременно торопил с

глубокой разведкой и освоением северо-восточных лесов Латвии. Это задание партии и становится главным содержанием забот и трудов штаба 1-го отряда летом и осенью 1943 года.

## ВЕЛИЧИЕ И СЛАБОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

### Мужскую боль лечит молчание

Озорная похвальба, восторженные слова в адрес смельчаков, веселые подначки и едкие насмешки. — все это было составной частью будней партизан, в такой атмосфере складывался коллектив, формировались характеры бойцов. Но это всего одна, наиболее заметная и, возможно, наиболее достойная упоминания сторона внутренней жизни бойца. А другая?.. Неслышную тенью сопровождали на каждом шагу партизан невзгоды и беды. Это был особый мир, в который допускался не каждый, Разве что другу душу раскроешь. Углями тлела в груди у партизан тревога за своих близких, которые беззащитны перед врагом и постоянно на волоске от смерти. Ведь сколько не инсценируй «умыкание», а могут найтись злые языки, никто не застрахован от случайностей, да и полицаи на хуторах засады устраивают, и беда родным, если напорешься.

Уроженцам других мест, в особенности неженатым, было полегче. Домочадцы далеко, о них ничего неизвестно, и они о тебе ничего не знают. Неизвестность тяготила, но не травмировала всякий раз, как только гитлеровская полиция безопасности приступала к акциям против подозреваемых в пособничестве партизанам. А по приграничным районам Лудзенского уезда волны гитлеровских репрессий прокатывались особенно часто. «Акция» 10 и 11 июня задела помогавших нам людей и родных партизан нашего отряда.

...Первыми печальные вести приносят разведчики — вместе с впечатляющими сведениями о результатах Клешинской операции.

— Надо поговорить с ребятами, — решает комиссар, и мы, штабники, расходимся по лагерю. Поговорить надо с каждым из бригадцев, ведь в их волости больше всего зверствовали эсэсовцы.

Мой собеседник Щ Иосиф Пельчев. Он здешний, с той стороны реки, из деревни Виндрижи. Дотошный разведчик, отличный

проводник — местные леса еще пастушонком вдоль и поперек исходил. Иосиф знает портняжное и сапожное дело и при случае чинит нашу одежду и обувь. Он незаменимый человек на Зилупской партизанской базе, и знакомы мы с ним с декабря прошлого года. Он с двумя земляками перешел к нам из бригады Марго. Его путь к партизанам — как и всех довоенных советских активистов, которым удалось выжить — через неизбежное сопротивление гитлеризму.

— До смерти возненавидел я эсэсовцев и полицаев в Лудзенской тюрьме. Немцы, как пришли, сразу меня арестовали. В июле сорок первого... Разве такое забудешь? Держали нас, как скотину. Камеры тесные, набиты битком. За ночь расстреляют кого-то, а за день снова набьют до отказа, — скороговоркой бормочет Иосиф. Я не мешаю ему, пусть облегчит душу. — Мне повезло, освободили пятого октября. А то лежал бы сейчас во рву Грабарского леса. Ко Дню Революции немцы приказали очистить тюрьму... Я в советское время никаких должностей не занимал, в партии не состоял. Но местные полицаи догадывались, что в душе я за Советскую власть. А прямых улик у них не было. Удалось мне выкрутиться. Велели дважды в неделю являться в волостную полицию — расписываться... Ну дома-то я поступил, как душа велела.

А душа велела Иосифу думать. Думать о мщении. А в деревнях Виндрижи, Шнитники и Липосольцы жили парни, для которых немецкий «новый порядок» тоже был горше смерти. Сходились они, соседи, по пять-шесть человек и слушали московское радио, а главное — стали добывать, запасаться на будущее оружием и патронами. Так и подошел май 1942 года, когда в Латгалии затеяли охоту на людей. Эсэсовцы со всей Латвии окружали деревни, отлавливали молодежь и под вооруженной охраной увозили в Германию на работы. Местные полицаи, само собой, в первую очередь указывали на политически неблагонадежных. И у Криванды появились «ловцы», но опоздали: десять парней сбежали в лес — и все с оружием, даже несколько винтовок было. Только дома — весенняя страда, долго ли в лесу просидишь сложа руки? Стали парни тайком возвращаться. Так, быть может, и протянули бы до зимы, не завербуй полицаи предателя из соседей.

Самым первым арестовали Александра Гавриленка из Виндрижей. Зверски изувеченного паренька гитлеровские холоуи привезли в деревню и стали при всех над ним издеваться. Отец Александра, Михаил Гавриленок, не выдержал — рубанул полицаю лопатой, подвернувшейся ему под руку. Но что за оружие — лопата! Ранили старика. А когда умер, запретили хоронить на кладбище. Зарыли, как пса, за кладбищенской оградой...

Указал предатель и на других. Хутора сразу окружили жандармы и полицаи и арестовали почти всех, кто на них укрывался. Уйти в лес успели только Иосиф Пельчев, Федор Шидлов и Яков Тарабанов. Это случилось 28 августа. Куда деваться? Латышских партизан поблизости нет. Взяли припрятанное оружие и пошли за Зилупе, искать русских. За Исааковым островком повстречали себежцев.

А зимой узнали, что с Большой земли пришел латышский отряд...

Лицо у Иосифа темнеет, голос дрожит.

— Вчера в Виндрижи ворвались немцы. Без предателя не обошлось! Брат Роман и тесть, Захар Лапин, они — мужики. Успели в лес удрать. А женщины думали — может, не тронут. Так нет! Сестру Катерину и жену Антонину с сынком в крытую машину затолкали. И стариков не пощадили: тещу, отца, мать. Всех увезли. В Саласпилс, наверное... — Чуть помолчав, Иосиф тяжело вздыхает. — Не знаю, свидимся ли...

Нет слов, способных облегчить горе. Мужскую боль лечит молчание...

Романа Пельчева и пожилого уже Захара Лапина мы, конечно, принимаем в отряд. Подыскиваем для них работу в лесном лагере.

Немного опережу события. Пройдет несколько месяцев, затянется виндрижская рана, и Иосиф Пельчев снова и снова будет ходить на задания и докладывать. Монотонно, тускло. А потом однажды распахнется дверь и Иосиф, просияв, крикнет: «Вернулись!» Скажет одним словом — обо всем. И смущенно затопчутся перед штабной землянкой три женщины и мальчонка. Это — теща, сестра и жена Иосифа с сынишкой. Да, случится невероятное. Им удастся бежать из Саласпилса по пути на работы. И жить они будут под охраной партизан в потайном лесном лагере

и дождутся дня освобождения Латвии. Не вернутся отец и мать Пельчева. Как и родные многих других партизан. Эти простые люди, которые провожали сыновей в партизаны, знали, что рискуют своей жизнью, и шли на это.

Пельчев и его товарищи из первой волны партизан. Этим советским активистам рано или поздно грозили арест или высылка. «Отлов» рабочей силы весной 1942 года ускорил их решение, они ушли в лес. «Житья все равно не будет», здраво рассудили они...

Теперь, в 1943 году, началась вторая волна партизанского пополнения — к нам прибывают парни, подлежащие мобилизации в немецкую армию, в так называемый латышский легион. Приходят уже не по одному и не только политически сознательные. Многие у нас просто прячутся, бегут от ищеек-полицаяв, которым за каждого пойманного выдают «премию»: водку и «закусь». Вначале, конечно, нас находят те, кто подальновидней, кто понимает: не только защищаться от преследователей, самим повсюду громить оккупантов надо. Они и становятся посланцами штаба, которые зовут в лес одноклассников и знакомых. Пора воевать!.. Первым нашим доверенным в Циблинской волости стал Виталий Дударев. Встретился я с ним сразу после Клешинской операции.

В тот день командир контрразведки Липовский, вместе с начальником штаба принимавший пополнение, докладывает:

— Командир! Снова «чэпэ». От капитана Подгорного к нам перешел паренек — Дударев. Самовольно — капитан его отпускать не хочет.

Такие «чэпэ» в последнее время случаются довольно часто. После Клешинской операции у соседей, в калининских партизанских бригадах, только и разговоров, что о латышах. И земляки оттуда просят к нам. Пока нас не было, они шли к калининцам. Десяток их наберется. И калининцам, конечно, тоже нужны позарез. Как пошлешь без проводника из местных на латвийскую железку подрывников? Не отпускают их. Те, что поноровистей, и уходят самовольно. Это уже серьезный проступок. И приходится начштабу Бурцеву ездить к соседям, утрясать недоразумения.

Наш «дипломат» нашел приемлемый для обеих сторон статус-соглашения: мол, вы нам — земляков, а мы вам — военнопленных, освобожденных из концентрационных лагерей в Латвии. Позже мы подшучивали над Бурцевым: отдал сорок, а получил — десять. Продешевил! «Уговор есть уговор», добродушно отмахивался Иван. Для него: дал слово — сдержи.

А теперь вот Липовский предлагает мне:

— Потолкуй с ним, командир! Он твой, циблинский. Из Гаршанов. Хутор у самой границы, на краю Пительского болота.

Мой! Клемент знает — до войны я работал учителем в Исталсне, полгода исполнял обязанности секретаря комсомольской организации Циблинской волости и знаю эти края.

— Приляжем на солнышке, — говорю я Виталию, и оба мы вытягиваемся во весь рост на теплом оленьем мху, сбегавшем по склону Исаакова островка.

В глазах у Виталия грусть. Не улыбается он и тогда, когда, отгоняя зануду-комарика, я вспоминаю о пительской породе — «с мизинец». О Пительском болоте и его богатырских комарах я знаю из рассказов моего дяди Августа. В двадцатые годы он, член ЦК нелегальной компартии Латвии, успешно сменил фамилию и законспирировался в Циблинской волости. Работая лесником, обходил и пительский мшанник. Граница Латвии и России в то время пролегла посередине этого большого болота, считавшегося непроходимым. Но пройти его, зная тропы между бочагами, конечно, можно было. Именно этим путем осуществлялась связь КП Латвии с Советской Россией. «Гостей» лесник встречал по ночам на краю болота — из-за лютого комарья пограничники тут секунды лишней не задерживались. Потом дядя подавал весточку надежному «еврею-старьевщику» из Лудзы, и тот на телеге с двойным дном увозил доставленную литературу. А нужно было, сажал на задок подводки и «господина землемера».

Разговор свой я веду обиняком. Спрашиваю, правда ли, что в пительских бочагах тонули люди? Виталий, помедлив, отвечает, что в рассказах об этом больше выдумки, чем правды. Например, его брат Язеп в 1937 году перешел на советскую сторону, а родня пустила слух, что собирал ягоды и угодил в трясины. Только разве

по ягоды на границу ходят?! Виталий и сам при немцах стал хаживать через болото в Александрово и Татариново, на русскую сторону. Там его родня — Риндас...

Сказав о родне, он внезапно умолкает, отводит глаза. Наверное, притягивает его на ту сторону и еще какой-то магнетик. Виталий не рассказывает, но позже мы узнаем, что так оно и есть. Только вот после ухода Виталия в партизаны, вышла востроглазая Валя замуж... за полицая.

Мгновение, и Дударев монотонно продолжает свой рассказ. Родичи свели его с разведчиками капитана Подгорного. Матери он не сказал — лучше, чтобы не знала. Ей и так горя, забот хватает. Одна пятерых детей растила. Отец умер рано.

— Только в последний день признался: иду в партизаны. В вечер на пасху, двадцать третьего апреля. Мать — в слезы. Но сама знает, что из волости повестка пришла: пятнадцатого мая прибыть в Зилупе — повезут в легион. Не думайте — не отговаривала. Дала свое благословение, перекрестила. Я сам всем этим святым делам не верю. С той осени, как вы, комсомольцы, стали проводить в Цибле разные собрания...

Виталий смолкает, уходит в себя. Сидит, понурился, сутулится.

— Ошиблись мы, однако, — дрогнувшим голосом говорит он. — В ту ночь пришли ребята Подгорного... Неподалеку пограничники Веремского опорного пункта пьянствовали, все как на заказ — запросто языка прихватить можно. И начальству нашему информация о немецких пограничниках нужна... Надо было за ними в другой раз сходить... Тогда бы моих не заподозрили... Ну, два пограничника совсем себе зенки залили, мы их повязали и повели с собой. А два других заметили нас, пытались тревогу поднять, пришлось их прикончить... Назавтра из Лудзы полицаи нагрянули. Виновных ищут. Следов никаких, но я — исчез. На третий день Пасхи дошло до них, арестовали мать. И увезли... В Лудзу... Оттуда она не вернулась. На допросе, видно, показала, как уговорились: пришли, мол, люди с оружием и увели сына. Доказательств не было никаких, без суда решили пограничники расправиться с моей родней. — Снова молчание. — Сестренку

замучили... Братишку малого жалко... — еле слышно произносит Виталий.

Соседи его позже рассказали, что двадцатилетнюю Александру и пятнадцатилетнего Эдика латышские пограничники расстреляли на краю болота 28-го апреля. Хутор сожгли. Руководил командир добровольцев, лейтенант Шнепс. Ругался скверно, кричал: «Зарыть скотов в болото!» Расстрел поручил самым свирепым своим капрадам. Солдат, танцевавших в свое время на вечеринках с сестрой Сашей, брат запретил. Разжалобятся еще!.. Младший брат Виталия — Витберт, хотел обмануть палачей — сказал, что знает, где прячет на болоте свое оружие Виталий. В чаще бросился наутек, но наскочил прямо на пост и его застрелили.

Чудовищна трагедия семьи Дударевых, безутешно горе Виталия. Возможно, по ночам — поди знай — мучат его угрызения совести. Только и ему легче от мысли, что не запугали фашисты циблинцев. Идут и идут к нам крестьяне. Кровь безвинных жертв будет отомщена. Из Гаршанов пришли к нам несколько одноклассников Дударева. Не побоялись. А ведь своими глазами видели, как сводят счеты гитлеровские изверги.

Вера Шаламагина, соседка Дударевых, позже вспоминала: «Мы тела расстрелянных нашли все же. У Александры волосы в воде мокли. Руки были связаны. Наверное, перед тем, как расстрелять, мучили. Крестника моего Витберта долго мы искали, пока нашли: голову ему раскроили... Мы всех троих похоронили вместе: братишек по краям, а сестричку — посередке».

После войны на месте гибели семьи Дударевых была установлена мемориальная доска.

Здесь, мимо тогда еще не разрушенной баньки, 29 февраля 1944 года пошли мы по тайной тропке Виталия через незамерзшее Пительское болото и начали свой незабываемый партизанский марафон. Помню, перед выходом мы сняли шапки и молча помянули погибших. Теперь, через сорок с лишним лет после войны, отсюда, из Гаршанов, начинаются краеведческие и туристские походы в Гривинский лес. Иногда старт походу дают партизаны — очевидцы тех дней. Но нет среди нас Виталия Дударева. Он погиб летом 1944 года. Мать его, Бронислава,

прошла многие лагеря смерти в гитлеровской Германии и уцелела, вернулась после войны в родные края.

И каждому грозила расправа над его близкими...

Есть объективный критерий, позволяющий судить о росте партизанского движения и его эффективности. Это — организованные оккупантами акции против партизан, характер их и размах. Так, на операции Отдельного латышского партизанского отряда зимой 1942/43 года в пограничной зоне между Зилупе и Инд-рой фашисты ответили крупными карательными экспедициями. Цель их: разгромить партизан или в крайнем случае перекрыть пограничную зону так, чтобы латышские партизаны, которые базируются в братских русских и белорусских партизанских районах, не смогли

вклиниться на территорию Латвии. Усилить пограничную охрану должны были 35 опорных полицейских пунктов. Созданные по приказу командующего войсками СС и полицией Латвии Шредера, они значительно пополнили существующую сеть пограничных кордонов. На границу прибыли 1000 солдат и 50 офицеров из латышских шуцманских батальонов. Одновременно командующий полицией безопасности и СД Латвии Ланге дал приказ укомплектовать три ягдкоманды полиции безопасности по 150 человек и перебросить их соответственно в окрестности Лудзы, Дагды, Себежа — для выявления партизан и их пособников. И, наконец, руководимая самим верховным главнокомандующим войск СС и полиции Остланда Еккельном карательная экспедиция под кодовым названием «Винтерцаубер»<sup>1</sup> должна была, по замыслу фашистов, обезглавить партизанское движение в Латвии. В феврале—марте гитлеровцы двинулись против партизан Освейско—Себежской зоны, где тогда дислоцировался и латышский отряд.

Но усмирения Латгалии и изгнание партизан не состоялось. Летом 1943 года вместо одного уже действовали три латвийских отряда в составе вновь сформированной бригады. А 1-й отряд не только заметно расширил зону активной боевой деятельности на севере от Лудзенско—Зилупской железной дороги, но и

<sup>1</sup> «Зимнее волшебство» (нем.)

углубился в Лудзенский, Абренский и Валкский уезды, объединил возникшие и заложил основы для новых антигитлеровских организаций и партизанских формирований, что немецкая и местная латышская администрация вскоре ощутили на своей шкуре. Партизанские организаторы все глубже просачивались в Латвию. Пора покончить с этим! Именно к такому выводу пришел обергруппенфюрер Еккельн, в штаб которого непрерывно поступали жалобы областного комиссара Латгалии Рикена и рапорты генерала Шредера. В них говорилось о вылазках партизан, о возрастающем числе диверсий на коммуникациях группировки «Норд», в особенности — на Псковско—Резекненской, Лудзенско—Себежской железнодорожных ветках. О том же сообщали и дневные сводки командующего вермахтом «Остланд» генерала Бремера. Особых надежд выбить латышских партизан из приграничных зон в ходе операций не было, и у фашистов зародилась новая «концепция»: искоренить или по крайней мере парализовать пособников партизан в латгальских волостях. И достичь этого одновременным арестом и вывозом в концлагеря советских патриотов. Застать их врасплох, не дать ускользнуть ни одному из подозреваемых. Замысел подлый, но расчет верный: лишившись поддержки населения, своей социальной базы, партизаны не смогли бы успешно действовать. Этот план, как показывают документы, рьяно поддерживали руководители немецкой гражданской администрации, начиная с Рикена и кончая генеральным комиссаром Латвии Дрекслером и остландским рейхскомиссаром Лозе. Подготавливалась акция в обстановке чрезвычайной секретности, а реализацию ее поручили шефу шпиков и палачей в оккупированной Латвии Роберту Ланге.

В Потсдамском архиве (ГДР) удалось отыскать «Приказ о мероприятии «Зоммеррайзе» командующего полицией безопасности и СД Ланге, изданный 20 августа 1943 года в Риге и, возможно, являющийся первым документом по акции «Зоммеррайзе» (Летнее путешествие). Само наименование карательной акции показывает, с каким цинизмом гитлеровцы готовили «путешествие» в иной мир, уничтожение тысяч людей. Цитирую вводную часть приказа, где изложены причины, цели и

формы «акции»:

«1. В связи с действиями бандитов на границе Латвии и России и с тем, что бандитов все больше поддерживают неблагонадежные жители пограничных районов, главнокомандующий войск СС и полиции «Остланда» с ведома господина рейхскомиссара [Лозе. — В.С.] приказывает осуществить чистку этих уездов от неблагонадежных элементов.

2. Во исполнение этого приказа 25.8.1943 года в 04.00 начать акцию по аресту в Даугавпилском, Резекненском, Лудзенском и Абренском уездах, экстренно направить ее против всех политически неблагонадежных. Подлежат аресту все скомпрометировавшие себя лица и одновременно — члены их семей. При подготовке операции они поименно внесены в списки. Всего подлежат аресту 4000 лиц, из них:

- а) в Лудзенском уезде — от 1400 до 1500;
- б) в Абренском уезде — 600;
- в) в Даугавпилском уезде — 1000;
- г) в Резекненском уезде ук- ОТ 800 до 900.

3. Проведение акции по аресту и руководство ею поручено полиции безопасности. Общее руководство всем мероприятием поручаю руководителю учреждения моей внешней службы гауптштурмфюреру СС Шиле... Проведение мероприятия на месте будет инспектировать мой представитель штурмбаннфюрер СС Кирсте».

Наибольшее число арестов, как видим, было запланировано в Лудзенском уезде. И это понятно: партизаны действовали здесь особенно активно. С конца 1942 года и летом 1943 года всю южную часть уезда охватили операции 2-го латышского отряда, а северную — 1-го.

Ланге в своем приказе упоминает о списках лиц, подлежащих аресту, которые были составлены загодя. О самих арестах мы находим информацию в другом документе оккупантов. Это рапорт комиссара Даугавпилского округа Рикена генеральному комиссару Дрекслеру. В декабре 1943 года он докладывает: «Согласен с этой акцией и сам в свое время выступал за арест, в особенности в приграничных районах, политически неблагонадежных элементов,

рассчитывая, что это приведет к существенному сокращению бандитских бесчинств, к успокоению в округе. Сегодня уверен, что цель в значительной степени достигнута».

Далее виднейший «гольдфазан» (так чиновников немецкого гражданского управления презрительно именовали за их желто-коричневую форму) сообщает о своем вкладе в кровавое дело: «Я также своевременно поручил уездным и волостным старостам подготовить списки политически неблагонадежных элементов. Так как я также предварительно провел беседы с руководителями уездной полиции, то был уверен, что наиболее сообразительные полицейские чины при акции по вывозу свои списки согласуют со списками волостных старост».

Как раз то, что списки репресслируемых жителей доверили составлять и волостным старостам, дало партизанам возможность заблаговременно получить чрезвычайно важные для них сведения. В низовые звенья оккупационного аппарата нашим разведчикам удалось внедрить своих верных людей. И потому даугавпилский гебитскомиссар, сам того не подозревая, способствовал утечке информации. Уже во второй декаде августа разведчики 1-го отряда принесли тревожные вести: в волостях составляются особые списки. Сведения партизанам передавал один из чиновников Циблинского волостного правления. Правда, он не был информирован о фамилиях, вносимых в списки, и сроках акции. Но уже сам факт подготовки таких списков вынуждал командование отряда действовать энергично и без промедления.

22 августа в 24.00 вместе со всей документацией взлетели на воздух здания трех крупнейших волостных правлений Лудзенского уезда. Партизаны опередили гитлеровскую полицию безопасности на трое суток. Возможно, что операции эти в известной степени повлияли на дальнейший ход «Зоммеррайзе»: сократилось число репресслируемых, в особенности в Лудзенском уезде. К месту будет привести жалобы даугавпилского гебитскомиссара в рапорте Дрекслеру на то, что, несмотря на его старания, ответственные офицеры полиции безопасности руководствовались лишь собственными данными, игнорируя его учреждение и не принимая во внимание рекомендации уездных и волостных

старост. Вот это место: «Фактически акция от 25.8.1943 проходила при полном игнорировании моего и само- управленческих учреждений. Подготовленные списки учитывались лишь частично. В исключительно редких случаях собирали информацию у волостных старост. У меня не было никакой возможности повлиять на ход событий. Только в последний момент мне удалось ввести пропагандистскую часть акции в верное русло». И в конце добавляет: «Этим был сильно подорван мой авторитет...»

Выходит так, что согласуй каратели с подчиненными гебитскомиссара «черные» списки, они устранили бы допущенные «неточности». Возможно, что «гольдфазаны» в отдельных случаях правы, упрекая людей СД в недостаточно мотивированных арестах. Осведомители гестапо порой давали компрометирующие сведения и на своих личных недругов. Но это всего лишь еще раз подтверждает — в годы фашистской оккупации все решали самодурство и произвол гитлеровских заправил. Возможно, число арестованных за счет доносов волостных старост и значительно возросло бы.

Но отметим и то, что многие из наших добровольных помощников были хорошо законспирированы, их не сумели выявить ни агенты СД, ни волостные «фюрерчики».

Приказ Ланге — обширен и детально разработан. В нем расписаны подразделения полиции безопасности и охраны порядка, указано, какие офицеры СД произведут аресты, где разместятся штабы полиции безопасности, места сосредоточения арестованных и т. д. Прокомментируем некоторые выдержки:

«...5. В целом на акцию по аресту и вывозу выделено 1157 человек [фюреры СС, офицеры, унтерфюреры СС, унтер-офицеры, а также полицейские службы безопасности и порядка]...» Из дальнейшего перечня видно, что почти половина карателей — из подразделений СД и полиции, многие присланы из Риги. Большое число задействованных полицейских (на 3—4 человека, подлежащих аресту вместе с детьми, — по 1 гитлеровцу) и их состав говорит о том значении, какое фашисты придавали «чистке тыла».

Главный штаб карателей размещался в здании опорного пункта полиции безопасности и СД города Резекне. В отсутствие

гауптштурмфюрера СС Шиле обязанности руководителя акции исполнял гауптштурмфюрер СС Кауфман. Отметим, что Кауфман командовал в Лудзе ягдкомандой, с которой латышские партизаны не раз сталкивались в окрестностях Шкяуне. Этот гауптштурмфюрер хорошо знал местные условия... Командные пункты уездных шефов полиции располагались в Резекне, Краславе, Абрене и Лудзе. Были четко определены маршруты доставки арестованных и места сбора, а также транспортные средства: «...13. Места сбора, где находится ответственное руководство из немецких фюреров и унтерфюреров СС, устраиваются при железнодорожных станциях».

Чтобы не сбежал ни один арестованный, ввели особый режим: его обеспечивали вышколенные охранять лагеря смерти гестаповцы — фюреры СС различных рангов. В связи с этим показателен подпункт «О порядке сопровождения и охраны транспортом «Руководителям пунктов сбора выделенные для арестов подразделения полиции безопасности и порядка после принятия у них арестованных отсылать обратно, в гарнизон, как только отпадает необходимость в охране. Всем частям, . ' прибывшим из Риги, оставаться на сборных пунктах. При отправлении транспортного поезда в отдельных вагонах отбыть в направлении Риги тем же транспортным поездом». Поезд смерти вез свои жертвы «в направлении Риги» на Голгофу — в Саласпилсский лагерь смерти.

Через два дня, 22 августа, был издан «Дополнительный приказ № 1». О чем же позабыл рыцарь черепа и скрещенных костей? Ланге еще раз напоминал подчиненным заповеди гитлеровского убийцы: «В арестованных, при попытке к бегству, стрелять без предупреждения». И еще — заповедь тотального разбоя: все имущество арестованных сдается рейху — «За грабеж — смертная казнь».

2 сентября 1943 года гебитсфюрер СС и полиции Даугавпилсского округа обер-лейтенант жандармерии Гнида (до чего же точная фамилия!) доложил начальнику жандармерии Латвии, что при исполнении последнего пункта приказа в селе Эзерниеки застрелен один мужчина, оказавший сопротивление,

второй ранен, а третий — сбежал. О том, что имущество всех арестованных растащили — ни слова. Хотя фактически эсэсовцы забрали все, что могли с собой прихватить. Грозный пункт приказа Ланге, по сути дела, касался только латышских шуцманов и волостных чиновников — дабы не покушались на имущество, переходящее в собственность рейха.

В том же самом донесении Гниды указаны результаты акции «Зоммеррайзе», которые мы приводим полностью:

Уезд	Мужчины	Женщины	Дети	Общее число
Абренский	191	270	188	649
Даугавпилсский	338	422	403	1163
Лудзенский	236	413	279	928
Резекненский	193	180	171	544
<b>Всего</b>	<b>958</b>	<b>1285</b>	<b>1041</b>	<b>3284</b>

По этой бухгалтерии смерти читатель сам определит разницу между запланированными и произведенными арестами. Насчет числа репрессированных в Лудзенском уезде автор уже высказал свои соображения. На мирных жителях Абренского и Даугавпилсского уездов фашисты отыгрались за успешные действия партизан на этой территории. За операции 1-го и вновь созданного 3-го отряда.

Страшнее всего — колонка цифр с числом вывезенных в Саласпилсский лагерь и обреченных на смерть детей до 14 лет. Более тысячи насильственно оборванных жизней... Лишь потому, что горстке вырожденцев, ослепленных своей властью, фюрерам «Остланда» захотелось реабилитироваться перед вышестоящими инстанциями за провал карательных операций против партизан, за свою беспомощность в борьбе с народными мстителями. Рассчитали они безошибочно: главное оприходовать. А Гиммлер и хрупких детишек приплюсует к «искорененным бандитам». И сам фюрер доволен будет. Он ведь провозгласил лозунг «Аусроттен» — вырвать с корнем. К потенциальным врагам были причислены даже подростки и младенцы... У нелепой, бес-пощадной политики

гитлеровцев была еще одна цель: утратить людей. Вселить ужас, парализовать волю и решимость человека сражаться с фашизмом! Но оказалось — есть чувства, которые сильнее страха смерти. Это — патриотизм, любовь к советской родине. Против них фашизм со своей идеологией был бессилён.

Вот что вынужден признать все тот же гебитскомиссар Латгалии в конце упомянутого рапорта: «Из обретенного опыта я принципиально против проведения таких массовых акций из-за сильного резонанса, который такие мероприятия вызывают среди благонадежного населения. После данных акций, без сомнения, возникает ощущение всеобщей незащитности и несправедливости, которое во многих случаях проявляется негативно».

Не бесчеловечность акции, а ее «негативный резонанс» осудил озабоченный настроениями населения национал-социалист.

Прошло около четырех месяцев после ареста и вывоза «неблагонадежных», а партизанское движение в Латгалии ничуть не пошло на убыль. Наоборот, разрасталось. Гитлеровский метод массового устрашения привел к совершенно противоположному, непредвиденному ими результату. Даже фюрерчик Латгалии уловил, что широкие слои населения Латвии настроены против оккупантов. Многим понятно — оккупационная власть грозит уничтожением любому. Даже тому, кто не причастен к анти-фашистской борьбе. И, естественно, люди, сомневавшиеся в своем выборе, придут к выводу: единственный путь выжить не только самому, но и всему народу — сражаться против фашистов, посылить помощь скорейшему их разгрому.

В чем же нашли выход гитлеровцы? В новых репрессиях! Только в более хитроумных и замаскированных. «Считаю, что вылавливать политически неблагонадежных, как и прежде, крайне необходимо. При выявлении этих лиц с помощью имеющихся в моем распоряжении

полицейских органов и других учреждений хотелось бы иметь возможность во всех отдельных случаях этих политически неблагонадежных забирать вместе с членами их семей и высылать на работы в рейх», — так кончается рапорт гебитскомиссара. Все та же песня. По-прежнему в силе лозунг: «Аусроттен!» С корнем

вырвать, уничтожить патриотов и всех их потомков.

Каков же справедливый приговор нелюдям, задумавшим и реализовавшим акцию «Зоммеррайзе»? Окончательный и бесповоротный — высшая мера наказания. Всем этим гнусным военным преступникам, вместе со штатскими — «гольдфазанами». Но, к сожалению, из всех этих негодяев только верховный идеолог и распорядитель убийств в «Остланде» Фридрих Еккельн понес заслуженную кару — его всенародно повесили на рижской площади. И, между прочим, в материалах судебного обвинения Еккельну не фигурировали совершенные в ходе акции «Зоммеррайзе» преступления. Возможно, еще не были обнаружены соответствующие документы... Оберштурмбаннфюрер Роберт Ланге, по имеющимся данным, погиб во время бомбежки в окруженном советскими войсками городе Познани. Ну а гестаповцы, попавшие в руки союзников после войны, в основном выкрутились. Что касается руководителей штатских оккупационных управлений, то они впоследствии позанимали ответственные посты в ФРГ. Чаша весов в руках буржуазной Фемиды склонилась в их сторону...

В официальном отчете 1-го отряда Латвийскому штабу партизанского движения имеется следующая информация о «Зоммеррайзе»: «Особенно много людей вывезли из волостей, где мы действовали наиболее активно — из Бригинской и Гавринской... Были деревни, где из 15—20 семей остались 1—2 семьи, как в Устинове, Виндрижах и других. Мы спасли и переправили за границу в отряд членов прим. 40 семей, в основном тех, которым грозил расстрел. Некоторым помогли скрыться на местах. Больше людей спасти от высылки не позволили реальные условия: 1) часть [жителей] боялась риска при переходе границы; 2) в небольшом Себежском партизанском крае мы не могли обеспечить безопасности всем, там в результате многократных экспедиций даже из местных жителей уцелело прим. 30%. Из упомянутых членов 40 семей самых крепких определили в хозчасть. Для остальных в глубине леса выстроили потайной лагерь, который партизаны охраняли и снабжали всем необходимым. Под опекой отряда люди встретили день освобождения здоровыми и

невредимыми».

Намного больше семей удалось переправить в крупные леса Освейской партизанской республики — далеко за сотню. Но и там возникла критическая ситуация: на рубеже 1943 и 1944 годов немецкие войска через Освейский край стремительно откатились на запад. Семейный лагерь был надежно укрыт в лесной чаще, и, вернее всего, что его указал какой-то предатель. Эсэсовцы ворвались туда, многих убили на месте — в основном мужчин. Остальных развезли по концентрационным лагерям. О случившейся трагедии частично свидетельствуют радиogramмы А. Балода и А. Грома А. Спрогису в январе 1944 года: «...10.1 карательная экспедиция вывезла большинство членов семей партизан Латвии, которые находились в семейном лагере в Гнильцах... Из 170 семей погибли и неизвестно где находятся 40».

Трудно было воевать без оглядки и страшно, ведь у каждого партизана были родные и каждому грозила расправа над его близкими. Это должен понимать каждый, кто пишет о партизанской войне.

«...мед»

— И отделил господь чистых от нечистых, — в духе Ветхого Завета возвещает Иван Бурцев.

Мы уже час сидим в штабной комнате за столом и безрезультатно решаем все тот же вопрос. Случилось чрезвычайное происшествие, и теперь приходится думать, как наказать виновных. К тому же восемь человек целую боевую группу. Как наказать партизана? Командира можно разжаловать, а рядового? Практически применить можно всего две меры наказания: на черный хлеб и воду в баньку или... расстрел. Между двумя этими крайностями мы и балансируем. И ничего путного не получается. В шутку сказанные Бурцевым слова из библии как нельзя к месту. Один господь бог мог без колебаний отделить чистых от нечистых, добро от зла, белое от черного. И первых посылать к ангелам в рай, а вторых к чертям в ад. Только обычного, нормального живого человека двумя красками не определишь. И партизаны — не исключение.

Ведь кто они? Самые обычные люди труда, которые решили сражаться с фашистами. Конечно, лучшие и наиболее сознательные! Но с приходом в отряд они отнюдь не оставили свои мелкие человеческие слабости по ту сторону болота. Недаром в ходу у нас присказка Ошкална: «У каждого своя вошь. А кто говорит, что нет, у того их две». Грубовато, но метко. К тому же у нас ведь кое-кто прямоком из легиона, и там им мозги здорово задурили премудростью вседозволенности.

Все началось рано поутру. Для нас совсем неожиданно и шокирующе. «Ой, ой, ой!» — по улице мимо наших окон, всхлипывая, пробежала женщина. Следом еще одна: «Ах, ах, ах!» Третья уже не бежала, а вызываясь продефилировала мимо окон штаба. Четвертая уже бормотала: «Вот они какие, эти латыши! А мы их, мы их...»

— Что они, белены объелись спозаранок? — удивился комиссар. Кивнул Липовскому: — Выясни, что там! — Через минуту Клемент пулей влетел в комнату:

— Ульи у хозяйки разорили!

Дальше было решать командиру, и я холодно отчеканил:

— Начальнику особого отдела — расследовать. Если замешаны наши — под трибунал.

«Особый отдел» — это наш единственный чекист, начальник контрразведки Клемент Липовский. Есть в отряде и военный трибунал: состав его утвердило правительство Советской Латвии.

До обеда все уже выяснено, и вот мы сидим вокруг стола, снова слушаем следователя.

— Ну у тебя и хватка! — удивляется оперативности Брунис. — Как же ты на виновных наткнулся?

Липовский, скупо улыбнувшись, поясняет: Велел всем принести ко мне котелки. Мед так просто не отмоешь. У кого липкие, тот его ночью ел. А дальше — вопрос техники...

Произошло это так. Подбивать ребят из своей группы, несшей охрану, стал Тимофеев. Ну, тот, что недавно сбежал из Резекненской тюрьмы. Примерно в таком духе: мол, снова каратели прут в край наш партизанский, деревни жгут, скоро и нас погнать могут, разве с такой силищей управишься! Ноглово фрицы,

конечно, сожгут, как остальные окрестные села. И ульям этим — амба! Но до того мед выковыряют и полакомятся сами... Рассуждал Тимофеев до того «здрраво», что всем стало ясно: конец пчелам. Ну, а когда стал он описывать, как эсэсовцы, гады, соты вылижут, у ребят под ложечкой засосало — так меду захотелось... Никто, правда, с «медокрадом» к ульям не пошел. Но когда Тимофеев принес и щедро навалил каждому в котел душистые, сладкие соты... не утерпели. Первому угощение, конечно, досталось Алдису. Он, обходя посты, встретил шедшего на «промысел» мародера. Вроде бы предупредил и наивно поверил, что тот лег спать.

Всем поступкам и проступкам чекист дает точное юридическое определение. Группе инкриминируется мародерство, политически скомпрометировавшее латышских партизан.

Выясняется, что Иван Тимофеев в прошлом — вор-рецидивист. Он, когда пришел к нам в лагерь, сказал, что сбежал из тюрьмы, а винтовка — с убитого тюремного надзирателя. А если это неправда? Если его заслало гестапо, чтобы деморализовать бойцов?.. Допрос мародера ясности не внес. А бежавший вместе с ним из тюрьмы человек послан сейчас в Освейский партизанский край. Ждать некогда! Надо решать, и должен это сделать командир.

Я передаю дело в трибунал. Приговор: мародера Тимофеева и стоявшего на посту Алдиса, не предотвратившего преступления и не доложившего в штаб, — расстрелять, остальным строгое предупреждение и на несколько дней под замок. Совнарком республики наделил командира отряда правом утвердить или отменить приговор. Так что я — последняя инстанция, мне принимать окончательное решение. Руководствуясь юридическими и политическими соображениями и совестью. Осужденные уже подали на мое имя прошение о помиловании. Еще раз советуемся. Насчет Тимофеева сомнений нет: наказать по всей строгости законов военного времени. Алдис, молоденький комсомолец, недавно заброшенный к нам с Большой земли, соучастником преступления стал из-за отсутствия боевого и жизненного опыта. Помиловать! Но партийная и комсомольская организации характеризуют парня как слишком самоуверенного, переоценивающего свои возможности. Дважды с гонором

вызывался идти на «железку», и оба раза впустую, только зря тол таскали.

— О помиловании сообщить ему завтра, — подытоживаю я.

Гуманно ли заставлять мучиться парня в неведении до утра? Наверное — нет. Но на войне характер закаляется только в экстремальных условиях. И неуместная жалость может помешать этому.

Ну а женщины — люди настроения. Чуть что, вспыхнут от возмущения шипят, как сало на сковородке. А пройдет совсем немного времени и растают, как воск. И тут — к вечеру уже сочувствуют своим обидчикам. В штаб приходят первые делегатки, прознавшие о приговоре трибунала. Мол, не обижайтесь, что с утра мы так разошлись и словечко — другое лишнее сказали. Свои ведь люди, а чего среди своих не бывает. И с парнями этими сурово не обойдитесь — все-то они такие пригожие, обходительные, услужливые.

Объясняться с прекрасным полом мы оставили Яниса: здесь нужны были и терпение, и чуткость, и умение убеждать.

Шок от пережитого за ночь пошел на пользу Алдису — он стал одним из лучших подрывников отряда. Позже он сам опишет, как не мог уснуть и по-новому оценивал всю свою прожитую — еще очень короткую жизнь.

Матерый мародер, глядя на то, как он мучается и корит себя, со смехом заявил: «Не расстреляют! Много ли у командира людей?» И залег на боковую. Но он просчитался...

История с медом свалилась на нас 27 августа 1943 года. День этот был перенасыщен событиями, о чем свидетельствует выписка из боевого журнала: «Воровство ночью в деревне... Информация: в приграничье [гитлеровцы] вывозят многие семьи, [люди] бегут в леса. Партизанскую присягу [дают] 41 [новобранец]». Не стану скрывать: ночное «чэпэ» побудило нас ускорить принятие присяги у новобранцев. Вечером перед парадным строем партизаны, прошедшие десятидневный курс обучения и побывавшие уже на первых заданиях, торжественно поклялись беречь партизанскую честь, соблюдать дисциплину, исполнять свой патриотический долг — не щадя жизни громить фашистов. Всю тяжесть и суровость

ответственности вмещали в себе слова: и пусть меня постигнет справедливая партизанская кара, если я нарушу присягу!

Не только ритуал присяги, но и «чэпэ» в отряде, и жалобы отдельных хуторян, помогавших нам, заставили меня и комиссара обратиться к бойцам, застывшим в строю, с речью. Мы говорили о величии духа советских патриотов, отдающих свою жизнь за Родину. О том, что есть человеческие слабости, которым не место в нашем отряде. Не место любой корысти.

*«...там соединятся концы со всей округи»  
(Из письма члена Оперативной группы  
ЦК КП Латвии М. Биркенфельд  
Я. Калнберзину от 14 августа 1943 года.)*

«Дальше на запад! Глубже вклиниться в Латвию!» — такая директива была дана партией бригаде и отрядам латышских партизан весной 1943 года. 1-й отряд, как уже говорилось, был головным и прокладывал путь в центр и на север Латвии. Маловероятным казалось нам — разыскать в незнакомой местности мелкие партизанские группы, оставшиеся там с прошлого года. Они после многих неудач тщательно конспирировались и неизвестных им людей к себе не подпускали. И все же за два месяца нам удалось сделать главное для нас — связаться с партизанскими организациями в районе Абрене и Карсавы.

Первую цепочку связи в окрестностях Гаври нащупал чекист Янка (Васильев). Мы незамедлительно направили туда заместителя командира отряда Е. Максимова, боевую группу Я. Биетагса и квартиреров — Херманиса Бендикса и Арнольда Страдыньша. Заслуги двух последних особенно велики: эти уполномоченные штаба отряда изучили районы предстоящих действий, умело связались с местными подпольщиками и партизанами. В середине июля у нас была налажена регулярная связь с командирами рассеянного 1 апреля в Бриежаукском лесу партизанского отряда «Лиесма» (Пламя) ЩФ. Ларионовым, Д. Каупужем, П. Дергачом, которые проживали в окрестных деревнях. Херманис Бендикс встретился также со связным отряда Волдемара Эзерниекса

Анатолием Савицким. Чуть позже нашелся и Василий Потапов, который укрывался неподалеку от Карсавы. Обо всем этом сжато сообщает боевой журнал: «15 июня. Возвращается Янка, приводит Ефремова [Смирнова] и Петрова [Петьку], приносит 2 винтовки, наган. Сведения о подразделении у Балуй-моха: [было] общей численностью — 72, скрывается — 17, погибло — 8».

«...18 июня. Биетагс, Максимов, Бендикс, Муйжниекс, Страдыньш (всего 16) в Под-шляпьевский район. Задание: 1) связаться с остатками бывшего мартовского отряда; 2) найти базу в упомянутом рай.; 3) организовать [поддерживающих] в Карсавской и Гавринской волостях и городах; 4) раздобыть людей; 5) связаться с подразделением под Вилякой; 6) диверсии на ж-д». Из записи этой видно, что командование 1-го отряда спешит подключить к действиям оставшихся партизан «Лиесмы» и отряда Эзерниекса, подготовить условия для операций в районах Абрене и Карсавы.

Незабываемым останется 1 июля. В этот день Арнольд Страдыньш принес нам подробные сведения о судьбе «Лиесмы». Наши представители встретились с командирами этого отряда. И в тот же день Янис Перконс привел с базы бригады шестнадцать подготовленных за линией фронта партизанских командиров и подрывников, их приняли на белорусском партизанском аэродроме под Селявиной. Вот из журнала: «1 июля. Вернулся Страдыньш, привез Мишу Моисеенко, Николая Лебедева, 1 пулемет [демонтированный с] танка. Под деревней Даганы подорвалась на mine Муйжниекса [немецкая] легковая машина, убит комендант и какой-то высший чин, третий ранен. Задания группы Биетагса частично выполнены. Расстрелян [немецкий шпион] староста.

Возвращается Перконс, приводит 16 новичков из бригады: Риекстс [член Оперативной группы ЦК КП Латвии Фрицис Берге], Артур Рудзиш, Мальков [Румниц], Кузьмин, Соколов, Карузин, Лепкин, Круст, Игенберг, Бурбо, Петров, Федоров, Паэгле, Аусеклис, Кононов, Балодис. Пришли [перебежчики] Иван Тимофеев, Максим Ужгалов с винтовкой. Сбежали из Резекненской тюрьмы, убив надзирателя...

5 июля. Звирбулис приводит из Красногородского района

половину спецгруппы Северо-западного фронта... 6 июля. Страдыньш, Кононов, Петров — на задании. 7 июля. Не удается продзаготовка в Виндражах, фрицы в засаде. Обстреливаем из пулемета и миномёта Липосольцевский кордон, не загорается; 2 [добровольца] погибли, 1 ранен, 1 дезертирует. Возвращается взвод Биетагса с остальными бойцами спецгруппы. Леса Красногородского района прочесывают крупные части. На шоссе под Даганами [вместе со спецгруппой] взорвали мост, застрелили 2 фрицев, заминировали дороги. Привели 11 новобранцев [из окрестностей Абрене]..., принесли 4 винтовки, 4 пистолета. Двое военнопленных. Хорошие агентурные данные. 8 июля. Задерживаем 5 военнопленных, которые сбежали со станции Резек-не 1: восьмерых перечислили 4-ой [Калининской] партизанской бригаде... Чакстиньш со взводом (13) в бригаду...

...14 июля. Возвращаются Страдыньш, Петров, Кононов. Минируют ж. д. на антенну — не взрывается; и шоссе — взрывается 10.VII у переезда. [Десантирован с самолета] «груз»: 60 автоматов, винтовки, карабины, радист Бойков [Я. Рушко], лейтенант Юрис Ниедре, мл. лейт. Андрей Отанькис...»

Можно считать, что 18-го июля успешно завершается этап дальней разведки — разведчики 1 отряда проложили надежные тропы в Абренский и Алуксненский края. Начинается новый этап действий целенаправленное освоение разведанной территории. В связи с этим в 1-й отряд прибывают члены Оперативной группы ЦК КП Латвии Милда Биркенфельд [Макс] и Берге [Риекстс]. ЦК КП Эстонии просит проводить группу партизанских организаторов по разведанному нами маршруту до границы их республики: теперь это по силам нашему отряду. В боевом журнале читаем: «Пришли [из Белоруссии] Чакстиньш, Марта, Ришкис, Романовский, Черненко, санитарки Ташкане, Керис, Янка со своими и северные соседи [эстонские партизаны].

Возвращаются Бендикс с Савицким, Валенщиковым. Сведения о Эзерниексе и его ребятах [бывших партизанах 3-го отряда], «стариков» — 8, новеньких 45».

Анатолий Савицкий целый год воевал вместе с Волдемаром Эзерниексом. Он рассказал, что в апреле командир с небольшой

группой отправился на разведку в Рауненские леса, побывал под Лигатне и Ригой, а теперь направил туда пятерых опытных партизан — там от призыва в немецкую армию скрываются дезертиры, а командовать ими некому. Савицкий, само собой, не мог знать, что как раз в этот день, 18 июля, легендарный командир партизан северной Латвии Волдемар Эзерниекс погиб, окруженный в Белявской волости на хуторе Летес. Его отряд оказался в критическом положении. Из ветеранов полка в живых остались пятеро: Альфред Рашкевиц, Анатолий Савицкий, Мартыньш Матуленс (Криевинин), Виктор Константинов, Юрис Мелналкнис (он погиб в конце лета). Непрестанно прибывало пополнение из местных парней, которым не хватало оружия и которые еще не умели воевать. Отряд нуждался в срочной помощи. Вспоминая те дни, Альфред Рашкевиц писал: «И все же у нас сложилось почти катастрофическое положение с оружием, потому что помощи по-прежнему не было. Не хватало уже и опытных командиров».

Всю важную информацию о проделанной разведработе штаб 1-го отряда передал командованию и по радио ЛШПД — А. Спрогису. 20 июля 1943 года Спрогис ответил: «Помогите группе [Эзерниекса] своими запасами оружия... Штаб считает, что, нащупывая и устанавливая связи с отрядами бывшего латышского полка, вы проводите важную работу, на которую не следует жалеть ни средств, ни времени». 22 июля. Спрогис радиовал штабу бригады Лайвиня: «...отправить к Самсонсу один из ваших отрядов с одним радистом... Отряд получит у Самсонса подробные сведения о том, где находятся Каупуж, Эзерниекс и Рашкевиц, и направится в этот район». К сожалению, командование Латвийской бригады из Освейского края не смогло выделить подкрепления. Поэтому усиление отряда Эзерниекса и восстановление боеспособности абренских партизан легло на плечи 1-го отряда. Секретарь ЦК КП Латвии Эрнест Америк в радиограмме от 21 июля поручил Д. Каупужу: «Свяжитесь с т. Самсонсом, чтобы разработать план совместных действий. Товарищу Самсонсу даны указания о дальнейшей работе».

Все ниточки завязывались в узелок в Зилупском лагере. За время с 21 по 28 июля члены Оперативной группы ЦК КП Латвии Милда

Биркенфельд и Фрицис Берге детально обсудили и разработали вместе с командованием 1-го отряда план дальнейших действий. Число партизан в первом отряде удвоилось и, не считая бойцов Эзерниекса, превысило полтора человека. Из-за линии фронта были переброшены двадцать пять командиров и специалистов по ведению партизанской войны, а также — солидные запасы оружия. Во-первых, можно было укрепить и расширить отряд Эзерниекса. Во-вторых, опираясь на руководимую Д. Каупужем нелегальную организацию, создать сильное подразделение подрывников, которое контролировало бы окрестности Абрене и парализовало этот важный коммуникационный узел гитлеровцев. И, в-третьих, послать в Лубанские леса группу организаторов с опытными командирами Херманисом Бендиксом и Арнольдом Страдыньшем, прекрасно знающими местность. Туда направилась бы также уполномоченная Оперативной группы ЦК КП Латвии «Зиедыня» (Эльвира Ятниеце).

В Лиепнинские леса к Эзерниексу начальником штаба направили фронтовика лейтенанта Д. Калвана, снабженного рацией. Вместе с ним — боевую группу Чакстиньша и командира подрывников Я. Биделиса. Чуть позднее вслед за ними вышли другие боевые группы. В целом — пополнение в полсотни опытных бойцов. С ними — оружие и взрывчатка. Это позволило уже осенью реорганизовать подотряд в самостоятельный — четвертый Латвийский партизанский отряд. После гибели Эзерниекса — командир Д. Калван, комиссар А. Рашкевиц.

В августе, чтобы согласовать план совместных действий, на Зилупскую базу прибыли Федор Ларионов и Доминик Каупуж. Обрато они пошли с запасами Оружия и взрывчатки.

К их подразделению прикомандировали талантливых подрывников В. Кононова, Д. Кузь-мина, Л. Лепкина, В. Карузине и других, а также комсомольских работников Пименова (Нагс) и Румница (Мальков) — будущих- секретарей Абренского райкома комсомола. Чтобы верно направить широко развернутую политическую работу, в Абренский край прибыл, изучил обстановку, помог советом секретарь Латгальского обкома КП Латвии Лонгин Авдюкевич.

Обо всем этом сохранились записи в боевом журнале 1-го отряда:

«28 июля. Группа Волана в бригаду, уходит Марта, во 2-й отряд возвращается Шарахов. Распоряжение из центра [о постоянной базе в Латвии]. 29 июля. Группа Калвана, Бендикса и северных соседей [эстонская] выходят на базу № 5... В первой группе Чакстиньша Биделис, радист Бойков, а также Савицкий — всего 12, во второй — 7». Здесь следует пояснить, что «базой № 5» кодировался опорный пункт 1-го отряда в районе Красногородска, расположенный в лесу под хутором Гусак. Создавался он как трамплин для дальнего прыжка в Латвию. Замысел этот полностью не реализовался: каратели дважды выбивали оттуда партизан, и им пришлось вернуться на Зилупскую базу. Вот почему высланным группам вначале не везло — рейды пришлось повторить.

«1 августа. Вернулись начальник штаба, взвод Биетагса. Не выдержали... Нет сведений о Максимове, Каупуже... 4 августа. Возвращается связной от Калвана. Достигли № 5, [Биетагса] не встретили. Ждут распоряжений. 5 августа. Возвращаются Максимов, Каупуж, молодой Иван Павлов. Сведения: 14.VII [взорван] эшелон с лесоматериалами за Абрене, под Пирагами [повреждены] 4 вагона и локомотив. В ночь с 28 на 29.VII §Ц локомотив и два вагона под ст. Пираги. Оба — местные, выданными Максимовым [минами]... Концентрация войск в этом районе против партизан. Опоздали по вине своей и Каупужа. Сведения хорошие. Отчет Каупужа... Бендикс возвращается, не перейдя границы. Один отстал. 6 августа. Из 4 [Калининской] партизанской бригады получаем старого знакомого [Василия] Потапова и [Николая] Егорова... пришли из окрестностей Бухалово... 7 августа. Уходит на задание Поч, группа Сергея [Грома], Мальков, Каупуж со своими, всего — 12. 10 августа. Уходит группа Бендикса и [проводник Виталий] Дударев. Возвращаются Поч, Муйжниекс, Кузьмин и др. Каупуж пошел дальше, хочет догнать Калвана и др., которые пошли из № 5 через границу. Их ведет Быстров. Группа Калвана у № 5 застрелила фрица, шли по пятам... 18 августа. Возвращаются Нечаев, [Федор] Ларионов и др.

Приводят новобранцев [следует 6 фамилий]... Карузин взорвал 31.VII эшелон в 32 вагона, 8 покорежены, 2 — с живой силой. В остальных боеприпасы, шпалы, рельсы, войска... На 2 дня прервано движение... 19 августа... Возвращаются Быстров и Лебедев: они перевели Калвана и северян через границу... 23 августа. Уходят в свой район Ларионов, Кузьмин, Кононов, всего — 7. Вместе с ними Леон [Авдюкевич]. Указания Каупужу: план действий».

Визит члена Оперативной группы ЦК КП Латвии Милды Биркенфельд на Зилупскую базу был для нас очень важен. Командование 1-го отряда смогло оперативно согласовать и уточнить с партийным руководством свои планы укрепления имеющихся и создания новых партизанских подразделений.

Сильное впечатление на бойцов произвела представитель ЦК Милда Биркенфельд. Че-ловек особой закалки, приобретенной в подполье и тюрьмах буржуазной Латвии, она была прекрасно теоретически подготовлена и сочетала одаренность военного и политика с необычайной чуткостью и уважением к людям. Десять дней ее пребывания создали в штабе отряда атмосферу творческого поиска и взаимопонимания. Милда первой из нас осознала и смело сформулировала необходимость единого центра народной борьбы с оккупантами в северо-восточной Латвии.

14 августа 1943 года, вернувшись из далекого рейда в Освейский партизанский край, Милда Биркенфельд (Макс) писала Яну Калнберзину о широких возможностях для боевых действий в зоне 1-го отряда: «Там очень хороший район, возможности для работы шире, чем здесь [в Освейском крае], хотя положение самой базы не может быть таким стабильным, как у нас... Если удастся создать в этой местности третий отряд, то там обязательно следует организовать вторую бригаду у... Теперешние командиры отряда маленького Вилиса вполне могут осуществлять руководство бригадой, и оно будет не хуже здешнего. Очень нравится сам маленький Вилис и особенно то, как он работает. Янис послабей, чем Малыш [О. Ошкалн], но с работой справится. Особисту [начальнику контрразведки] там будет туговато... Хорош начальник штаба, а также начальник разведки. Риекстс уйдет в прежние свои места. А у маленького Вилиса должен быть один из

нас, потому что там соединятся концы со всей округи».

Уполномоченному партии пришелся по душе Зилупский лагерь, стиль работы в отряде и размах его действий. Она выразила готовность перебраться к нам, чтобы как представитель ЦК постоянно присутствовать там, где решаются важные вопросы. К сожалению, этому замыслу Макса не суждено было осуществиться, да и создание новой бригады задержалось на пол года.

16 и 17 сентября Зилупскую базу посетили высокие гости. Это были секретарь ЦК КП Латвии Эрнест Америк, начальник Латвийского ШПД Артур Спрогис и командир бригады Вильгельм Лайвинь. Они определили окончательный порядок перебазирования в Латвию и дали задание отряду — активизировать диверсии на железной дороге, усиленно участвуя в «рельсовой войне». Знакомились они и с личным составом, участвовали в смотре отряда. На нем партизан сфотографировали в строю, и снимок этот остался для будущего единственным визуальным документом о 1-м отряде. Речь Эрнеста Америка была не только приветствием от имени партии, но и программой действий. Его обращение глубоко взволновало партизан, вдохновило на дальнейшую борьбу.

## СНОВА НАКАНУНЕ ПУТИ

### Вцепись, как репей!

— Здорово, Репей! — сотрясает воздух знакомый баритон, и в дверях штабной комнаты возникает мощная фигура. Комната преображается: вошедший Отомар Ошкалн физически и эмоционально заполняет ее собой. Святых обычно рисуют с нимбом над головой. У отца латвийских партизан гипнотическое сияние исходит от улыбчивого одухотворенного лица, от всей его геркулесовой фигуры.

— Сколько лет, сколько зим... — Он, размахнувшись, с хлопком загоняет свою ладонь в мою.

— И месяцев, — подхватываю я, не видались, не встречались...

С последнего нашего разговора в землянке Освейского леса прошло около полугода.

— А что я тебе говорил?! — Комиссар так и светится от удовольствия. Он, плут, тоже не забыл нашего расставания. Я тогда, помнится, ушел с обидой на сердце — Старик так и не дал мне в рейд Криша и Мишу Муравского. — Чем тебе плохо? Вцепился, как репей, в Зилупские болота, никак тебя фрицам не выдрать. — Стараются отвлечь меня от прежних размолвок и говорит только о хорошем для меня. Это в его натуре: забывать о неприятностях, оставшихся в прошлом...

А у меня прошлая встреча засела в памяти. Мы тогда обсуждали, по какому маршруту выгодней идти 1-му отряду. Водили по карте карандашом вдоль берегов рек Зилупе и Лудза и ежеминутно застревали на каком-нибудь названии, почти всегда поминая его недобрым словом. Ведь прошлым летом под Голышевым разгромили наш полк, а мне с 1-м отрядом планируют там базироваться, чтобы с плавней озера Пители перемахнуть через безлесную пограничную зону в леса северной Латвии.

«Нелегко будет!» — воркует мне комиссар, по привычке пристукивая в такт словам каблуком сапога по полу. «Выбьют тебя, как пробку из бутылки. Но ты вцепись, как репей!» И тут, как это с ним нередко бывает, когда его вдруг осеняет, воспламеняется: «Слушай! Ты должен, как репей вцепиться в гитлеровский тулуп! Только по-настоящему вцепись! На партизанский край не оглядывайся. Твоя земля обетованная — по ту сторону Зилупе и Мердзенских топей». С удовлетворением потирая руки, категорично заявляет: «Гонора и упорства тебе не занимать — выдержишь. Фриц тебя со своего тулупа так просто не страшнет». Я с интересом слежу за его метаморфозами. Заканчивает уже полушутливо, чуть ли не ласково. «Ты ведь и сам — настоящий репей. Взлохмаченный и колючий. И не нравится тебе, когда глядят, а не злопамятный — своим боли не причинишь. Ну, а уж вцепишься — не оторвешь!» Он загорается новой идеей, вскакивает и прямо гипнотизирует, приковывает меня к скамейке взглядом. «Репей!» Палец его нацелен мне точно в лоб. «Так и назовем! Вот, кличка! А мы выдумать не могли!.. Под этим псевдонимом будешь фигурировать в нашей корреспонденции!»

Кличка дается мне с таким напором, что не согласиться с ней

невозможно. Решение комиссара — свято и обсуждению не подлежит. Мелькает мысль: ну да, репей — сорняк, но слава богу, что я — не крапива. Я делаю вид, что польщен, посмеиваясь над собой и одновременно отдавая дань воспитательным методам, вернее сказать, психологической тактике Ошкална. Так меня обработал, что все претензии вылетели из головы.

Тот наш разговор состоялся ранней весной. Сейчас — поздняя осень. Тогда комиссар провожал меня в неизвестность. Теперь я должен позаботиться о том, чтобы Батька и его попутчики без сучка-задоринки прошли Пительское болото, голышевские пограничные посты и засады, Ленинградское шоссе и железную дорогу. До нас, опередив Ошкална, уже дошло известие. Невероятное известие: Старик идет в Земгале. С двадцатью партизанами и рацией. В попутчики отобрал опытных бойцов. С ним и отличившаяся в бою 6 марта санитарка Илга, и хозяйственный Леонид Муйжниекс, ветеран зимних боев, мастерски владеющий и автоматом и кухонным ножом... Ну, хорошо: доставим мы ошкалнцев до Гривинских лесов, проводники Ратыньша — от Лубаны до Кокнесе. Но по ту сторону Даугавы нет партизан, куда они денутся без надежного лагеря, без запаса продуктов? Зима на носу. Наш летний рейд — пустычная забава в сравнении с тем риском, на который идет Ошкалн. Но попробуй ему что-нибудь сказать! Шипит по-змеиному, кусается: — Ах, так ты смог зацепиться, а я за Даугавой не смогу? И уже не вдается ни в какие пространные рассуждения. Для комиссара тут вопрос принципиальный. Он, посылавший людей на опасные задания и даже на смерть, станет рассиживать за чашкой чая в прочных и уютных освейских землянках? Нет, он партийность понимает по-другому... Нам уже известно о совещании в освейском штабе бригады Лайвиня. А. Спрогис, инспектируя освейцев, стал расспрашивать: почему руководство бригады не провело разведки Екабпилсских лесов, и почему несколько высланных им групп не подготовили базы для отряда, а при первых же осложнениях сиганули обратно через всю Латвию — в безопасный Освейский край? Командиры стали было рассказывать о трудностях, возникающих у партизан в отдаленной местности. «Ага, значит,

все же фукнули», — подытожил начальник ЛШПД. «Фукнуть» у нас означает испугаться, драпануть или прозевать, прошляпить главное. Слово со всех сторон оскорбительное для уважающих себя партизан на что и рассчитывал Спрогис. И повскакали? Нет, вскочил... Во весь свой огромный рост выпрямился Старик и, спасая добрую славу латышских партизан, грохнул тяжеленным кулаком по столу. Рывкнул: «Я пойду!» На том и порешили.

Нет, Ошкалн ничуть не сердится на замешкавшихся молодых командиров, вместо которых взялся за невозможное. Поняв, что другим с неотложным заданием не справиться, он внушил себе — успешно сделать это может только он. А Ошкалн умеет внушать не только другим, но и себе: без него на левом берегу Даугавы не обойтись.

Три дня в Ноглово пролетают незаметно. Попутчикам комиссара надо было отдохнуть и собраться в дорогу. Следующий этап пути самый опасный. Ошкалну предстоит пройти по тем местам, за которыми с лета 1942 года закрепилась дурная слава. Вспоминал их комиссар чертыхаясь: выбили, как пробку из бутылки! И вот, выйдя на воздух передохнуть, вижу, как у околицы к Голиафу пристраивается Давид — наш подрывник Антон Муйжниекс, именуемый еще Маленьким Муйжниексом. Оба что-то серьезно обсуждают. За обеденным столом Ошкалн без предисловий заявляет:

— Дай мне Антошку. Просится со мной. — Проглотив здоровенный кусок мяса, поясняет: — Ему последнее время не везет, и он психует. В таких случаях надо менять обстановку.

Опять Старик удивительным образом уловил самое существенное. Антон — один из лучших минеров отряда — весной и летом подорвал несколько фрицевских поездов и машин. А потом вдруг — возможно, после того, как группа Перконса напоролась на его мину, — наш «гроссмейстер» изменился до неузнаваемости. Последнее время возвращался, не выполнив задания: то патруль спугнул, то взрыватель не сработал, то просто в ямку мину не поставил. Антон больше не верит в себя, а в таких случаях — известное дело: минер ошибается всего раз в жизни. Муйжниекс мастер в минировании и мог бы у нас обучать

молодых подрывников, но Ошкалну я не могу отказать. Прощается маленький Антон с радостным видом, но, повернувшись спиной к нам, сникает так, словно, уходя, уносит с собой груз обреченности. Позднее мы узнаем, что он и в самом деле ожил, успешно минировал дороги и подступы к лагерю в Залвенских лесах. Но все это до тех пор, пока не наступил на свою же мину — ту самую, роковую, избежать которой пытался уже здесь, у реки Зилупе.

Шестого октября бойцы комиссара собрались выступить — сверху в рюкзаки напиханы сухари, свежekoпченые, ароматные ломтики говядины. Что получше — гостям. Старику, само собой, куда больше пришлось бы по душе свиной окорок, карбонадик. Но, к сожалению, ничего такого нет. У наших друзей, крестьян небогатых, фрицы все до последнего поросенка отобрали. У кулаков и у полицейских — добро еще держится... Когда я об этом упоминаю, комиссар озорно улыбается и роняет:

— Было — ел, будет — съем.

Я пока не догадываюсь, что таится за этой цыганской присказкой: Старик нацелился на свиную убоинку.

В создаваемой Ошкальном вокруг себя атмосфере, где всегда есть место шутке, три этих дня буквально промчались. О предстоящем ему марафоне комиссар говорить избегает. Не из-за конспирации. Он терпеть не может открытого сочувствия и, наверное, думает, что мы станем его жалеть и разжалобим. И потому шутит и шутит. Внешне все нормальной режиссер отлично играет аранжированный своими шутками спектакль. Но мне и тем, кто знает его поближе, порой кажется, что на душе у него кошки скребут.

Помню два случая, когда Старик становился совсем серьезным. Вечером, за день до расставания. После ужина, отодвинув в сторону котелок, он деловито стал расспрашивать нас о маршрутах дальнейшего передвижения отряда, о выбранных уже местах стоянок и опорной базе в Латвии.

О проделанной нами работе вкратце доложил я:

— Разработанный оперативной группой ЦК план мы осуществили, можно сказать, досрочно, в три месяца. Наша рация под Лиепной заработала в начале августа. Вскоре перешлем

к Рашкевицу обещанных командиров и рядовых. Прочно обосновался в Лубанских лесах Бендикс со своей рацией. В районе Абрене активно действует обновленный подотряд Каупужа — Ларионова, наши подрывники.

Комиссар нашего отряда Янис, как и положено в таких случаях, не скрывая своего недовольства, говорит о самом наболевшем:

— Хотели мы, как было вначале запланировано, постепенно перебазировать отряд на Лиепну и Лубану. И дорогу разведали. А что получилось? Дали нам новое распоряжение, и в Лубанские леса перебирается отряд Ратыньша, а в Лиепнинских создали самостоятельный отряд — Калвана. Мы, что — хорошие дядюшки, для племянничков стараемся? А самим по безлесной зоне между Абрене и Карсавой мотаться?

Что там скрывать: мы себя чувствуем обиженными.

Ошкалн, хорошо понимая это, в первую очередь хвалит проделанную нами работу — остальные не так успешно справились, но:

— Приходится перегруппировать силы бригады в наиболее выгодные для прорыва места. Вперед заглядывать надо. Не только ваш край — всю Латвию партизаны должны в этом году освоить. Чтобы к следующей весне, когда фрицы объявят новую мобилизацию, всюду были партизанские организаторы, чтобы могли к ним люди прибиться. И так уже потеряли полгода. — Комиссар, словно устав от этой тирады, откидывается на спинку стула (единственного у нас!) и добавляет: — Мацпан в Курземе. А Земгале остается белым пятном на нашей штабной карте...

Надо уметь оценивать взаимосвязь и видеть перспективу. На военном языке это называется оперативным мышлением, но в наших условиях не грех именовать его — стратегическим. В достаточной ли степени обладают им партизанские командиры? Уточним к тому же: проявляется оно не только при нанесении маршрутов и мест операций на карту, но и при личном участии в боевых действиях. Тут нужны и живой, аналитический ум, и личное мужество, порой даже безумство храбрых. Из всех партизанских командиров Латвии я назвал бы имена двух человек, обладавших, на мой взгляд, удивительными способностями

творчески стратегически мыслить и действовать. Ими были Отомар Ошкалн и Волдемар Эзерниекс!

Незабвенной памяти однополчанин Волдемар Эзерниекс, находясь в чрезвычайно тяжелых условиях, еще в апреле 1943 года задумал и осуществил с пятнадцатью бойцами развед-рейд от Лиепнинско—Анненских лесов до Риги. Это огромное расстояние по незнакомой местности он прошел без карты. Прошел, несмотря на кровопролитную зиму, которой его группа понесла невосполнимые потери. Его подхлестывала объявленная в марте мобилизация — Эзерниекс, бывший работник первой Оперативной группы ЦК КП Латвии (руководимой Иевой Палдыней), понимал, что пришло время охватить партизанским движением всю территорию республики. К этому выводу он пришел самостоятельно. У него не было рации. И значит — прямой связи с партийным и партизанским руководством в Москве. Оперативная группа (ЦК КП Латвии) в Освейском крае в апреле только разрабатывала планы развертывания партизанского движения в Латвии, а Волдемар Эзерниекс уже был в пути. Он выяснил: леса между Алуksне и Ригой перспективны для развертывания борьбы с оккупантами в Видземе.

Теперь такой же по дерзости рейд задумал проделать Отомар Ошкалн.

Примерно на полчаса задерживаемся мы за неубранным столом. Начальник штаба Бурцев докладывает, что перебазироваться в глубину Латвии мы собираемся небольшими лесами через Резекненско—Псковскую железную дорогу — в Гривинский лес за Карсавой и Стампакским болотом между Вилякой и Бал-вами, а дислоцирующиеся там группы переименовываем в подотряды с кодовыми названиями «А» и «Б»; в районе Абрене уже действует мобильная группа подрывников, которую мы усилим и переименуем в подотряд «Ц».

— Через неделю сам командир поведет бойцов взвода Биетагса и Поча. А также взвод Андрея Отанькиса, который мы обещали Калвану для создания подотряда в Жигурском лесу, — заканчивает Бурцев.

Командиры мои довольны — комиссар бригады глаз не сводит

с развернутой перед ним карты, удивляется: как же мы на таких пятачках зацепимся, разместим сотни партизан.

— А-а, чего учить репей цепляться! — находится он и машет рукой.

После того, как Ошкалн еще раз с похвалой отзывается об оперативности, результативности и верной тактике отряда, мы окончательно приходим в хорошее настроение.

### «Оба берега Даугавы...»

В сгущающихся вечерних сумерках мы с Ошкалном сидим на бревне перед штабной избой. Старик молча смолит толстенную козью ножку и пускает клубы дыма в воздух. Думаем каждый о своем... Я первым нарушаю затянувшееся молчание и просто так, чтобы было с чего начать, говорю:

— Ты теперь перекинешь мост через Даугаву. Соединишь оба берега, чтобы смогли партизаны сказать вслед за Райнисом:

*Оба берега Даугавы Навек нераздельны;  
Наши Курземе и Видземе,  
И Латгале наша...*

Ошкалн не сразу отзывается на мой прозрачный намек: поговорить о Райнисе. У меня и в мыслях не было польстить комиссару, а ведь его рейд на левый берег в самом деле символичен. Даугава — река, на берегах которой, по словам латышского пролетарского поэта, решалась судьба народная. Защищая Даугаву, неделимость ее берегов, латыши защищают самостоятельность и независимость своей нации. Много раз разъединяли берега, много раз раскалывали латышский народ. Октябрьская Социалистическая революция и правительство Советской Латвии в 1919 году фактически объединили и юридически закрепили все три области Латвии как единое национальное государство. Завоевали то, о чем мечтал великий Райнис:

*Наш язык, душа едины,  
И страна — едина.*

*Ошкалн наконец возвращается на землю.*

— Вилис, а гостинец я тебе все-таки принес, — говорит он и начинает рыться в своей объемистой и — это я знаю — беспорядочно набитой документами сумке. Повозившись, вытаскивает и торжественно протягивает мне подарок.

Крохотный, тонюсенький, он тонет в батькиной лапище. Умещается целиком и на моей ладони. Книжечка высотой сантиметров в десять, толщиной — в двенадцать страниц!

— «Даугава»! — с видом победителя произносит он.

Рассматриваю книжицу: «Несет воды Даугава. Стихи Я. Райниса». Выпущена в Москве. Ты, посмотри, совсем свежее издание! Подписано к печати 7 апреля 1943 года.

— Десантники из тыла подбросили, — объясняет комиссар. — Это ничего, что тонюсенькая. Главное — содержание.

Сувенир и в самом деле бесценный здесь, в партизанских болотах. К тому же я знаю, как он дорог самому Ошкалну, и понять не могу, как он может с ней расстаться после того, как целый год безуспешно разыскивал ее в немецком тылу. С райнисовской «Даугавой»! Мне становится совестно:

— Послушай! А тебе?..

Старик придерживает мою руку:

— Да мне некогда будет... — И добавляет; — Ну, Вилис, на тебя Райнис остается...

Уже укладываясь спать, комиссар по при-мгаке бормочет что-то себе под нос. Слышу:

— Райнисовские вечера, райнисовские вечера.

Вспоминает о наших валдайских посиделках или, может быть, о вечерах партизанской самодеятельности, которые мы задумали прошлой зимой, но... Кутаясь в одеяло — в октябрьское ночи похолодало — и погружаясь в сон, я представляю себе энергичные жесты Ошкална я снова слышу его вибрирующий баритон, Комиссар любил повторять: «Райнис с нами!» В последний раз я слышал это в середине зимы — наверное, в январе...

Тогда Отдельный латышский партизанский отряд, прорвавшись за линию фронта и пропахав сугробы от Ловати до Зилупе,

остановился в деревне Красово, на северном берегу Освейского озера. Надо было отойти, набраться сил и после чрезмерной физической и духовной нагрузки подготовиться к новым операциям — теперь уже в самой Латвии. По вечерам выпадал часок-другой посвободней. Когда бойцы немного передохнули, комиссар стал теревить разведчиков: ребята, а не пора нам почитать Райниса?! Не то чтобы приказывал, но намекал вполне прозрачно: сумейте же, наконец, разыскать какой-нибудь сборник Райниса! Не так-то легко его было найти во время войны на окраине Латгалии. В магазинах не купишь. Разве что у какого-нибудь учителя томик довоенного издания сохранился... Но однажды поздним вечером, кажется, сразу после Нового года, комиссар зашел в штаб с необычайно восторженным видом. В глазах — озорные искорки. «Узнаете?» Книжонка была довольно потрепанная. Кажется, даже без обложки. Но название на титульном листе пропечатано отчетливо: «Райнис — глашатай борьбы». Советское издание 1941 года, которое при гитлеровцах считалось почти нелегальным. Такое по тем временам для безопасности лучше всего было держать подальше от чужих глаз.

Первым, само собой, потянулся к сборнику Имант Судмалис. Книги — его слабость. К тому же — всякие, начиная от боевиков в стиле Уолта Ваверли и до мировой классики, хотя предпочтение он всегда отдавал политической литературе. «Глашатай борьбы»! Имант вспоминает, что так же называлась книга, которую «Брива Яунатне»<sup>1</sup> нелегально напечатала и распространила в 1936 году. Парторг торопливо перелистывает брошюру, пробегая глазами страницу за страницей, и лишь местами зачитывает нам заголовок или несколько строк. Порой голос его теплеет, как при встрече с давним другом. Строки стихотворений, знакомые всем со школьной скамьи, Имант сыплет скороговоркой. Отдельные перечитывает дважды, словно удивляясь, что раньше не заметил мысли или образа.

«Вот это бомбочка! В самый раз для фашистов — закрыв последнюю страницу, парторг покачивает на ладони книжечку, словно взвешивая эмоциональный заряд стихов. — «Этот сборник

<sup>1</sup> «Брива Яунатне» (Свободная молодёжь) - нелегальное издательство латвийских комсомольцев.

был с нами в борьбе с ульманисовцами, теперь с гитлеровцами».

Отчего же комиссар медлит присоединиться к нему?

— Не только один этот сборник. С нами весь Райнис — целый и неделимый, — наконец роняет Ошкалн и, нахмурясь, пристально смотрит на нас — на меня и Иманта. Мудрый педагог, он умеет заглянуть в душу, растревожить, разбередить совесть. Мы оба в замешательстве, не сообразили, что Райниса толкуют и иначе. Да что мы?! Все мои знания — книжная премудрость, обретенная за шесть лет в учительском институте, пришлось на время ульманисовского режима. Сплошь достоинства и недостатки старой школы. Институт я закончил 17 июня сорокового года и без всякой жизненной закалки был втянут в водоворот социальных перемен\* который вынес меня к новому берегу. Самостоятельно переосмыслить ранее приобретенные знания времени не хватало: безжалостно отбрасывалось все, что не соответствовало новым критериям. То же самое — с Райнисом. Я с радостью перечеркнул для себя инсинуации Эдуарда Вирзы и Яниса Лапиня о Райнисе (лекцию Я. Лапиня мне довелось прослушать в Резекне). Райнис — поэт основного класса, то есть наш поэт. Не певец буржуазной Латвии — как это трактовалось в старых учебных программах... Это был важный вывод.

В тот вечер Имант то и дело задумчиво протирал запотевшие стекла очков. Что занимало его мысли? Что-нибудь из нелегальной прессы? Или что-нибудь из других изданий, где писалось о том, что не вся поэзия Райниса приемлема для нас? То есть «Даугава». Да, ведь «Оба берега Даугавы...» браво выводил и хор воспитанников кадетского училища. И многие из них стали «даугавскими соколами», стерегут теперь Даугаву вместе с эсэсовцами.

Что из того, что песню на стихи Райниса распевали кадеты и слышали в ней то, что сами хотели услышать. Комиссар прав: эта песня была включена в репертуар нашего вечера художественной самодеятельности. Звонкая, задиристая, хлесткая — она по душе партизанам.

Мы и представления не имели, как родилась «Даугава». Ошкалн смог объяснить: слова поэт написал во время первой мировой войны, в 1916 году, когда кайзеровские войска прорвались к

Даугаве и захватили Курземе (Курляндию), стремясь отторгнуть от Латвии и присоединить к своей империи «древнюю германскую провинцию». Райнис восстал против этого. И сегодня его слова без промаха бьют гитлеровцев, превративших Латвию в безымянную провинцию «Остланда» и раздробивших ее территорию на пять областей, в которых хозяйничают гебитсфюреры — потомки немецких помещиков. В Риге, объявленной «исконно германским городом», вся власть в руках у немецкого обербургомистра. Свободная Латвия для Райниса и для нас, коммунистов — это государство освобожденного от германских поработителей народа и его основного класса...

Помнится, в тот раз комиссар предложил устроить вечер поэзии: и сам почитает, и те, кто в ладах с декламацией — программу надо бы расширить сводками с фронтов, попеть боевые песни, а в финале исполнить «Оба берега Даугавы». Чтецов Ошкалн вызвался подготовить сам. «Мне, Вилис, медведь на ухо наступил. Ты пропел бы с ребятами заранее весь наш репертуар, как в Валдае. А Борода (Матисан-Петерсон) на гитаре подыграет», — загоревшись, делился своими планами Старик...

Жаль, очень жаль, что не осуществился замысел комиссара. На партизанский край одна за другой накатывались карательные экспедиции: серо-зеленые (вермахт), черные (СД) и зеленые (шущманы). Мы отбиваться не успевали. К тому же текста «Даугавы» в тот раз так и не удалось раздобыть.

Теперь в моей полевой сумке миниатюрное издание поэмы. Как только освобожусь — почитаю. С этой мыслью я и уснул в ту ночь.

В одну из темных осенних ночей, уже проводив в путь Ошкална, я готовился к чтению. Готовился, словно к священнодействию. Все спали, и я, отключившись от повседневных забот, погрузился в воспоминания, зримо представил себе тот вечер в Красове, когда Ошкалн, сверля меня и Иманта укоризненным взглядом, сказал нам о цельном и неделимом Райнисе. Из ночи выплывают черты знакомого мне лица, мелькают его стремительные жесты, звучит вибрирующий баритон. Кажется, совсем не я, а Старик страстно читает строки «Даугавы»:

*...Хлынули потоком немцы,  
Тщатся Рижский замок взять.*

Знакомый, близкий сердцу голос будит в памяти июнь сорок первого и тот грохот войны, который покатился с лавиной гитлеровских полчищ на страну Советов через латышскую землю, землю Райниса, берега Даугавы. Немало было людей, у которых дрогнуло сердце и опустились руки: такой чудовищной и несокрушимой казалась немецкая военная машина. Но только не коммунистам. Они крепили веру народа в победу и призывали к борьбе, разоблачая лживые обещания продажных «друзей народа». Все еще слышу голос Ошкална, читающего «Даугаву»:

*Вы посулам их не верьте!  
Не сдавайте Рижский замок.*

Все было так, как и предвидел Райнис: ударные части основного класса — рабочая гвардия, вооруженные отряды партийного актива вместе с частями Красной Армии «опоясали огненным поясом» Лиепая и Ригу и другие города, которые атаковали враги.

*Пояс огненный надела,  
Заперла ворота Рига,  
Стерегите вы запоры,  
Пояс огненный калите!*

В Великой Отечественной войне уберечь Ригу не удалось. Летом 1917 года Райнис пережил уже подобную трагедию: Рига пала, и над латышами распростерлась власть тьмы.

*Тьма и тьма, и ночь черна,  
Мрака власть неслышно бродит.*

Несокрушимым «огненным поясом» латышские стрелки вместе с братьями по оружию оградил Москву и Ленинград: гитлеровским войскам не удалось отпереть ворота ни одной из российских

столиц.

Трагедию латышского народа усугубляло то, что состоятельные люди, непримиримые враги социализма и рабочего класса, поверив «доброму слову» гитлеровцев, всячески поддерживали захватчиков и, прислуживая им, становились на путь измены своему народу. Об этих рабских, продажных душонках Райнис говорил уже четверть века тому назад... И я вижу, с каким гневом и возмущением Ошкалн декламирует:

*Вы речам внимали лживым,  
Вы, рабы душой и телом,  
Свой народ предать сумели!*

Гитлеровский листок «Тевия» благосклонно печатал имена этих предателей. Все они — бывшие офицеры и ульманисовцы, калпаковцы и перконкрустовцы. Уже в конце тридцатых годов они усвоили «науку» фашизма и дозрели до гитлеризма. Ненависть к Советам и коммунизму, страх перед собственными рабочими толкали националистов на сотрудничество с фашистами. В самых различных «меморандумах» присягали они на верность Гитлеру и «новому порядку». Народ не выдавал им никаких мандатов: от имени своей клики, ради собственного кошелька они кланялись и раздавали заверения оккупантам. Но ни привилегии, ни должностей — кости с пиршественного стола фюрер этим псам так и не бросил. Обербандит Гитлер и не думал делиться с иноплеменными Квислингами.

*Сколько, сколько же предатель,  
За измену заплатили?  
Полон золота котел,  
В нем душе твоей вариться.*

Для латышей настала совсем беспросветная ночь, более страшная, чем летом 1917 года после падения Риги. Позднее мы узнаем, что в разработанном гитлеровской службой безопасности генеральном плане «Ост»

искоренению латышей, как и других прибалтов, отводился совсем небольшой срок: пятнадцать-двадцать лет. Массовые казни людей, высылка на каторжные работы в Германию, пытки и умерщвление голодом в тюрьмах и концлагерях — таковы устрашающие контуры этого плана.

Райнис передал свою боль и отчаяние через плач сиротки, с ужасом взирающей на то, как палачи «приставляют к горлу нож» всему народу.

*Нивы топчут чужаки,  
По могилам бродят братским,  
А в могилах — кровь свободы!  
Отняли свободу, звери,  
Сыновей её ославив,  
Замарав слова святые!*

Тогда отчаявшаяся сиротка не знала, что же может спасти ее народ. Понятно ей было только то, что не одолеть в одиночку маленькому латышскому народу огромной и беспощадной силы.

Теперь, с распространением фашистской чумы, многие латыши понимают, что только Красная Армия может противостоять гитлеровским войскам, Советский Союз — Германии. Каждый, кто осознавал эту великую истину, находил в себе смелость воевать с врагом! К этому призывал и райнисовский Лачплесис:

*Хватит рыдать, слезы лить над судьбой!  
Очнитесь, встаньте, ступайте в бой!  
Свобода, народ, человечество — есть,  
За них, как герои, идите на смерть!*

С этими словами обращались к латышам коммунисты. И народ слышал патриотический призыв. Немало было таких латышей, что в условиях жесточайшего террора отваживались уйти в лес или подполье, вооружиться оружием или патриотическим словом. Страшась гнева народа, его справедливой кары за измену и преступления, латышские квислинги все больше рассчитывали

на гитлеровцев, все вернее служили им и все глубже вязли в этой отхожей яме. Только с согласия латышской националистической буржуазии и с ее поддержкой возможно было провести мобилизацию латышских мужчин и юношей в так называемый латышский добровольческий легион СС. В 1943 году гитлеровская Германия нуждалась в пушечном мясе, и бывшие «ура-патриоты» благословили сыновей своей нации, послали их на бессмысленную бойню. Фашистское оружие латыш обратил против брата своего.

О коварстве германских политиков, умении стравливать соплеменников предупреждал еще Райнис. Такое впечатление, что великий поэт совсем недавно написал строки из изданного в Москве сборника «Вековая ненависть».

*Сын страны, земли латвийской,  
Немцам ты служить подался?  
Захотят они — ты станешь  
Кровных братьев убивать?*

Эти райнисовские строки мы несем местным жителям, убеждая их не подчиняться немецкой мобилизации. Легко сказать, да трудно сделать: гитлеровцы карают родственников послушников. Запугивая «саботажников» и «пособников партизан», гитлеровская полиция безопасности Латгалии, как было ранее сказано, в конце августа организовала массовый отлов людей, назвав эту варварскую акцию «Зоммеррайзе» — «Летнее путешествие». Свыше трех тысяч латгальцев отправлены в «путешествие» по лагерям смерти, закончившееся для большинства из них гибелью. Боевые группы нашего отряда успели взорвать

Циблинское, Бригинское и Мердзенское волостные управления и уничтожить списки «неблагонадежных», чем спасли многих. И еще — гитлеровскому террору мы противопоставили хитрость. По старинному латгальскому обычаю для новобранцев устраивают «прощальный бал». Заранее договорясь, на вечеринку являются партизаны и «силой» уводят молодежь в лес. О такой — правда, неудавшейся — операции я рассказывал в самом начале этой книги. Теперь рядом с томиком Райниса в моем планшете хранится

боевой журнал отряда, в который ровно месяц назад я вписал:

«6 сентября взвод Биетагса привел из Циблинской волости с вечеринки двадцать три парня. Все они — добровольцы, поскольку пятеро, которые не хотели идти в лес, по дороге отбились. Те призывники, что так и не сумели избежать мобилизации, нередко набираются смелости и дезертируют — к тому же с оружием, как партизаны учили». Позднее, к концу года, в ночь на рождество мы занесли в списки отряда сорок три легионера, в основном латгальцев, организованно дезертировавших из 32-го гренадерского полка под Опочкой. Но обычно к нам переходят в одиночку или небольшими группами.

Вот о чем думал я, прочитав миниатюрное издание «Даугавы», и сделал вывод, что настоящее искусство всегда актуально. Отомар Ошкалн, читая наизусть из «Даугавы», утверждал: строки, написанные Райнисом, в Отечественную войну звучат еще современной, чем двадцать пять лет назад. О тех временах судить не берусь, меня тогда еще на свете не было. Но теперь, на топких и опасных случайными встречами партизанских тропах, мне и моим боевым товарищам «Даугава» нужна, как хлеб в дорогу.

Язычок пламени в самодельном светильнике совсем съезжился, стал дымить, и я его задул.

#### **«Выбьют, как пробку из бутылки...»**

Липовский был прав: ольховник напротив Веремов и в самом деле черный и трухлявый. Растет черная ольха из ржавой воды никаким солнечным лучам не пробиться сквозь густую листву до земли. Вода черна от упавших в нее ветвей, обломков стволов, вывороченных ветром с корнями деревьев. Сплошная гниль. Встанешь — расползется, перешагнешь — поскользнешься. Хорошо еще, что проводник Николай Лебедев загодя путь прощупал и старается вести бойцов по мелководу, чтобы в сапоги не начерпали. Корни черной ольхи обвисают, прячутся коварно в воде. Зацепишься, застрянет нога между ними — обязательно искупаешься и одежда - пропитается смрадом древесной плесени и тухлой воды. Ночи в октябре холодные, и огня в этом адском местечке не разведешь.

— Все, суши бельишко на себе! — чертыхается кто-то из бойцов. Вся отборная ругань после каждого такого купания, само собой, в адрес проводника.

— Что я, человек, могу поделывать? Такая грязюка кругом, — он разводит руками, и мы приостанавливаемся на пригорке посуше.

— Кругом? Ты ведь Батьку не по этим топям амазонским вел? — придирается к нему Сергей.

— Ну да, раньше. Теперь нельзя.

— А неделю назад можно было?

Проводник мнетя.

Расскажи, расскажи, друг любезный, почему теперь нельзя, — поддерживаю я Сергея, хоть и знаю, почему проводник не ведет нас сухим местом, мимо Люмажева. Остальным тоже пригодится — поучительный примерчик. Старик, проходя тут неделю назад, сдержал данное ребятам слово и устроил «свинячьи проводы» — конфисковал у местного полицейского подсвинка, из которого Лева (Большой Муйжниекс) приготовил сказочное жаркое. Конфисковать свинью у полиция, разумеется, не грех. Но всю округу этим так взбаламутили, что и разведчикам мимо села не пройти. Фрицы нащупали партизанский маршрут и ставят засады.

Второй путь из болот на север идет через деревню Александрово. Но и он перекрыт. Об этом нам сообщили разведчики 4-й Ленинградской партизанской бригады, с которыми мы вчера вечером случайно встретились. Ленинградцы хотели прорваться через Александрово на север, но к немцам подошло подкрепление — и бои продолжаются уже второй день.

Фрицы как зеницу ока стерегут Карсаво—Красногородско—Опочецкий большак — свою единственную магистраль, связывающую правый фланг группировки «Норд» с тылом. К ней не подступиться ни ленинградцам с севера, ни калининцам — с юга. Гитлеровцы, не считаясь с жертвами, «выбивают, как пробку из бутылки» отсюда партизан. Верно в тот раз сказал Ошкалн, вспоминая лето 1942 года, когда успешно преодолев две сотни километров, латышский партизанский полк дошел в Красногородском районе до мест, что против Карсавы. Командование немецким тылом, словно одержимое, бросало и

бросало против двухсот легко вооруженных латышских партизан батальоны полиции и вермахта, неотступно преследовало нас. Тогда мы думали, что все это — «в честь» латышского полка: не хотят фрицы пускать его в Латвию. Однако оказалось — не только. Командование тыла гитлеровской армейской группировки «Норд» заботилось о безопасности своей стратегической магистрали — Опочецкого большака. Между прочим, в то же самое время фрицы срочно прокладывали параллельно ему грунтовую дорогу от Абрены (через Гавры и поселок Красный) к Опочке. Латышские партизаны

первыми появились в этой зоне, к тому же уничтожили в боях комендантское подразделение Опочки и Красного вместе с фельдкомендантами. Немцы восприняли это как прямую угрозу магистрали, и батальоны вермахта, не дав партизанам опомниться, выбили их, как пробку из бутылки, из Красногородского района.

Крепкими эпитетами награждали обычно Бурцев и Липовский Александрово. 9 июня 1942 года их 2-й отряд, которым командовал Артур Балодис (комиссар Л. Авдюкевич), отделившись от полка, завернул в деревню за провиантом. Всех уже доконал голод — последнего коня партизаны слопали три дня назад. Сегодня любой из нас знает, что нельзя днем появляться в деревнях: у эсэсовцев повсюду свои глаза и уши, в то время науки этой мы еще не знали. Вскоре гитлеровцы были тут как тут, и партизаны, отступая, потеряли Адольфа Петровского и санитарку Анну Морозову.

В январе 1943 года тут же, под Александровым, прорываясь, ожесточенно сражалась 10-я бригада калининцев и тоже была вынуждена отойти. Тут же у нас погиб подрывник Костров и чудом спасся Перконс — оба возвращались с «железки»... Все пути в Карсаву и Абрены проходят, к сожалению, через «бутылочное горлышко» деревни, расположенной на выходе из этих проклятых болот. Возле того же самого Александрова 17 июля наши разведчики наскочили на гитлеровскую засаду — по счастливой случайности был всего-навсего легко ранен в руку посыльный Эзерниекса Анатолий Савицкий. 13 мая связные отряда привели в лагерь шестерых калининских партизан. Они рассказали, что их бригаду («Баяниста») гитлеровцы неотступно преследовали

от Пушкинских Гор до тех пор, пока не разгромили возле Александрова.

Теперь командир 4-й Ленинградской бригады А. Кондратьев, прорываясь из окружения, оттянул свои отряды на юг, в Себежский район. А нам надо попасть на север, за большак Карсавы—Опочка. Добраться до условленного на берегу реки Лудзы места встречи, напротив Абрены, и провести совещание командиров трех будущих подотрядов. Я там должен быть обязательно, поскольку у лично сказанного слова и совета вес особый. Его не заменить бумажной реляцией. Недавний визит Ошкална — лучшее тому подтверждение.

И вот мы, по уши заляпанные грязью, бредем и бредем опостылевшим болотом. Но всякой напасти так или иначе приходит конец. Оборвались и заросли трухлявой черной ольхи. Было бы слишком долго и утомительно рассказывать, как мы просочились сквозь плотную оборону противника, подкрались к большаку Карсавы—Опочка и рывком преодолели его, а ближе к утру прямо на север мы пошли уже привычной партизанской тропой, вдоль правого берега реки Лудзы (Лжи). Здесь Лебедев широким жестом, заимствованным у Ошкална, с гордостью указал на место, где свернул и, само собой, не снимая сапог, перебрел вброд довольно широкую здесь пограничную реку Старик.

На карте отмечено, что впереди деревня покрупнее — Габани. Ее я хорошо помню с прошлого лета. В лесочке возле нее мы, сотня промокших и голодных партизан, ждали и очень надеялись на снабженцев Эзерниекса и Рашкевица, которые должны были закупить у местных крестьян продукты. Было это под утро. На снабженцев наткнулась рота вермахта, и Эзерниекс примчал без продуктов, а Рашкевица с группой отрезали от нас, и они пошли напрямик в Лиепнинские леса. В общем, у эсэсовцев тут свои агенты, и нечего нам испытывать судьбу — мы обходим деревню по лугам и пастбищам. Следующей весной здесь, где мы шагаем, немцы проложат идущую мимо Габаней новую железнодорожную ветку Абрены—Опочка. И Василий Кононов подорвет два первых состава...

Нет, без того, чтобы обогреться, не обойтись. На траву лег

иней, мелкие лужицы лучатся льдинками — температура упала ниже нуля. Мы промокли. Шагаем быстро, разгоряченное тело сушит одежду, присядешь — в сосульку превратишься. Все бойцы одеты по-летнему. Торчат же нам в лесу без костра до вечера. А у санитарки Чиепини уже нос синееет и зуб на зуб не попадает — солдатская гимнастерка и сношенная безрукавка не греют. Решаем завернуть в Рудиновку, которая находится на опушке густого леса. До того, как забрезжит свет, часа три. Хватит, обсушимся...

Перед тем, как размещать людей по домам, Лебедев напоминает:

— В местах этих живут староверы. Пользуйтесь только своей посудой, у хозяйки еду, если сама не даст, не спрашивайте. Стариков этих рассердить легко...

Мы греемся и уминаем свои запасы.

Время отдыха истекает, ребята ныряют с крыльца в сырую мглу и неохотно собираются в путь. Только Чиепиня улыбается вовсю: какая-то бабонька разжалобилась и накинула ей на плечи полушубок. Стало совсем холодно, серое небо сеет редкие снежные зерна. К тому времени, когда свет окончательно разгоняет туман и мглу, мы уже в бору. Присмотрев соснычок, забираемся в самую его гущу. Здесь и проживем несколько дней, пока не соберутся все приглашенные командиры. Укладываемся широким полукругом и, тесно прижавшись друг к другу, пытаемся уснуть. Один пост бодрствует в лагере, другой из чащи наблюдает за дорогой, по которой мы пришли.

— Командир! Фрицы! На дороге. Натуральные немцы в касках! Будит меня сменный часовой.

Открываю глаза и слепну: вокруг белым-бело. Снег выпал...

— Сколько?

— Взвод будет. С двумя ручными пулеметами. Прошли мимо. Все дорогу осматривают. Видно, следы наши ищут.

Снег как на заказ. Если и оставались следы, полностью замаскировал.

— Видишь, сколько здесь осведомителей у абвера. Кто-то пустил фрицев за нами, — говорю я лейтенанту Юрису Ниедре. Он и командир взвода Андрей Отанькис — офицеры Латышской стрелковой дивизии. Этим летом обоих десантировали с самолета

на «аэродром» в Ноглово. — Это по твоей части, — напоминаю я Юрису. Его я направляю начальником контрразведки в отряд Калвана.

— У абвера и полиции безопасности шпионы повсюду. И липнинский лес не поможет. В отряд берите только тех, кого знают и рекомендуют наши люди. Рашкевиц и Калван хотят организовать в Катлешинском бору подотряд для приемки и фильтрации новобранцев, чтобы только после проверки попадали в основной лагерь. Командиром подотряда придется стать тебе, Андрей, — говорю я Отанькису. — Скоро молодежь толпой хлынет, особенно из Абренского края. Будьте максимально осторожны и бдительны! От вас обоих многое будет зависеть.

Приплясывая от холода, к нам подходит командир второго взвода Янис Биетагс.

— Хорошо бы погреться! — предлагает он. — Подбросим фрицам огонька, как возвращаться станут. А то весь день на месте проторчим, окоченеем.

Янис деятелен, даже задирист, хотя на первый взгляд невероятно благодушен.

— А ты потанцуй вприсядку, согреешься! — отшучиваюсь я. И вдруг будто черт меня за язык дергает: — Поспорим, товарищ команд

дир будущего подотряда, что этих немцев ты сегодня в глаза не увидишь.

Почему? — в один голос заинтересованно спрашивают меня все трое.

— Фрицев мы хорошо вышколили: той же дорогой не вернутся. А эти в придачу абвером обучены. Мы твой взвод, Янис, в Красногородский район дважды посылали? Дважды. Во второй раз даже под командованием начштаба. А для чего? Чтобы стабильная промежуточная база была под Абрене, и связные Каупужа и Рашкевица не ходили лишнюю сотню километров до Ноглово. — Биетагс кивает головой, оба лейтенанта наострили уши. — А что получается? Оба раза абвер садится вам на пятки и выбивает, как пробку из бутылки, — заканчиваю я ошкалновским изречением. Янис не знает, как реагировать: сердиться или оправдываться, —

Не ты виноват, — пытаюсь я смягчить пиллюлю. — Абвер пока еще бьет метко и больно, не даст он базой обзавестись. Поднимешь стрельбу — со следа не слезут. А нам важно сохранить маршрут в тайне, чтобы абренцы и липненцы им ходили, а потом и ваши связные более или менее безопасно до штаба отряда добирались.

Немцы, как и предполагалось, той же дорогой не возвращаются. Вечером, уже в темноте» разведчики переходят вброд пограничную речку. В следующую ночь появляется Федор Ларионов со своими подрывниками. Самый первый вопрос — сколько мы им принесли тола и мин? Мина — основное оружие абренцев. Они взрывают по ночам поезда, железнодорожные моста и пути, начинают «сюрпризами» Псковское шоссе, на котором всегда оживленное автомобильное движение. Днем же по двое, по трое укрываются на хуторах, у надежных людей.

Мы с Ларионовым, Биетагсом и Отанькисом проговорили целый день. Воевать они будут

по соседству, надо провести, так сказать, демаркационную линию, чтобы не мешать друг другу, и согласовать общую цепочку связи — по принципу эстафеты. Надо решить, куда и как абренцы будут переправлять новобранцев, как будем транспортировать тол и оружие? Досконально обсудили мы все вопросы, которые могут возникнуть перед командирами подотрядов.

Вечером, обменявшись на прощание рукопожатиями, мы расстаемся. Абронец Ларионов возвращается в привычную обстановку. Взводы Биетагса и Отанькиса начнут совершенно отличную от прежней — самостоятельную жизнь в незнакомом лесу.

На обратном пути в лагерь людей у нас немного. Перестрелка под Александровым стихла, и в темноте мы проходим совсем рядом с деревней. Риск окупается радостью: нам не брести снова по хляби ольшаника. Вечером фрицы постреливают вдоль реки Зилупе, пускают под Мозулями сигнальные ракеты — им все еще мерещится бригада Кондратьева. Реку переходим вброд.

— Горяченькую ванну бы сейчас, — благодушно ворчит один из бойцов, стаскивая сапоги и штаны. Знает, что на той стороне его уже дожидается теплая земляночка.

Форсирование реки у нас продумано детально: первая группа бредет в воде, держа над головой оружие, сапоги и одежду, остальные занимают на берегу позиции, чтобы прикрыть огнем в случае внезапного нападения противника. Переберутся первые, и все повторится — но в обратном порядке.

Вы думаете, в ледяной воде мерзнешь? Нет, ощущение прямо противоположное. Кажется, что ошпарили. Раздеться надо быстро, а одеться моментально. Затем следует команда: Легким шагом... за мной, бегом — марш!

Один-два километра, и на лбу у всех выступают капельки пота, не хватает дыхания, бешено колотится сердце. Командир разрешает перейти на шаг... Теперь врачи удивляются: не было ни ангины, ни гриппа, ни воспаления легких?!. Наверное, потому что предельно мобилизовывали свои духовные и физические силы партизаны. Но все болезни и хвори, которыми не отболел тогда, вылезут наружу, как шило из мешка, после войны.

— Стой! — кричит головной дозорный. Все падают на землю.

— Свои! — отвечает из темноты знакомый голос. Поч?!

— Антон, ты как здесь очутился? — спрашиваю я у бывшего командира разведвзвода, возглавившего подотряд «А», формируемый в Гривинских лесах. Он с группой Волана вышел из лагеря сразу следом за нами, сейчас они должны бы находиться за Карсавой. Там их дожидается Янис Бурбо с подрывниками.

— Александрово не прошли. Шага не сделать, всюду на пути фрицы. Во второй раз идем — может, после боя там поспокойней, — объясняет Поч.

— Понятно. Сами протискивались сквозь это проклятое «бутылочное горлышко». Теперь у вас два пути: по гнилому лесу или совсем впритык к деревне, по пастбищам. — И не без ехидства добавляю: — Спрашивал у своих подрывников, как им свиное жаркое понравилось?

— Какое жаркое? — недоумевает Антон.

— А то, из-за которого тебя выбили позавчера, как пробку из бутылки, под Александровым.

До Поча доходит, наконец, что прежний маршрут загублен и тут и у его бойцов рыльце в пушку. Ну, конечно, могли ведь

они разъяснить Старику, что в этом месте «свиные провода» устраивать нельзя.

Добавлю, что бойцов Поча снова «выбили, как пробку из бутылки», и прошли они только на третий раз,— через неделю. Ну а пока мы выделяем в будущий подотряд Антона Поча нескольких подрывников из бывшего его разведвзвода, а также группы Волана и Сцепуро из взвода Яниса Перконса. Самого Яниса мы оставили в лагере отряда, пусть пока сколачивает боевой взвод и набирается сил после контузии.

Последняя неожиданность этого дня ожидает нас в самом лагере. Вижу: навстречу мне идет невысокий сутулый человек. Походка знакомая. Алфонс Анджан?! Парень, что надо, из Риги. Участвовал в прошлогоднем летнем рейде. Целый год провоевал у ленинградцев командиром разведчиков, а теперь «дал драпака» — не хочет командование 4-й бригадой его отпускать, хоть воевать был направлен в Латвию.

— Зачисли в какой-нибудь взвод! А то еще очухаются они и заберут обратно, он, как всегда, беззаботен и непредсказуем.

Так и делаем — отправляем его к Биетагсу начальником штаба подотряда «Б» и только потом объясняем с командованием 4-й Ленинградской бригады. Эта бригада весной будущего года укрепитя в северной части Красногородского района и проведет несколько успешных операций в районе Абрене и Карсавы. Гитлеровцы после разгрома на фронте уже не в силах будут охранять стратегически важные магистрали от партизан.

*«Организовать срыв  
начатой немцами мобилизации,  
из лучшей части мобилизуемых  
создавать партизанские отряды...»  
(Из радиogramмы Я. Калнберзыня  
от 30 сентября 1943 года.)*

В конце сороковых годов в отдельных западных государствах вдруг объявились «сопротивленцы», которых во время войны было не видно и не слышно — за них с рекламной шумихой выдавали себя сбежавшие из Латвии буржуазные и социал-

демократические деятели. Они, мол, тоже были против гитлеровских оккупантов, тоже патриоты. Наговорить можно многое. Но единственным мерилom истинности тех или иных лозунгов в годы Великой Отечественной войны была активная борьба против оккупантов: партизанская война и подпольная работа. Только Коммунистическая партия бесстрашно призывала и организовывала народ на борьбу. Коммунисты находились в первых рядах партизан и подпольщиков-антифашистов. Именно на это неустанно ориентировал их Центральный Комитет Компартии Латвии. 30 сентября 1943 года партизанские рации в Латвии приняли такую радиogramму первого секретаря ЦК КП Латвии Яна Калнберзыня: «Организуите срыв начатой немцами мобилизации, из лучшей части мобилизуемых создавайте партизанские отряды. Не позволяйте угонять наших людей в Германию. Срывайте заготовки зерна, мяса...»

Чем же занимались в то время буржуазные националисты, именовавшие себя патриотами и служившие в оккупационной прессе и учреждениях? Выторговывали оклады, мечтали о постах министров.

С грабителями договариваться не о чем, гнать их надо — этому учили коммунисты, к этому призывал Райнис в «Даугаве»:

*Прочь грабителей гоните,  
Что там с ними торговаться?  
Торговаться — месяцами,  
Да служить потом — веками.*

Показательно, что подняли свою возню, оживились различные латышские националистические группки в августе 1943 года. Красная Армия, разгромив бронетанковые части вермахта под Курском, гнала захватчиков с территории нашей Родины. Не за горами было и освобождение Латвии. Лжеоппозиция хитрую поставила перед собой цель: одурачить и отвлечь людей от антифашистской борьбы, которой руководили коммунисты. И оболгать Красную Армию — освободительницу. Правые лидеры бывшей социал-демократической партии Латвии (П. и Б.

Калныни, Ф. Циеленс и др.) не выдержали проверки на истинный патриотизм. В августовской декларации 1943 года они призвали избегать как легиона, так и вооруженной борьбы. Практически призвали к капитуляции. Псевдосоциалисты эти в годы войны замалчивали Райниса, отказывались от его поэзии борьбы, делали вид, что забыли, какой клич в «Даугаве» бросил поэт, всегда выступавший против германских захватчиков и поработителей. Исполнилось великое пророчество Райниса о тех, кто отречется от своего народа и оставит его в час смертельной схватки с врагом.

*Светлый, светлый день настанет,  
Рига снова будет нашей,  
Песню люди запоют —  
Ты вдали от них заплачешь.*

Уже в 1943 году, читая эти строки из «Даугавы», латышские стрелки, партизаны и подпольщики понимали, что поэт пророчески предсказывает судьбу лжепатриотов, которым после войны придется скитаться на чужбине.

Октябрьские записи в боевом журнале 1-го отряда лаконичны и скупы, в особенности о визите Ошкална. Однако в целом они создают представление о том, как партизаны, выполняя директивы ЦК КП Латвии и участвуя в рельсовой войне, одновременно разворачивают партизанское движение и организуют новые отряды в глубь Латвии. Вот фрагменты отдельных записей, которые сообщают об организаторской работе: «30 сентября... Приходят Бурбо, Николай Егоров, [Волдемар] Паэгле, Быстров, Ефимов, Лиепиньш. Взорваны 3 эшелона... 1 октября. На задание — группа Грибачонка — несут тол [Калвану]... 2 октября.

Приходит Биетагс, доставили Ларионову 75 кг тола... 4 октября. Приходит Старик [т. е. взвод Ошкална]. Возвращается Максимов... [из Абрене] с новенькими [следует 10 фамилий]... 5 октября. На задание Бурбо, Артур Грудзиш], Егоров, Быстров, Паэгле. Задание [под\* готовить базу] в новом районе. 6 октября. Вывели Старика, с ним вместе Муйжниекс. Ведут Лебедев, Петров., На задание — Перконс с половиной взвода... 7 октября. На задание [освободить

военнопленных] [Янис] Волане [с группой], Звирбулис, Дударев... 10 октября. Закрытие 6-го курса [молодых партизан], обучено — 14... 11 октября. В бригаду [послали] 14 парней и девушек. 12 октября. Я иду к Ларионову, со мной 42 [партизана]. Из них взвод Андрея к Калвану — 17, Юрис [Ниедра], Борька [Садовский], Крустс\* Савелий Гром. Взвод Биетагса — на задание в окрестности Абрене, к нему прикреплены подрывники Карузин, [Владимир] Константинов, Сорокин [старший брат], Орлов — всего 14. По пути бои 4-й Ленинградской бригады под Александровым... 13 октября. Сергей [Гром] возвращается из бригады. Переходит к нам без разрешения Анджан... 15 октября. Поч, Волан — выходят к Бурбо... 16 октября. Бои под Симоновым. Калининские бригады отходят... Перконс, Черненко — на задание в родные края... 17 октября. Возвращается Поч — в связи с Александровым... 19 октября. Поч — снова, с ним [проводник] Дударев. 20 октября. Возвращаемся [с совещания командиров]. Переорганизована группа Ларионова. Каупужа не встретил. Новые задания [даны командирам подотрядов]. Высланные группы отпущены на места...»

Для представления о том, насколько плотно сконцентрировал свои силы противник в районе Александра, где маневрировал 1-й отряд, процитируем записку из отчета 4-й Ленинградской партизанской бригады:

«12 октября вышли в район своих действий — к деревне Александрово. В связи с нашей атакой на гарнизон противник подтянул силы. Из Опочки прибыл учебный полк — 2130 человек на 80 автомашинах, с 6 танками, 4 пушками и минометами, из Красногородска — учебный батальон в 260 человек и отряд ЭКА — в 250 человек, из Лямоны — в 300 человек. Они сконцентрировались на заранее подготовленных оборонительных линиях: Лямоны, Козырев, Нивки, Гурово. Одновременно заблокировали пути на Лямоны, Красный Остров, ожидая продвижения нашей бригады на север. До ночи 14 октября бригада сражалась с оборонявшимся противником и одновременно с гарнизоном Мозулей (60 человек) и с учебной ротой из Опочки, вооруженной 2 пушками, минометами, гранатометами. Противник

отрезал путь к отступлению. Выдвинувшись до хутора Переброды и Ольховка, он полностью блокировал наше продвижение на север, в район наших действий. Было принято решение отойти обратно в деревню Опросово [в партизанском крае]...» («Непокоренная земля Псковская. 1941 — 1944». Лениздат, 1976, с. 296).

«Бутылочное горлышко» под Александровым в те дни закупорено было герметически, и только благодаря смекалке и ловкости разведчиков латышам удалось без потерь перевести через границу организаторов новых подотрядов. Каждый шаг в тылу противника, особенно в приграничной зоне и на Псковском шоссе и железной дороге, был связан с постоянным риском и чреват неожиданными осложнениями. И все же план командования 1-го отряда реализовался: небольшими группами партизаны постепенно просачивались в глубь Латвии и там целенаправленно создавали сеть подотрядов. ЛШПД, подытоживая результаты войны в тылу врага, высоко оценил организаторскую работу 1-го отряда: «Совсем иной метод передислоцирования на территорию Латвии применил командир 1-го отряда тов. Самсонс. Были созданы подотряды [3], которые перебазировались непосредственно в районы своих действий». Добавим, что район вероятного базирования мы загодя тщательно изучали, подыскивали верных единомышленников и подбирали безопасное место стоянок. Уходили партизаны со старой базы в полной секретности — сквозь зону укрепленных вражеских гарнизонов, постов и засад проникали, не оставляя следов. Первыми — будущие командиры и политработники, способные сплотить и обучить новобранцев, не снижая боеготовности коллектива. Подотряд, в котором собиралось более ста вооруженных партизан, становился отрядом. «Такой метод перебазирования, — написано в упомянутом отчете ЛШПД, — без сомнения, намного выгоднее, поскольку не приходится на время прерывать диверсионной и разведработы, совсем наоборот — они усиливаются».

## РЯДОМ С ЛЕГЕНДОЙ

### Почему усмехается Имант?

Эта глава о моей последней встрече с Имантом Судмалисом на берегу Зилупе. И о расставании с ним — навсегда. На всю жизнь с тех пор осталась в памяти у меня добрая улыбка Иманта — его последний прощальный привет и подарок друзьям. Улыбка эта — самая яркая примета внешности и характера нашего парторга. Таким для нас ушел он в вечность, остался в истории и воспоминаниях современников.

Имант обычно не смеялся, а улыбался. При этом озарялось все его кругловатое лицо: рот, щеки, глаза. Разглаживался пересеченный морщинами лоб. И еще свойство его улыбки запомнилось мне — Имант чаще усмехался, чем улыбался. Да, да, усмехался — и довольно часто. И это была не поза, не маска. Может, привычка? Если и так, то всегда эмоционально оправданная. На горечи была заквашена каждая партизанская шутка.

Легендарным Имант становился уже при жизни, и мы, его боевые товарищи, были тому очевидцами. Но скажешь, что благодаря своему героизму, и попросту заштампуеть человека. Потому что проявлений героизма на войне было хоть отбавляй, а легендарными становились немногие — незаурядные, неукротимые, одержимые. Они словно рвались в бессмертие и возрождались в легендах. Вот это как раз и было свойственно Иманту. Командирам и легко и трудно жилось с таким парторгом и комсомольским вожаком. Он выходил

на каждое задание. И не с отрядом или с большей его частью. Выходил с малой группой, если... намечалось что-нибудь необычное, сверхрискованное. Я слышал, как даже самые близкие ему люди, говоря о совершенных им поступках, не находили для него другого определения, кроме как «фанатик». В хорошем смысле, конечно. Но мне слово это режет слух точно так же, как «авантюрист». Жажда подвига было постоянным душевным состоянием Судмалиса, определяли которое любовь к Родине и братским народам, слитая с классовым сознанием и верой в идеалы

социализма.

Вспомнить хотя бы зиму 1942/43 года — ни одного боевого эпизода без значимого участия в нем Судмалиса. Вот группа Антона Поча уходит на специально устроенную «вечеринку», чтобы там разоружить и взять в плен полицейских с опорного пункта в Латышонках; Им ант вызывается идти вместе с бойцами. Восемь фашистских прихвостней сдаются без сопротивления. Все решает внезапное появление и повелительный оклик Иманта: «Господа, прошу сдать оружие!» А всего через неделю — дальняя поездка с другой группой в Рундены, чтобы разгромить полицейский участок и волостное правление. Обычных же боев, в которых участвовал Имант — не вспомнить и не сосчитать!

Воевал Судмалис всегда обдуманно — не выставлялся, не бахвалился, но в бою был азартен, отчаян. Как, например, при захвате Мейкшанского почтового отделения. Операция была чепуховая, но в помещении мог оказаться полицейский. В таких случаях — резко распахнул дверь, и прячясь за косяк. Враг выстрелит в дверной проем. И только тогда бросайся внутрь с автоматом в одной и с фонариком в другой руке. Все это, как по инструкции, я и проделал на почте. И никто не выстрелил, но когда я со своей «фарой» бросился в сени, там уже был Имант, встречавший меня легкой усмешкой. Само собой, все это он проделал не случайно — из мальчишеского желания опередить меня. Но как он успел проскочить сюда до меня? До сих пор не пойму.

Вот она перед глазами — эта усмешка Иманта. Тонкие губы сжаты в ниточку, и в уголках почти неуловимый ироничный изгиб. Глаза за стеклами очков прищурены и тоже, без сомнения, усмеваются. Усмеваются — головой ручаюсь. Так только он умеет. Вряд ли передать это выражение лица карандашом, кистью, резцом. Разве что во второй половине пятидесятых годов Гундеге Васке удалось приблизительно передать его. И то, наверное, потому что сделан портрет с известной военной — вероятно, единственной? — фотографии. Да, да, во время войны Имант смотрел на все так — с легкой усмешкой. В мирной жизни могло быть иначе — раньше мне не доводилось встречаться с Судмалисом.

Когда на лице Иманта мелькала усмешка, мы точно знали, что он выскажет свои выводы, отношение к событиям, к увиденному или услышанному. Парторг всегда внимательно слушал и взвешивал сказанное, хоть сам во время разговора не вставлял ни словечка. О своих делах сообщал как о чем-то малозначительном. О себе и о других — на оба эти случая у Иманта были различные усмешки. О себе он рассказывал редко, и если уж говорил, то с небрежной ухмылкой. В обращении к другим себе этого не позволял. Сильный над чужими неудачами не насмеяется. Он даже над охотничьими байками не иронизировал. Над всем, что придумывали партизаны на отдыхе, чтобы позанятней провести свободное время.

После похлебки так и тянет посудачить. Не всерьез судить, рядить, а поболтать о том о сем. Немало среди бойцов было и таких, кому смачная «охотничья байка» была куда больше по душе, чем жидковатая похлебка. И, сами знаете: были бы слушатели, а говоруны найдутся.

«Ох, и заводные попадались», подтвердит еще сегодня не один из бывших партизан и, покачав головой, добавит: «Взять хотя бы Лешего с Самальского болота». Так ветераны первой бригады окрестили своего «сказителя» Альфреда Рашкевица, а бойцы второй бригады — начальника разведки Арнольда Страдыньша. Оба были талантливыми рассказчиками, с редкой выдумкой и актерскими данными. Но кроме них в каждом отряде были свои любимцы. И свои вдохновенные завирушники, слушать которых было большим удовольствием.

Вспоминаю Иманта на вечерних наших посиделках. Парторг копается в рюкзаке, делая вид, что до разговора ему — никакого дела. Рассказчика не перебьет, ни о чем не переспросит, но и со смеха покатываться не станет, как остальные, скажем, когда снова и снова прокручивается потешная одиссея Василия Кононова в бабьей юбке.

Лицо человека — зеркало души. Иронично поджатые губы Иманта были как бы выражением критического отношения к самому себе. Все слышанному. Он не осуждал, не подвергал сомнениям. Его усмешка означала такое ироническое настроение, при котором не оспаривают услышанного. На «охотничьи байки»

слабо ухмылялся, а разновидность их, «олдваверлистские» истории, сопровождал саркастической усмешкой.

Да, что такое «олдваверлистский?» Людям моего поколения, в молодости перечитавшим уйму лубочной литературы, объяснения не требуется. Худшим из сантимовых изданий была серия об Олде Ваверли — герое из американских колонистов, бледнолицем траппере и грозе краснокожих, окруженном ореолом славы. Совершенно антихудожественное чтиво. Содержание нищенское: супергерой в невозможных ситуациях штабелями укладывает из своего винчестера индейцев. Стреляет сам или вместе со своей дочерью Мэри и зятем Фрэдом, и — волосинки с головы у колонистов не упадет. С героем этого абсурда в силах был потягаться разве что Вилибалдис Дросминьш, которого буржуазный сочинитель Крумайс пустил гарцевать на страницах оккупационных газет по всему Восточному фронту. Но «олдваверлистское» порой проскальзывало и в рассказах партизан: мол, фрицев косим, как траву, а сами без единой царапинки. На войне такого не бывает. И партизаны называли подобные рассказы «олдваверлизмом».

Снова парадокс! «Я — скромный ученик великого. Старого Ваверли», — так, словно рижский уличный мальчишка, нередко предварял свой рассказ Имант, если ему вдруг хотелось с нами чем-нибудь поделиться. «Так Имант не мог говорить», — возражали мне после войны десятки умных педагогов, писателей и пионервожатых. Коммунист Судмалис и... какой-то траппер! На встречах с молодежью я об этом и не рассказываю — слишком многое придется объяснять, чтобы поняли. Да и сам я всего не понимаю, а только догадываюсь. И отстаиваю вот какую версию: возможно, Судмалис ощущал, что истинно легендарное уже тонет в потоке бахвальства, и на фоне «олдваверлистской байки» выглядит серовато. Вот почему, рассказывая о своих делах, достойных восхищения, он пренебрежительно усмехался. Мол, кому хочется, пусть думает, что это всего «олдваверлизм». Парадоксально, правда?

В последние годы Имант снова стал меня навещать не только по ночам во сне. Чего только не высветит во сне спонтанная

вспышка ассоциаций!.. Имант может повстречаться мне и среди бела дня. Или на рассвете, когда, задумавшись, бреду я вдоль пляжа. Или ближе к вечеру, на лесной тропке. Иногда — уже в сумерках, когда, я начитавшись за день, вспоминаю давнее прошлое и вижу воочию лица и события того времени. Имант приходит и... обязательно усмехается, если прочел я какую-нибудь историческую повесть или, как это теперь модно называть, документально-художественное произведение о партизанах. Кисло усмехается в адрес авторов, воскрешающих и культивирующих сегодня «олдваверлизм». Тот самый, который он пародировал еще когда был жив. Ошкалн ползет по-пластунски — можете вы представить себе такую картину? — и выкатывает из горящей деревни пушку. На самом деле это сделали другие, но ведь тогда не было бы легенды ни о Батьке, ни о бойцах, которые допустили такое. Или еще — Старик (а до этого Имант) в ночной темноте, поймав брошенную фашистом гранату, зафугачивает ее обратно. Разумеется, Имант мог бы это сделать. Однако, если этого не случилось ни со Стариком, ни с Имантом, к чему засорять легенду стереотипными «героическими» штампами! Достойных легенды исторических фактов достаточно. «Олдваверлизм» такой — подтверждение творческого бессилия и бесплодия писателя. Самый легкий путь: выдумывать сногшибательные эпизоды. Не пытаюсь разобраться в личности, не вникая в душевные переживания, не углубляясь в то, о чем думали, чем жили люди на войне. Особенно опасно это тогда, когда кто-то берет на себя смелость изобразить политработника ошкалнского типа. На мой взгляд, любой конкретный штрих куда важнее «олдваверлистских» выкрутасов. И пусть усмешка Иманта станет напоминанием и предупреждением каждому, кто старается уподобить его и его современников всемогущему бледнолицему трапперу Олду Ваверли...

Раз уж столько сказано о том, отчего усмехался и усмехается до сих пор Имант, хочется восстановить в памяти последнюю нашу встречу. Тогда он — улыбался.

## «Андерсон» возвращается из города № 1

К предстоящей зиме мы уже подготовились. Хозяйственники и новобранцы жили в отменных землянках, открытых на Иссаковом острове и надежно замаскированных снежным настом. Остальные бойцы отряда по-прежнему оставались в легко доступной с болота деревне Ноглово, хоть и ее время от времени бомбили фрицы. В вечер накануне Октябрьского праздника латышских партизан «чествовала» массивным налетом целая эскадрилья. Об этом в боевом журнале: «6 ноября. Нас бомбардируют 9 самолетов, жертв нет. Собрали термитные бомбы. Обстреливаем. Один возвращавшийся самолет рухнул у Себежской железной дороги. Думаем, сбит нами».

Бомбили нас несколько раз, но так основательно — впервые. Дежурный стал колотить в подвешенный на веревке лемех, мы выбежали на сигнал тревоги из домов, рассыпались по вырытым у околиц ямам. Немецкие самолеты, поднявшиеся с Себежского аэродрома, заходили на деревню эшелонами по трое. Бомбили и строчили из пулеметов. У нас уже было условлено — отвечать будут только станковый пулемет и противотанковое ружье, смонтированные на колесах. Длинная «берданка» заухала, выпалила обойму в очередную тройку и пять трассирующих бронебойных пуль прошли в опасной близости от кабины ведущего. Командир звена рванул машину вверх, остальные сделали то же, и самолеты пронеслись над деревней, не сбросив бомб. Наш скорострельный пулемет отлаял вслед, сверкнула длинная очередь. На втором заходе фрицы ударили по нам разрывными с большой высоты и выбросили контейнеры с зажигательными бомбами. Мы припали к земле.

Я, вжавшись в пологую выемку, наполовину выскребанную хозяйскими курами, слежу за маневрами машин. Само собой, эта двукрылая саранча — юнкерсы. Помню, на фронте под Старой Руссой, девятка юнкерсов устроила нам настоящую адскую карусель. Шли широким кругом в хвост друг другу и пикировали снова и снова в одно и то же место. Сирены включены, бьют из крупнокалиберных пулеметов и бомбят. Сатанинский рев и взрывы сотрясали тело и душу...

Самолеты опять закладывают вираж. От ближнего отделяется жестяной контейнер. На фронте мы скоро поднаторели: над головой бомбу сбросили — сиди спокойно, будет перелет. А раньше скинули и по ветру — берегись, может угодить. Прикидываю: на меня летит контейнер. Сирену фрицы, что ли к нему приделали? Мчится вниз, вращаясь, с сатанинским воем. А вокруг рой бомбочек, словно брызги из сепаратора. Припав к земле, жду взрыва. Может и не услышишь, мелькает у меня мысль о позорной смерти в куриной ямке.

Вместо взрыва раздаются странные хлопки и шипение. Ну и дела! Взгляну, что это?! Вокруг моего «бункера» по кругу рассыпаны симпатичные игрушечные бомбочки со стабилизаторами. Несколько штук ярко полыхают и дымят всюду: они и шипят. Остальные спокойно лежат на боку. Зажигалки! Термитки, водой их не погасить. Уж столько-то я с уроков военной подготовки запомнил, хотя зажигалки вижу впервые. Ах ты, черт! Отскакиваю как ужаленный на несколько шагов в сторону. Серебристая «игрушка» сверкает на песчаной насыпи в полуметре от моей пилотки, которая свалилась с меня, когда я бросился на землю. Есть у «термиток» запал? Взрываются ли? Сразу не вспомню. Но, наверное, нет, раз от удара не взорвались. Только сейчас понимаю, как смешон мой испуг. На ум приходит поговорка Иманта: «Вышел из переделки, как скромный ученик великого Олда Ваверли».

Мы последние полгода то и дело вспоминаем об Иманте. Гостившая летом Милда Биркенфельд (Макс), строго по секрету шепнула мне, что Имант ушел в Ригу или, как у нас говорят, — в город № 1. Разумеется, снова именуется господином Андерсоном.

Да, но чем же закончился налет?.. Некоторые контейнеры вообще не раскрылись или раскрылись с опозданием, и бомбы, снабженные детонаторами, упали на землю плашмя и не сработали. Подрывники собрали почти сотню таких «подарков» — и жгли потом ими мосты на лудзенском шоссе. Берешь такую «игрушку» за стабилизатор, ударяешь по опорной балке настила моста, и — заполыхало. Десять-двенадцать бомбочек — фрицам приходится заниматься капитальным ремонтом. А Лудзенское СД разыскивает диверсантов, вынесших зажигалки с армейских складов...

Командирам довольно часто приходится ходить из деревни в лесной лагерь и обратно. Восемь-десять километров — путь этот проделываешь дважды, и отнимает он три-четыре часа. Зима не выдалась, на Лубьевской дороге хлябь долго не промерзает: на санях не проедешь. Командиров обеспечили лошадьми и седлами. Выезжаем раз в несколько дней.

Ездим обычно вдвоем: я впереди, за мной Липовский. Само собой, днем, потому что в Лубьевских лесах хозяева теперь партизаны. Но автомат, как обычно, на груди, под рукой.

Я покачиваюсь в седле, пустив коня легкой трусцой, хотя в мои годы можно бы хоть разок и вскачь погнать. Есть прямые, укатанные и сухие участки дороги, но я научен горьким опытом и осторожен.

Этой весной, подлечив раны, я без опаски сел на коня. Ноги слушались плохо, ходил с трудом. И вот накатило, захотелось быстрой езды. Приземистая кобылка с рыси вскачь пошла неохотно. И все же выжал я из нее настоящий галоп, привстав в стременах. И... нырнул через голову лошади ласточкой, вытянув руки вперед. Животное, что человек, и на ровном месте споткнуться может. Штабному «скакуну», зиму отстоявшему под открытым небом, простительно, что ноги не держат. Приземлились мы с кобылкой «на все четыре». Только вот автоматный диск долбанул меня по подбородку. И я обмяк, как в нокауте — ни отдышаться, ни встать на ноги. Кобылка вскочила первой и, понутив голову, подошла ко мне. Не то извиняясь, не то сочувствуя. Гнев мой утих, не успев разгореться. Успокаивало и то, что никто не видел, как «сиганул» командир. Обратишь в лагерь возвращался я пешком малоезженной, окольной дорогой, поросшей невысокой, нежной весенней травкой. А в лагере я наткнулся на Иманта, и он первым делом спросил, что это я такой мрачный и веду коня в поводу. Я ему что-то наплел, но по ниточке губ видел: парторг бригады — уже бригады! — «беду» мою разгадал. Но, как обычно, Судмалис обошелся без реплик.

Сегодня тринадцатое декабря. Ровно месяц назад мы прочли в газетах, что на Домской площади взорвалась мина. Сорвался инсценированный гитлеровцами митинг, на котором рижанам

предстояло осудить решение Московской конференции министров иностранных дел о предстоящем суде над гитлеровскими военными преступниками. Холуи из оккупационной прессы люто кляли «бандитов», и это означало, что мина — партизанская. «А не Имант ли снова?» — гадали мы.

Судмалис и мина — два этих понятия прямо связаны для нас с 1 Мая нынешнего года. Этот «чокнутый» парторг, за несколько дней овладев техникой минирования, с двумя партизанами пересек пол-Латгалии и двумя взрывами, разметавшими два эшелона с фрицами, салютовал Международному дню солидарности трудящихся. Поезда, взорванные между станциями Малта и Аглона, были для латышских партизан весной 1943 года первыми.

Иманта, само собой, и на сей раз никто не посылал, сам напросился. Почему он, а не другие? Ведь в отряде было немало прошедших спецкурсы подрывников. А пошел все-таки Судмалис, при этом неизменно рискуя. Может, потому, что после того, как окружили и взяли в плен группы Смолякова и Арина, партизаны засомневались в возможностях рельсовой войны. Мол, в условиях Латвии, где еще слишком силен гитлеровский аппарат репрессий, не стоит пока трогать «железку». Эти настроения парторг рассеял не словами, а делом. Два подорванных эшелона — лучшая агитация в пользу диверсий на железных дорогах.

Надо сказать, шестое чувство у партизан всегда начеку, интуиция предупреждает их даже во сне. Качнулась лапа приземистой, густой ели на обочине дороги. Там кто-то есть... Узнав меня, незнакомец высовывается из своего убежища. Сверкают очки, на круглом лице сияет улыбка. Имант! Не поверил бы, скажи кто-нибудь, что Судмалис, который должен быть в Риге, бродит по Зилупским лесам. Но передо мной — улыбающийся парторг. Как всегда, застает врасплох внезапным появлением.

Восторженный обмен тумачами. Отступаем на шаг друг от друга, разглядываем, как кто выглядит. Господин Андерсон, само собой, в штатском. Из партизанского обмундирования только широкий пояс поперек живота — для резервного диска. Одежда на нем чудная: ни пальто, ни накидка. То ли супермодерн какой-то, то ли ретро!..

— Ты где такой балахон отхватил? — удивляюсь я.  
— Не насмехайся ты над подарком «Народной помощи», — поблескивает стеклами очков Имант.

Есть у оккупантских холуев такая организация — «Народная помощь». Собирает «добровольные» пожертвования у населения. Лучшее — тулупы, шерстяные носки, сапоги и всякие деликатесы — шлют на фронт. Самим сборщикам тоже кое-что перепадает. Остатки — крохи нищенские — достаются «пострадавшим» от Советов. Вот и пойми, правду говорит Судмалис или дурака валяет. Заметив мое недоверие, Имант накручивает дальше:

— У моих ребят в этой лавочке — блат. Презентовали как пострадавшему.

Обмундирование на нас не из роскошных: в основном поношенные ватники от Спрогиса, которые вместе с оружием нам сбрасывают с самолетов. Но держимся и разговариваем мы уверенно, и это нравится Иманту:

— Вы уже на лошадях и уже без охраны?! А Шредер в Риге издал специальный приказ о безопасности немецкого командного состава. Рижане ржут: офицеру без охраны в публичном доме — никак!

Я приосаниваюсь:

— А мы фрицев летом вымели, и добровольцев отучили соваться. Теперь мы здесь хозяева!

По дороге в Ноглово мы говорили с ним о самых различных насущных наших делах. Имант спрашивает о «стариках», вместе с которыми переходил линию фронта, интересуется, чем они сейчас заняты. И, конечно, на- радостях не может сдержаться — зачитывает нам несколько пародий, сочиненных рижскими антифашистами, в которых высмеиваются тупые и заносчивые оккупационные чиновники. У Судмалиса колоссальная память, он современный этот фольклор, переходящий из уст в уста, знает досконально и в вариантах. Первую пародию — о трех высоких арийских чинах — мы слышали, но в исполнении Андерсона, с псевдонемецким жаргончиком, она доставляет нам особое удовольствие.

*Приплыл в Дюна<sup>1</sup> «Штойбен»<sup>2</sup>,  
Три вылезли муж,  
На Буттерланд<sup>3</sup> едут —  
Там дань мозьмут.  
Вот первый — мит Бирбаух<sup>4</sup>,  
Он — Генрих фон Лоз<sup>5</sup>,  
Он думай, есть Леттланд<sup>6</sup>  
Доильный коз.  
Второй ест граф Медем<sup>7</sup>,  
Больной с Хеморойд<sup>8</sup>,  
Он думайт, что Курланд<sup>9</sup>  
Лишь пруссов и родит.  
А третий, что вылез Барон фон дер Дрек<sup>10</sup>,  
Он даст нам культурен  
Мы — айер унд шпек<sup>11</sup>.*

Следом Андерсон исполняет новые, впервые услышанные нами куплеты, в которых высмеиваются националистические блюдолизы.

*И Августынь<sup>12</sup> из ваш народ,  
Что делай раут и спина гнет,  
Пусть он живет пока без бед И кормит нас, даст масло, мед.  
А будет дойчланд юбер аллес<sup>13</sup>,  
Держать штаны не станет шналле<sup>14</sup>,*

<sup>1</sup> Даугава, т. е. Западная Двина (нем.).

<sup>2</sup> Название немецкого парохода.

<sup>3</sup> Страна сливочного масла (нем. иронич.).

<sup>4</sup> Пивной живот (нем.).

<sup>5</sup> Имеется в виду генеральный комиссар «Остланда» Лозе.

<sup>6</sup> Латвия (нем.).

<sup>7</sup> Гебитскомиссар Земгале, т. е. части Курземе.

<sup>8</sup> Геморрой (нем.).

<sup>9</sup> Курземе, западная область Латвии (нем.).

<sup>10</sup> Дерьмо (нем.), имеется в виду генеральный комиссар Латвии Дрекслер.

<sup>11</sup> Яйца и сало (нем.).

<sup>12</sup> Августынями немцы (и латыши) называли клоунов, шутов.

<sup>13</sup> Германия превыше всего (нем.).

<sup>14</sup> Пряжка (нем.).

*Зеленый бочка ездит пусть,  
И дров колоть, и чистить шмуца<sup>1</sup>.*

Во второй половине дня после бани Имант, приведя себя в порядок и тщательно причесав волосы, занимает единственный в нашем штабе стул. Тот самый, что два месяца назад подозрительно крякал под опускавшимся на него Батькой. Вокруг Судмалиса столпились штабисты — любопытствуют, расспрашивают. Отвечает гость из города № 1 скупое, суховатое. Все с той же небрежной усмешкой. Он, разыскивая дорогу к партизанам, сначала набрел на партизанскую типографию Берга и Рашкевица в Анненской волости. Затем вместе с бойцами Калвана «провернул» большую заготовительную операцию под Лиепной, чтобы запастись на зиму продуктами. Тут же мы догадываемся, что без имантовского подзуживания здесь не обошлось. Командир отряда — лейтенант-фронтовик осторожничал и все горевал: ни тебе прочного тыла, ни надежных флангов!.. После этой операции 3 декабря взвод Андрея Отанькиса отделился и стал действовать самостоятельно в Катлешском лесу. Биделис без усталости ходит на «железку», обучает подрывников. Продемонстрировал свое последнее изобретение, «мину с паузой» — передние пустые платформы пробегают над ней, и она взрывается под локомотивом.

Дальше все шло как по маслу. Проводники провели по цепочке секретной связи.

— Работает четче фрицевской почты, — восхищается парторг. — После ночного перехода сдают тебя утром, как бандероль под расписку, гостеприимному хозяину. Кормят, холят, как самого близкого родственника. И знаешь: следующий почтальон завтра тоже доставит тебя по адресу.

Так вот, без сучка-задоринки, он и прошел сто пятьдесят километров через весь Абренский уезд и Красногородский район. О Риге? Об этом Имант говорит в общих чертах. Рабочие готовы к действиям, только маловато таких, которые могли бы руководить. Молодежь обозлена — бегут от мобилизации, но надежного места нет, приткнуться некуда. Будь партизанские базы поближе! О

<sup>1</sup> Грязь (нем.).

тарараме на Домской площади слышал.

Желание рассказать что-нибудь появляется у Иманта вечером. На этот раз он откровенней, потому что разговариваем мы втроем — он, я и санитарка Расма Осе. Расму, партизанскую Чиепиню, прирожденный конспиратор знает с прошлой осени. Расму готовили в напарники Иманту, их вместе собирались десантировать под Ригой для работы в подполье. Но штаб не обеспечил самолета, заброска в тыл сорвалась, и обоих зачислили в мой Отдельный отряд. Партизанские их пути разошлись, и этим летом Судмалис пошел в Ригу один. Насчет Расмы Имант полувсерьез шутит:

— Она конспирацию впитала с молоком матери.

Ему известно, что на квартире матери Расмы Анны Осе в конце двадцатых годов работала нелегальная типография «Цини». Шпики в конце концов обнаружили ее и арестовали мать Расмы. Жалкий получился судебный процесс. Рассматривали дело центрального органа печати Компартии Латвии, а обвиняемых — всего трое: домохозяйка, наборщик и курьер, задержанный с номерами газеты. Полицейские «дяденьки» изрядно потрудились, «выколачивая» из шестилетней Расмы хоть какую-нибудь информацию: соблазняли конфетами, угрожали ремнем. А она хныкала, как мать наказала: ничего не знаю. Хотя совсем еще недавно ее качал на колене «американский дядюшка» (организатор ЦК КП Латвии Эрнест Америк).

Имант помнит многое из биографии Расмы.

— Знаешь, тебе надо сходить как-нибудь с подрывниками. Увидишь, как фрицевские платформы валяются с насыпи. И сквитаешься.

До войны в Латвийском государственном университете были подготовительные курсы для рабочей молодежи, ранее не имевшей возможности закончить гимназию. Почти все слушатели — комсомольцы. Расму выбрали секретарем первичной организации. Понятно, что комсомольцы все до одного вступили в рабочую гвардию. Когда немцы взяли Ригу, их роте пришлось отступить в Эстонию. Там их и подстерегли гитлеровские диверсанты — взорвали эшелон. Расму тяжело контузило, она поправилась в

Тартуском госпитале, и через Ленинград ее эвакуировали в тыл.

— Болит еще? — спрашивает Имант, касаясь пальцами своего затылка.

— Иногда. В ушах звенит, когда давление резко меняется. А-а, пустяки! — машет рукой санитарка. — Имант! — продолжает она. — Понадобится, обращайся в Риге к маме. Она живет в Чиекуркалнсе. Поможет. Вряд ли полиция меня еще ищет, а она — беспартийная. Так что почти безопасно.

— Это идея! — Имант вытаскивает записную книжку и диковинными закорючками заносит в нее адрес. — Шифр хранится на чердаке, — постукивает он себя кулаком по лбу.

После освобождения Риги мы узнали, что Судмалис воспользовался чиекуркалнским адресом. Это было в феврале. В Риге участились аресты подпольщиков, от провокаторов не была застрахована ни одна конспиративная квартира. Однажды вечером, рассказывала мать Чиепини, в двери постучался молодой человек в очках. Не провокатор ли, мелькнула вначале мысль. Слишком уж с места в карьер стал рассказывать о Расме незнакомец. А в яме, вырытой в дровянике, прячется от призыва в армию брат Расмы — Оярс. Может, его ищут?.. Но в конце концов поверила и слезинку радостную смахнула — жива дочка, воюет. Гость имени своего не назвал, но на ночь остался. Уходил еще в сумерках, на прощание просил подыскать надежную квартиру в Межапарке. Мать опросила всех знакомых, а неизвестный так и не появился. И только в мае, прочитав в «Тевии»<sup>\*</sup> о казни опасного политического преступника, она догадалась — приходил Имант Судмалис.

— Трибуну эту, конечно, мои комсомольцы разворотили. Золотые ребята. — Имант заговорщически подмигивает. — Нашей собственной магнитной миной. Только вот английский детонатор взорвался рановато. Могло быть шума побольше.

Ну, это мы уже теперь знаем.

— Послушай, а как ты Рашкевица нашел? — я все не могу понять, как он без адресов доверенных людей смог попасть из Риги в чужой партизанский лагерь под Алуксне.

— И ты еще спрашиваешь? Ученика великого Олда Ваверли!..

Да уж, не каждому такое по плечу. Прошлым летом, разыскивая белорусских партизан, Судмалис наткнулся у Шкяуне прямехонько на латышских «смолокуров» — и только у них была связь с Освеей. Объяснили случайностью, удачей — везет! А чекисты с подозрением покачивали головами, поговаривали, что следует крепенько присмотреться к этому сумасбродному лиепайчанину. И вот — еще похождение. В самом деле, в духе приключений Олда Ваверли. Невозможно и невероятно.

— Идея родилась дедуктивно, по методу Шерлока Холмса, — улыбаясь продолжает Имант. — Дошла до меня одна партизанская листовка. Но если она попала в Ригу, то логично, что по обратному следу можно дойти до места, где эти листовки печатаются, — рассуждает погруженный в детективный жанр рассказчик. — Самым тяжелым был первый ход. Как выбраться из Риги? После взрыва на Домской площади всюду проверки. Полиция безопасности свирепствует, хватается любого с подозрительной физиономией. Ребята узнали, что какой-то автобусик идет в Сигулду. Я тоже — в него. И — «нах Зегеволд»,<sup>1</sup> господин Андерсон!

Сел Имант сзади, возле дверей. Там обычно свободней, редко кому нравится качка да тряска. Местечко как на заказ: со спины не зайти.

— При обыске или проверке документов вытащил бы им этот аусвайсик<sup>2</sup>. — Имант с удовлетворением показывает, как молниеносно появляется из внутреннего кармана пальто «аусвайс» советский пистолет «ТТ». — Фриц его уважит, кубарем откатится. А я — в дверь. Лови в лесу волка! — Он ласково поглаживает автомат, верой и правдой послуживший ему со времен перехода линии фронта. — «Посох» свой смонтировал и — айда! А-а, вы вот о чем?! — восклицает он, заметив изумление на наших лицах. — Мы неразлучны, ношу его с собой разобранном. Культурно, в чемоданчике. — Помолчав, словно взвесив, стоит ли рассказывать дальше, Судмалис продолжает: — Шутки шутками, а мне чуть не пришлось проверить, годится ли мой «аусвайс».

Впереди него сидели солдаты, среди них — шуцманы. Они

<sup>1</sup> В Сигулду (нем.).

<sup>2</sup> Аусвайс - удостоверение (нем.).

дремали. Наверное, здорово в Риге надрались. Один дрых, дрых и очухался: пистолет у него исчез. Ясно, шпаки дохлые виноваты! Обыскать на месте!

— Меня в жар бросило. А вдруг заранее подготовленная провокация? Хотят меня здесь, в тесном автобусе, взять живьем? — Имант уже не усмехается. — Не пори горячку, говорю я себе. Досчитаешь до ста, потом стреляй! — Чуть помолчав, полушутливо: — Мне, как всегда, по-свински везет. И до пятидесяти не дошел. А проверяющие — до половины автобуса. «Сам ты шпак дохлый!» сказал «обворованному» его сосед. «Вон пистолет! За сиденье завалился!»

Дальнейшее было, как обычно говорил парторг, «будничной прозой». Купил билет, в Гулбене пересел на узкоколейку, в Стамериене вылез; мельник растолковал, как добраться до Шолка: в баньке старого латышского стрелка — партизанская типография, где «очкарика», разумеется, приняли за «шпиёна», вмешался Фрицис Берге, спас своего товарища по подполью от линчевания. И все... И завершает его рассказ легкая усмешка — словно воскресную прогулку совершил в город № 1 и обратно. Но, слушая, понимаешь это фрагмент из современной одиссеи народного мстителя.

### **Мина — оружие партизан**

Имант очень торопился. У нас в отряде важные события. Самолетом прибыли новые командиры, сброшен груз с оружием. Долго торгуемся с командиром разведгруппы майором Константином Чугуновым. Нам удастся «выцарапать» из его группы Игната Кадаковского.

С этим лудзенским коммунистом, с начала июля 1941 года воевавшим в отрядах калининских партизан, мы встречались в феврале 1943 года после боя в деревне Павлово Россонского района. Два с половиной года ходил этот человек по лезвию ножа! Побывал в критических, безвыходных ситуациях, особенно зимой 1941/42 года. Имант пришел к нам овеянный славой первого латышского подпольщика, Игнату принадлежит честь именоваться первым латышским партизаном. Первым, и с непрерывным

боевым стажем. Калининцы в тот раз нам его не отдали — незаменим для них этот командир разведчиков, в особенности на латвийской «железке». Уже несколько немецких эшелонов на боевом счету лудзенца. Так и не удалось Ошкалну уговорить соседей вернуть нам нашего земляка.

Сейчас лудзенские леса стали исходной базой латышской партизанской бригады. Десять месяцев ждали мы, пока сменится командование у Игната. Сам он коммунист, бывший подпольщик, и для него слово командира — закон. Не может он — «дать драпака», как рубаха-парень Алфонс.

Для Кадаковского место зарезервировано — комиссаром в подотряд Поча («А»), дислоцирующийся под Карсавой, в родных краях Игната. Обещаем помочь разведчикам майора Чугунова перебраться в Гривинские леса, дать им надежных людей. В эти же дни официальным приказом назначаем командиров подотрядов.

Все происходит в такой спешке, что мне так и не удается посумерничать с Игнатом у костра, вспомнить прошлое, а ведь мы с ним знакомы еще до войны. Вместе с Игнатом и Чугуновым и Алфонс Анджан — ему в Стампаки, начальником штаба подотряда Биетагса («Б»). Алфонс, как и Имант, заражен «безумством храбрых». Он презирает опасность, во всем и всюду не щадит себя. Славный малый. С ним разговор всегда деловой и ответ у него ясный и краткий: будет сделано! Ни фантазировать, ни острить не станет. Таков ж мой бывший однополчанин, занявший достойное место в когорте отважных.

Имант решил идти дальше вместе со связями Ратиньша, которые возвращаются из Лубаны на партизанскую базу в Освее. Ждут там их всех с нетерпением. Оперативной группе ЦК и штабу бригады позарез нужна информация. Спешить надо и потому, что — по сведениям разведки — фашисты готовят большую карательную экспедицию против партизан Освейского, Россонского и Себежского районов.

Утром 16 декабря я записываю в боевой журнал, что разведчики Сергея Грома прош-лой ночью благополучно довели гостей до Себежской железной дороги, и те перешли ее. Каково же было мое изумление, когда, выйдя на двор, я увидел комиссара Яниса,

беседующего с... Имантом.

— Жалуюсь комиссару, — театрально возмущается Имант. — Ваши подрывники до того издергали бедных фрицев, что они всю ночь пуляют сигнальные ракеты и долбят из «костедробилок». Прямо вдоль насыпи, хоть и цели не видят. Так, что не перебраться. — Решительно подытоживает: — Пойдем через два дня. Пусть придут в себя!

— Что поделаешь, рельсовая война, — в тон Иманту переживаю я за железнодорожную охрану. — Тяжелые деньки немцам выпали. Партизаны совсем неразборчивыми стали. Не только поезда взрывают, но и мосты, и рельсы, и телефонные столбы. Что ни ночь — крадутся к путям. Ну откуда охраннику знать — с какой стороны диверсант подберется. Вот и палит на всякий случай всю ночь напролет. Ночью не устерег, а утром — марш на фронт!

Наши диверсии на железке сильно интересуют парторга. В особенности действия абренского подотряда («Ц»). Подрывники его живут на разных хуторах у верных людей: по двое, по трое. Днем отдыхают, ночью выходят на боевые задания. Парни крестьянские днем работают, а по ночам становятся проводниками минеров. Штаб распределил между группами участки дороги, и каждая «обходит», контролирует свою зону. Тол они получают на базе, где встречаются с командиром и докладывают о результатах вылазок.

Имант, выслушав все это, задумчиво припоминает: — В прошлом году, когда я перешел линию фронта и писал отчет в ЦК комсомола Михайлову, то упоминал в нем о возможностях таких мобильных групп в Латгалии, где нет больших лесов. Тогда это все было на уровне фантазии, а ведь теперь работают.

Вечером, разослав партизан на задания и улучив свободную минутку, я показываю комсоргу боевой журнал отряда. Записную книжку в черном картонном переплете размером с ладонь. Записи в ней с условными сокращениями, понятными только мне самому. Фамилии и название местности обозначены цифрами — по указанию Ошкална. Сокращения Иманту нравятся, сами записи критикует: — Легко запоминаются. Это да. Но и разгадать их слишком просто.

Ну да, заумные ребусы — это его хобби. Недобро гляжу на него: — Ах, так ты думаешь, что это может попасть в руки СД?!

— Ничего я не думаю. Но делать надо все основательно, с выдумкой и современно. На уровне высших мировых стандартов.

Имант прав: многое мы еще делаем примитивно, конспирация не на высоте. А враг у нас сверхопасный: умный и жестокий. Гитлеровская служба безопасности и абвер с помощью современной техники пеленгуют наши радиостанции, расшифровывают радиোগраммы. Создали целую сеть провокаторов и шпионов, часто попадаются им подпольщики и помогающие нам люди.

Показываю парторгу октябрьские и ноябрьские записи: два дня — и взорван очередной воинский эшелон.

— Смотри! — говорю я Иманту. — Наши минеры сдержали свое слово: 26-ю годовщину Октября отметили тридцатью восемью гитлеровскими поездами... Вот, на следующей странице: Василий Кононов «отслютовал» в честь 18 ноября — поднял на воздух состав с армейскими офицерами отпускниками. В солидарность, так сказать, с твоим взрывом на Домской площади.

Имант покрывает от удовольствия. В нынешнем году оккупанты милостиво позволили «вывесить национальные флаги» в день провозглашения буржуазной Латвийской республики. А еще совсем недавно эсэсовцы вылавливали всех, кто прятал красно-бело-красный флаг, считали их врагами рейха.

— Подкатываются к националистам. А те при куцем своем умишке, верят и угождают, чем могут, фюреру. Нашивают легионерам на рукава красно-белые нашлепки и гонят необученными в теплушках на фронт. Как телят на убой, — сердится Имант и убежденно добавляет: — Развалится к чертям у них эта лавочка.

Сам он не дождал до того, как в июле 1944 года латышский легион действительно развалился при первых ударах частей 3-го Прибалтийского фронта. И взрывы партизанских мин были первыми гвоздями, заколоченными в гроб гитлеровской «вечной дружбы» латышей и немцев.

Имант, само собой, спрашивает о наиболее активных комсомольцах.

Именно они в нашем отряде возглавляют список наиболее результативных минеров. Впереди — Василий Кононов и Волдемар Паэгле, на их счету по полдюжине взорванных гитлеровских эшелонов, а также несколько автомашин. И никак один не хочет уступить другому. Стоит кому-нибудь из них вырваться вперед, как другой отвечает ему составом или двумя. Третий месяц — наперегонки. Вместе учились на партизанских курсах, за одной партией сидели. И теперь рядом — один рвет пути под Карсавой, другой под Абрене. Так что основная магистраль гитлеровцев — Варшавско-Ленинградская железная дорога — попеременно выходит из строя. Особенно радуют успехи младшего из них — Волдис (Паэгле) за считанные месяцы неузнаваемо повзрослел, стал примером для многих.

Подробнее Иманту я докладываю о Василии Кононове, которого знаю с 1940 года. Он был секретарем комсомола Лудзенского ремесленного училища, а я — инспектором уездного отдела народного образования и инструктором-общественником по военно-физической подготовке при уездном комитете комсомола. Помню, как среди различных военно-спортивных состязаний и игр проводил массовый кросс: каждой команде предстоит преодолеть 25 километров по присыпанной снежком дороге. Первыми к повороту приходят «ремеслуги». Впереди приземистый, плечистый паренек, он подбадривает остальных: «У леска — бегом!» Им надо оторваться от преследователей: старшекласники средней школы — основные их соперники в спорте и на танцах. Ремесленников презрительно именуют «чернотой». И секретарь комсомольский об этом помнит, знает, чем пронять своих. «Может, гимназистов, пропустим?!» Ни черта! «Чернота» дружно охает и рысью припускает вслед за своим вожаком. И я с удовольствием поздравляю с победой команду ремесленного училища. Почетную грамоту на городской площади я вручаю взмокшему, но сияющему от радости Васе Кононову... Настойчивым, смелым и богатым на выдумку остался он и на войне взять хотя бы его «салют» в честь буржуазного праздника.

Все это прокручивается в моей памяти, пока я сухо излагаю суть проведенной Кононовым операции Иманту, довольно

охотно слушающему меня. Не стану повторять содержания этой информации, у меня сохранилась запись рассказа самого Василия. Сократив ее, привожу, как записано, от первого лица:

«В городе у нас работала отличная разведгруппа. Она регулярно и подробно информировала подотряд о перемещении войск через станцию Абрене. Лучшие наши разведчики — железнодорожники, гимназисты и интеллигенты. Особенно много делали гимназистки Клава и Шура Семеновы. Незаменяемым для нас человеком был врач Переплетников, который говорил по-немецки. В первую мировую войну он попал в плен и женился на немке. И оккупанты считали его «лояльным к третьему рейху», а был он — истинным советским патриотом. У проезжих офицеров, которые заворачивали в амбулаторию, словно невзначай разузнавал о перемещении воинских частей. Немцам порошки Переплетникова помогали слабо. Настоящую медицинскую помощь он оказывал местным жителям и нередко выезжал лечить больных и раненых партизан в наш подотряд.

17 ноября разведчики сообщили нам важные сведения: с фронта прибыли отпускники, на станции формируется эшелон из пассажирских вагонов, в которых повезут армейских офицеров и эсэсовцев. Отбывает поезд с 17 на 18 ноября ровно в час ночи. Господа офицеры должны успеть повеселиться на званом ужине — его в честь националистического юбилея устраивал начальник Абренского гарнизона и полиции. Нас было четверо, но мы сразу решили: мы этих вырожденков не пропустим.

На операцию мы собрались на хуторе Бредники, у нашей отчаянной тети Насти. Сначала надо было изготовить самодельную мину. Составные части: двенадцатикилограммовый брикет тола и механический взрыватель. Взрыватель совсем простой: металлический цилиндрок длиной сантиметров в пятнадцать и толщиной с карандаш, а в нем капсула с детонатором и боек с пружиной, которую можно натянуть и закрепить шпилькой. Вырвал из предохранителя шпильку — механизм сработал. Брикет с толком взрывался со страшной силой. Закопаешь такую мину под рельсами, замаскируешь, привяжешь к предохранителю длинный шнур, а сам с концом шнура в руках заляжешь, запрячешься

поблизости в кустах. Словно удишь. «На удочку» — мы так и называли такое минирование. Наедет локомотив на мину, подсекай шнур, и — рванет.

«На этот раз пусть сами фрицы шнур дергают. Чего нам руки пачкать», сказал я ребятам. Леня и Ваня поняли, ну а новенький наш, Гена, удивился: «Как это?» — «А мы воткнем вот этот неприметный колышек промеж рельс. Один конец шнура привяжем к нему, а второй — к чеке предохранителя. Немцы в темноте колышка не заметят, а локомотив его тендером подогнет. Шнур выдернет чеку. Рванет тут же и наверняка. Называется — минировать на антенну».

...Были у нас и мины с современными механизмами. Например, МЗД — ее можно было поставить на определенное время. Она в назначенный час включается. Покатит поезд и взорвется.

Вышли мы с хутора — ветер воет, дождь хлещет. Секунда — и насквозь промокли. Ночь, как смола, и до железной дороги восемь километров топать. Держимся впритык, чтобы в темноте друг от друга не отбиться. И почти сразу теряем тропу. Прем напрямик по азимуту: через луга и поля. Можете себе представить сами, каково брести по вязкой пашне. Сапоги облеплены комьями глины, а ты словно муха к липучке прилип. То и дело попадают глубокие канавы, идем напрямик, нам не до мостков. Молча кляня про себя фашистов и грозу, месим грязь около трех часов. Ни слова о том, чтобы повернуть обратно или передохнуть.

Впереди засветлело — это речка Ритупе, сразу за ней — железная дорога. Обычно мы переходим эту речку вброд. Но теперь она так разлилась, что не узнать: перед нами бурный поток шириной метров в сто. И, как на беду, ни лодки, ни плота. Хозяева убрали, чтоб паводком не унесло. Переплыть? Течение сильное, вода ледяная. Окоченеешь, обессилеть, и пошел на дно. Есть еще один путь, но мы его обычно в расчет не берем. Это — через мельничную плотину и мост. Там, мы знаем, постоянно торчат наверху или в засаде немцы. Мы слышали, они уже ранили какого-то партизана. (Думается, речь идет о связанном подотряда «Б» Зилеве, тяжело раненом и застрелившемся, чтобы не попасть в руки врага — В. С.). Но сейчас идти только через этот мост, иначе к

железной дороге не попасть. Не пропускать же такой эшелон! Надо рискнуть. Смысл есть: полицейские наверняка и немцев на гулянку пригласили. Навеселе фрицы, мы их первыми заметим, если что. Да и погода такая, что хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. С какой стати арийцам мокнуть под дождем?

Автоматы наизготовку. Осторожно приближаемся к мельнице. Я впереди, Ваня — за мной. И - вдруг я слышу — приглушенное, словно из-под земли, чертыханье. Чертыхаться — это по-нашенски, значит, не немцы. Оказывается — Ваня провалился в глубокую бочагу, самому из воды не выбраться. А нашумит, немцы услышат. Приказываю Гене вытащить его, а сам с Леней бегу мимо мельницы. Неподалеку от моста — ложимся. Придется — будем стрелять. Но по-прежнему — тишина. Медлить нельзя. Бросаю вперед: путь свободен... На следующий день нам рассказали — засада все ж была: двое немцев и полицейский с пулеметом. Караульные перепились и дремали под плащ-палатками. Странный шум разбудил гуляк и... перепугал. Бросились в соседний сарай, там на следующее утро и были арестованы как «сообщники партизан». Ну, такая удача подрывникам, само собой, выпадает раз в жизни.

К железнодорожной насыпи подошли мы ровно в полночь. Тихо. Поезда не слышно.

Только время от времени немцы клацают по шпалам коваными сапогами. Фигуры чернеют, четко видны. Отчетливо. Метрах в пятидесяти от нас — будка путевого обходчика, а рядом с ней сторожевая вышка, на которой днем дежурят охранники. Ночью в сторожке обходчика смена патрульных. Видим, что сквозь щель в дверях пробивается свет, изнутри доносятся пьяные голоса.

Для минирования мы выбрали место прямо напротив сторожки, у самого крутого поворота железной дороги. Разделились мы на пары. Леня и Гена остались внизу — в случае тревоги забросают гранатами и обстреляют будку так, чтобы ни один фриц не выскочил. На насыпь вместе со мной пошел Ваня. Забрались наверх, услышали шаги и скатились вниз. Всего в нескольких метрах над нами протопали патрульные с пулеметом.

Вырыть двумя штыками яму между рельсами — минута. Вторая

минута. — на то, чтобы замаскировать мину и шнур. Самое опасное — привязать шнур к предохранителю или снять его. Все это происходит в темноте, наощупь. Сапер ошибается всего раз в жизни — кто хоть раз ставил мину, тот, вспоминая эту поговорку, чувствует, как мурашки по спине пробегают. Разровняли мы землю и отошли вчетвером от насыпи метров на сто: Есть у нас неписанный закон: сам не убедился — не уходи. Лежим в кустах, ждем. Время тянется еле-еле, волнуемся мы все сильнее. Похоже, не пойдет поезд, и зря все труды наши нечеловеческие, впустую. Но вот первый знак — гудок паровоза со стороны Абрене. А вот и второй — на нас быстро надвигается сияние. Из темноты вылетают два снопа лучей. Поезд приближается, уже не остановишь, как ему!

Мы вскакиваем на ноги и не скрываясь, бежим на мельничный мост. Что это?! Паровоз проскочил заминированное место. Неужели не сработала наша «антенa»?! Мощный взрыв рассеивает все сомнения. Снопы лучей гаснут — вагоны грохочут, корежатся, валятся. Из развороченного паровоза с шипением вырывается пар... Убедившись, что задание выполнено мы неспеша отходим. И тут — взлетают первые сигнальные ракеты. Начинается ожесточенная пальба: стреляют из окрестных гарнизонов, стреляют из эшелона оставшиеся в живых фрицы. Выстрелы сопровождают нас всю дорогу. А возвращаться все тяжелее, далеко нам не уйти. Мы сворачиваем в деревню Ракитню к тете Варе — матери Клавды и Шуры. Три стука в оконную раму. Хозяйка молча открывает дверь, впускает нас. Завешивает окна одеялами и только тогда зажигает свет.

Мы жутко устали и продрогли. Хозяйка понятиливо смотрит на нас и говорит: «Ночью меня взрыв разбудил. Сразу подумала, что это вы». Видя, что мы не спешим с ответом, добавляет: «Лучше уж все знать. Днем будем вас стеречь зорче. Завтра немцы обыщут все деревни. Может, и до нашей дойдут».

Трудно выразить, как мы благодарны ей... Выпиваем по кружке молока, и обсохнув, отправляемся на сеновал. Хозяйка дала нам с собой одеяла и подушки. Засыпаем, когда начинает светать. Просыпаемся вечером. Сын хозяйки Виктор приносит поесть. В

окрестностях спокойно, фашисты до Ракитни не добрались. После такого дождя ни одна ищейка следов не учует.

Вечером из Абрене возвращаются наши разведчицы — Клавдия и Александра. По их лицам видно: эшелон мы уничтожили. У немцев все перепились, не смогли они выслать аварийной бригады с охраной. Вернулись фрицы вечером вконец разъяренными и наплели, что партизаны крупными силами обстреляли эшелон. Оттого, мол, столько жертв. Паровоз и семь пассажирских вагонов рухнули под откос, три из них — искорежены. Остальные восемь остались на рельсах, но сильно сплющились и побились. Санитарный поезд простоял восемь часов — так долго грузили раненых. Сотни убитых и раненых гитлеровских офицеров... Тут Леня, наконец, смирился с тем, что в мину мы заложили весь имеющийся у нас тол. Он лучше других знает цену взрывчатке. Знает, чего стоит пронести ее по болотам сквозь немецкие кордоны с Зилупской базы. Там тол выплавляют из подобранных артиллерийских снарядов. Но и эта самодельная взрывчатка на исходе, а обещанных самолетов с «гостинцами» из-за линии фронта все не присылают... Через два месяца Леня Лепкин отправился в отряд за толом и столкнулся на берегу Зилупе с мозульскими полицейскими. Он расстрелял оба автоматных диска и, раненный, подорвал себя гранатой». Так заканчивается рассказ Василия Кононова, ныне — полковника милиции.

Да, в партизанской войне не щадят. Ни врага, ни самого себя. В трудную для разведчиков и подрывников пору снегопадов, так же, как комсомолец Лепкин, окруженный гитлеровцами, героически погиб семнадцатилетний Павел Моесенок. В ночь на 29 ноября он вместе с Виталием Дударевым возвращался на Зилупскую базу с донесением из подразделения Поча. С утра снег перестал, и мердзенские полицейские обнаружили следы партизан. Догнать усталых связных было нетрудно. С первых выстрелов Павла ранили в ногу. Видя, что уйти не удастся, он сказал старшему своему: «Ты еще можешь. Доставь донесение командиру! Я задержу!» Он расстрелял автоматные диски израненный во второй раз, в плечо, — пытался выдернуть чеку из гранаты. Не успел, слушалась всего одна рука. Павла схватили...

Он лежал на снегу, раздетый догола, и истекал кровью. Но так и не выдал местонахождения своего отряда — не помогли фашистам и шомпола. А когда немецкий офицер наклонился, чтобы расслышать долгожданное признание, партизан, собравшись с последними силами, приподнял голову и плюнул ему в лицо. Палачи оторопели, пораженные силой духа этого тщедушного паренька... Павла прикончили на месте, закопали, но скрыть следы своего преступления негодьям не удалось. О героической гибели юного партизана стало известно всей округе. После войны бранные останки Павла Моесенка откопали и торжественно перезахоронили...

В ночь на 18 декабря разведчики отряда перевели через железную дорогу Иманта Судмалиса. На Освейскую базу он прибыл незадолго до начала крупной карательной экспедиции.

С Имантом мы расставались навечно. Андерсон вернется в город № 1, будет предан и погибнет. Последний наш разговор мы вели о «рельсовой войне», о том, что мина есть и будет эффективнейшим и результативнейшим оружием латышских партизан. В подтверждение этому во второй половине декабря подрывники отряда, приспособлен к зимним условиям и научившись запутывать следы, с прежней энергией возобновили диверсии на магистралях группировки «Норд». Подрывники с Зилупской базы — на железной дороге и шоссе Лудза—Себеж. Абренцы — на Псковской железной дороге и шоссе по обе стороны Абрене. Группы из Гривинского лес — по обе стороны Карсавы. Партизаны из Стампакского леса — на Гулбенской «железке» в районе станции Пурмала, и на Псковской — в районе Вавере.

Осенью 1943 года партизаны в Латвии представляли собой серьезную силу, дерь ото дня становившуюся все внушительней — гитлеровцам было уже с нами не управиться. 23 октября 1943 года начальник полиции Латвии генерал-майор СС Шредер был вынужден издать секретное распоряжение «О гарантии

безопасности каждого представителя командования». Возможно, что о существовании именно этого документа слышал в Риге из уст народами Судмалис.

«Усиление деятельности банд, — было сказано в распоряжении,

— привело к налетам, совершаемым почти ежедневно. Даже вблизи населенных пунктов и в самих городах уже совершали нападения как на отдельных лиц, так и на легковые и грузовые машины и пассажиров. Поэтому приказываю: а) каждому офицеру, должностному лицу, унтер-офицеру и начальнику караула с наступлением темноты избегать ходить в одиночку; б) всегда иметь при себе огнестрельное оружие в боевой готовности; с наступлением темноты избегать поездок на моторизированных средствах вне расположения части. Во всех, поездках за пределы расположения части предписывается иметь при себе заряженные автоматы».

На счету 1-го отряда 3172 взрыва ж. д. полотна, большое количество разрушенных мостов, поврежденных телефонных линий. А ведь операции латышских партизан всего лишь не- ] большой вклад в «рельсовую войну» партизан всех братских республик.

В донесении старшего лейтенанта Колегаева, советского контрразведчика, по заданию Центра инспектировавшего в начале 1944 года партизан в Псковской области и пограничных зонах Латвии, отмечается, что, несмотря на неблагоприятные географические (отсутствие лесов) и социальные (противодействие местной буржуазии) условия, латгальские партизаны заметно ослабляют тыл группировки «Норд». «...Фашистам пришлось заметно снизить скорость движения поездов (до 15 км/час). Снижение скорости тормозит снабжение фронта, и немцы пытаются устранить этот недоста-ток за счет увеличения числа эшелонов»...

## ПАРТИЗАНСКИЙ МАРАФОН

*«...возможно ли в Латвии  
организовать партизанскую бригаду?»  
(Из радиogramмы А. Спрогиса.)*

Это, наверное, была самая лаконичная радиogramма, когда-либо принятая радистом. Но содержание ее — объемно. Содержание возлагало огромную ответственность на адресата.

9 марта 1944 года начальник ЛШПД полковник Артур Спрогис приказывает своему радисту передать всего одно предложение. И летят из Москвы в эфир еле слышные сигналы морзянки, которые в Гривинском лесном лагере под Карсавой записывает Мечислав Мацулевич. Шифровка адресована командиру 1-го отряда. Вот ее текст: «Самсонсу. Сообщите ваше мнение, возможно ли в Латвии организовать партизанскую бригаду? Спрогис».

Для того, чтобы понять смысл этого вопроса надо точнее ознакомиться с общей обстановкой. С весны 1943 года уже существовала созданная на базе выросшего отдельного отряда Латвийская партизанская бригада (командир Вильгельм Лайвинь), но ее основные силы и штаб базировались в белорусском Освейском партизанском крае. В Латвию перебрались отдельные боевые группы и взводы. В конце 1943 года бригада в 300 партизан, уходя от очередной карательной экспедиции с боями прорвалась за линию фронта. ЛШПД предстояло срочно решить, как дальше руководить партизанским движением на оккупированной территории Латвии. Мнения разделились. Лайвинь в своем отчете от 23 января 1944 года утверждал, что в Латвии воевать можно только небольшими подразделениями: «В условиях Латвии взаимодействие крупных отрядов невозможно, поскольку их передвижение и снабжение связаны с большими трудностями, скрытно не проживешь, вызовет карательные экспедиции врага... Завяжутся бои, появятся раненые, партизанские отряды станут маломобильными... Можно надеяться, что условия улучшатся по мере развертывания партизанского движения. В настоящее время в Латвии выгоднее работать диверсионными группами». Вывод этот как будто подтверждался тем, что после отчаянных рейдов на

запад осенью прошлого года в группе организаторов легендарного комиссара Ошкална в Залвском лесу (Земгале) по-прежнему насчитывалось несколько десятков бойцов. А у Андрея Мацпана в Априкском лесу под Айзпуте — еще меньше. Невелики были и те разведгруппы в южной части Латгалии, что дислоцировались на крестьянских хуторах. А 3-й отряд (командир И. Музыкантик, позднее Е. Максимов) стал пополняться новыми бойцами, только вернувшись в Освейский лесной массив.

Но куда сильнее была другая тенденция: в Лиепно-Аннинских лесах действовал 4-й партизанский отряд, которым после гибели Доната Калвана командовал комиссар Альфред Рашкевиц. Вместе с партизанами Андрея Отанькиса в нем насчитывалось около двухсот человек. В Лубанских лесах хозяйничал 2-й отряд Петра Ратыньша — около полутора человека. Триста тридцать вооруженных бойцов 1-го отряда расположены в четырех местах. В лагере Зилупского леса — штаб, в Гривинском лесу — подотряд Антона Поча («А»), на Стампакском болоте — подотряд Яна Биетагса («Б»), под Абрене — подразделение подрывников («Ц»), которым после гибели Федора Ларионова командовал Дмитрий, Кузьмин.

Стоит взглянуть на карту северо-восточной Латвии, и станет понятно: при такой концентрации партизанских сил не обойтись без единого командования. Только общий центр, а таким мог быть штаб бригады, обеспеченный радиосвязью с советским командованием, способен снабжать подотряды оружием, пополнять командирами, политработниками и специалистами по ведению партизанской войны. До тех пор, пока они не перерастут в самостоятельные отряды.

В эти месяцы политическая обстановка в оккупированной Латвии способствовала росту партизанского движения. Не видеть этого было невозможно. Разгромленные под Ленинградом и Волховом 16-я и 18-я гитлеровские армии откатились к реке Великая. В северо-восточной Латгалии уже слышна была орудийная канонада. Люди включались в активную борьбу с оккупантами и их подручными — местными националистами. Второму (в феврале 1944 года) набору в легион противились как

могли. Один за другим скрывались, уходили в лес люди. Как их всех принять, обучить, вооружить?

Вот, несколько радиogramм партизанских командиров. Одну из них подписали командир 1-го отряда В. Самсонс и комиссар Я. Риктер. «21 февраля, Спрогису. Скрывается, бежит от мобилизации много народа. Просят, чтобы мы их приняли. В нашу группу [подотряд «Ц»], которая действует южнее Абрене, хотят вступить тридцать человек. Без оружия принять не можем — их выловят. В остальных наших группах в Латвии без оружия двадцать пять человек. Без учета уклоняющихся от мобилизации и стремящихся примкнуть к нам. Если в ближайшее время не окажут помощи, развернуться не сможем, и достигнутое потеряет всякий смысл. Самсонс, Янис».

Сходную радиogramму передал в Центр и первый секретарь Валкского подпольного укома партии Фрицис Берге, находившийся при штабе 4-го отряда. «28 февраля. Калиберзину. Среди населения 60 антигитлеровских групп, в них около 200 человек. Действуют уездные комитеты партии и комсомола и, в неполном составе, обком. С 30 сентября по 31 января изданы листовки и областная газета «Наша страна». В отряде 167 человек, 30 из них без оружия, прием ограничен... Шлите командиров и политработников, груз... Без оружия и боеприпасов невозможно продолжать борьбу. Риекстс».

Приток людей в подотряды требовал особой организации и военной подготовки, особого руководства всем партизанским движением. Весной 1944 года идея создания бригады, можно сказать, висела в воздухе. Ее поддержал командир 4-го отряда А. Рашкевиц: «9 марта. Калнберзину. В отряде 190 человек. Действуем в районе Апес, Леясциемс, Аннас, Малупе, Балвы, Лиепна, Кацены. Широко развернули массово-организационную работу. Мобилизация [проводимая гитлеровцами] в нашем районе сорвана. Ловят людей, которые уклоняются от мобилизации. Арестовывают мирных жителей. К нам прибывает много молодых патриотов. Желательно, чтобы организовали бригаду. Жду Вашего решения и помощи, шлите работников. Рашкевиц».

Однако с ответом в ЛШПД о возможности создания бригады

командир 1-го отряда медлил. Насколько стабильны новые подотряды — смогут ли стать самостоятельными? Сольются ли новобранцы с коллективом? Смогут ли отряды маневрировать, избежать окружения и разгрома в мелких лесах? Сумеют ли командиры и политработники создать боеспособные партизанские части? Ведь в районе Абрене находится второй эшелон 16-й немецкой армии, ожидаются усиленные армейскими частями карательные экспедиции. А значит — ожесточенные бои.

Еще одно соображение — надо считаться и с тем, что со временем число бойцов в латышской бригаде может превысить тысячу. А жить рядышком, компактно, как русские и белорусские партизаны в освобожденных зонах, в Латвии нельзя. Придется селиться врозь, рассредотачиваться в наиболее крупных лесах по 150—200 человек. И сейчас до самых дальних отрядов путь в сто и более километров. Активизируются каратели, сможем ли держать связь, практически координировать планы и руководить действиями удаленных от штаба отрядов. Только при положительном ответе на эти вопросы можно было высказаться за создание бригады. И штаб 1-го отряда не торопился с выводами.

Во всех вопросах командир решил разобраться лично — посетив все наиболее крупные партизанские лагеря в северо-восточной Латвии. Сопровождающими его идут заместитель комиссара Бруно Зебергс и старший радист Мечислав Мацулевич. Понесут рацию и охранять ее будут разведчики Сергея Грома.

29 февраля 1944 года. Из Зилупского лагеря выходят двадцать партизан. Им предстоит трудный и долгий путь — настоящий партизанский марафон. От берегов Зилупе до берегов Педедзе. По глубоким сугробам и голой равнине, где риск на каждом шагу. За ночь придется пройти огромное расстояние. На пределе человеческих возможностей. И все же — надо идти.

Жизнь партизанская — длиною в ночь

«У ребят ноги отваливаются...» — бурчит командир разведзвезда Сергей Гром. Он, шагнув в сторону со следа, поджидает меня. Обыкновенно подтянутый, сейчас сутулится. Если бы не темень, увидел бы еще, что скатываются по его лицу капли пота. Знаю по себе, как тяжело вытаскивать ногу из одной дыры в снегу и

отчаянно целить в другую. И попасть точно, чтобы никто не сомневался — здесь прошел один, а не двадцать человек. Такой след называют «волчьим». Тысячи раз монотонно поднимаешь ноги. Колени сгибаются, а икры все время напряжены: ни секунды на то, чтобы расслабиться. Ноют, тупо ноют все мышцы, все хрящики и жилки, пятки. Ахиллесово сухожилие — в народе «сухая жила» — впрямь хрустит. Словно высохло. Уже десять часов топчем мы карсавские поля и, кустарники. Упрямо топаем по сугробам навстречу северо-западному, секущему лицо ветру.

Веселья мало. Посуровее надо с ними. И пусть не пытаются меня разжалобить. Никакого отдыха вам здесь не будет! Нам уже пора шагать по ту сторону железной дороги Карсава—Резекне. А мы еще не пересекли Псковского шоссе... Тут с рассвета машины кишмя кишат. Хорошо, что фрицы в темноте ездить не любят из-за партизан... Те, что прокладывают след, могут не выдержать, свалиться, хотя и меняются то и дело. Ведь нагружены, как верблюды. А какой поклажей! Патронами и толом — в рюкзаках. На одном плече — автомат, на другом — винтовка... У Поча в Гривинском лесу, куда мы идем, новобранцы без оружия, не хватает на всех боеприпасов. И тол израсходован на дорогах фрицевских — на машины, эшелоны...

— Стой, — останавливаю я командира разведчиков, шагнувшего было в след, чтобы вернуться в голову колонны. Надо все-таки на мгновение приостановиться — чтобы точно зафиксировать север. В правильности выбранного направления я не сомневаюсь. Вчера вечером мы проложили маршрут по карте, рассчитали азимут. А разведчики у меня натасканные, они десятки километров ночью пройдут — не отклонятся от маршрута. Пять часов утра. Через пятнадцать минут покажется шоссе. До железной дороги еще километра четыре. В таком темпе мы к ней по глубокому снегу до рассвета не успеем. — Слушай и запоминай, — говорю я Сергею. Я решил рискнуть. Может, безрассудно это. Но теперь нас может выручить только безрассудство. Любые сомнения — прочь, и то, что я скажу, должно стать непреложной истиной. У меня завидная зрительная память и заранее изученную карту я вижу как наяву... — Поворачиваем на 15 градусов северней. Выходим на шоссе у

Пуриной. Рванем через и чешем дальше по дороге к станции.

Сергей недоуменно уставился на меня: напрямик к станции? Радист Миша (Мечислав Мацулевич), воспользовавшийся остановкой и присевший на снег, вскакивает. Совсем спятил? — без слов говорит его перекошенное лицо.

Комсорт Брунис Зебергс, шагавший впереди меня, тоже услышал сказанное. Он резко поворачивается, на мгновение мрачнеет, но тут же улыбается. Иронично роняет:

— Рванем, так рванем...

Он воюет с лета сорок первого года, и науку партизанскую хватает на лету. Неколебимо верит своему командиру. Без такого обоюдного доверия не бывает ни точного выполнения задания, ни истинного боевого товарищества, способного творить чудеса. Словно ничего не заметив, продолжаю:

— Двое дозорных с автоматами — впереди, дистанция — пятьдесят метров. Передвижение прикрывать пулеметами. В случае стычки всем отходить вправо и перемахнуть «железку». Там и соберемся!

Широкое, гладко укатанное шоссе из темноты выныривает внезапно. Немое и оцепенелое. Переходим его, и попадаем прямо на дорогу к станции Пурины, совсем рядом с ней. Проселок этот немного уже, но наезжен гладко, как шоссе. Днем по нему катят одна за другой автомашины. Сейчас расторопно семенит Чиепиня. С наслаждением, размашисто шагают бойцы. Как по рижскому тротуару! Совсем мы взбодрились. Вроде бы, какая тут может быть опасность. А ведь в любой момент можно напороться на полицейский пост или патруль. Теперь уже ужасаться поздно, шаг прибавить надо. На этот раз повезет — уверенность в этом крепнет с каждым оставшимся за спиной телефонным столбом. Может, и не уверенность, а страстное желание жить, которое окрыляет нас? Мы знаем: жизнь партизанская — длиною в ночь.

Природа и погода за нас. В предрассветных сумерках ночь, упорно не уступающая заре, снова берет верх. Низкое поднебесье смыкается с белесой зимней мглой. Короткая партизанская колонна тает в тумане, я вижу в темноте лишь несколько плывущих впереди силуэтов. На этот раз точно повезет! Фрицы

и полицаи нас не ждут. Кто из них поверит в то, что на рассвете забредут к ним случайно партизаны? Лес далеко — по ту сторону железной дороги. С этой стороны — с голой равнины — «бандиты проклятые» еще не подбирались...

Просыпаются, оживают крестьянские хутора. И нам, к счастью, не попадается при дороге ни одного жилого дома. Псы молчат. Слышно, как хозяева запрягают лошадей. Но выедут они, когда кончится комендантский час. Трусим несколько километров. Мигает стационарный фонарь, и мы сворачиваем. Возле семафорного столба перебегаем через железнодорожное полотно. Совсем рядом — путевой обходчик. Возится со стрелками, ожесточенно скалывает лед, нас не замечает. Мы скатываемся с насыпи. Опасность за спиной. Так думают все, и я — тоже.

Валимся за заснеженные кусты. Здесь заветрие. Закрываю глаза и мысленно представляю себе карту местности. До дороги на Рускулову, где нам могут перерезать маршрут,

километров восемь. Немало: пока дойдем до Зирнюсальского леска, совсем рассветет. Успокаивает зеленое пятно на карте — оно тянется от Зирнюсалы до самой Рускуловской дороги. Зеленый цвет симпатичен партизану: там его друг и спаситель — лес. Напрягаю память: на зеленом пятне были грозди мелких кружков и синие параллельные черточки. Значит, кусты и болото. Но и хутора вокруг. А нас никто не должен заметить. Ориентир — длинный мелиорационный ров, что жирной чертой тянется по карте, то есть по болоту. По краю рва и побредем, как раз в нужном направлении... Никто из наших тут не бывал, придется довериться карте.

— Командир! Светает, — меня трогает за плечо комсорг. Десять минут передышки, как глоток воды изможденному жаждой. Встаем, стряхиваем снег и шагаем дальше гуськом. Вначале довольно бодро, но через километр темп спадает. Но за нас, благоволит все же к нам, природа. В ивняке, растущем вдоль отводного рва, большие сугробы. Тому, кто ростом поменьше, снег местами по пояс. Тут «волчий след» уже ни к нему, никто не станет разыскивать следы в болоте. Слышно хриплое, частое дыхание. Колонна ползет вперед.

Погода все еще пасмурная, но утро гонит прочь туман с пригорков, с обеих сторон болота. Там и тут замаячили крестьянские хутора. Совсем как на рисунках Кроненберга, со столбом дыма над трубой. До ближнего хутора хорошо, если километр. Слышим, как лает собака, видим, как ходят по двору люди. Но нас сверху еще не видят. Последние клочья мглы и тумана, сползшие на болотистый луг, прикрывают идущих. Сероватая наша одежда сливается с белесым этим лугом. Но надолго ли?

— Ребята, поскорей! — передаю я вперед по цепочке. — Надо успеть до леса. Там укроемся.

Куда же он подевался, этот чертов Зирнюсальский березняк? Ведь должна слева вынырнуть перед нами эта темно-зеленая полоска с карты. Но — нет ее. А у всех нас одно желание: укрыться понадежней. Бойцы озабоченно озираются по сторонам. Голое болото, хоть бы кусты погуще попались! Торчат из снега мелкие прутья ивняка, красно-фиолетовые от раннего весеннего солнца.

Наперегонки со смертью

Неужели проскочили мимо? В который раз гляжу на компас. Нет, азимут выдержан точно, и главный ориентир — отводной ров, по краю которого мы бредем, тому подтверждение. А настроение у ребят уже упало: не может человек без передышки «пахать» снег. Откуда взять сил на эти километры? И так невозможное совершили: за одну ночь — два ночных перехода. Двенадцать часов месим сугробы.

— Стой! Передышка! — останавливаю я колонну.

Все мгновенно валятся на снег — где рухнули, там и застывают. Поудобней расположиться нет сил. Мне этот привал очень нужен, еще раз уточню место нашего нахождения. Одеревяневшими пальцами расстегиваю планшет. Топографическая карта — сверху. Покряхтывая, расстилаю ее на снегу. Ориентируюсь по северу: мы напротив хутора Крампиши, прошли почти полпути по чертову болоту. Все правильно: мы уже довольно давно идем вдоль опушки леса и он отсюда по карте — на расстоянии в полкилометра! Но никакого леса не видно, на пологом склоне ни одного мало-мальски приличного дерева.

Зебергса заинтересовало, чего это я ворчу. Волоча ноги, подходит ко мне, заглядывает в карту. Комсорг наш десятки раз ходил уполномоченным штаба на связь с дальними партизанскими группами. Бывало и без проводника, только по карте, и всегда успешно доходил до места назначения.

— Когда составлена? — спрашивает Брунис.

Отгибаю краешек карты: «в декабре 1938 года и с учетом существующих материалов».

— Так, значит, написано? — задумчиво тянет Брунис и продолжает: — На многих картах основное еще в царское время нанесли, а потом уточняли. И не все изменения зафиксировали. Я сам один раз в этом убедился, когда шел к Почу. Обмануть эта карта может...

Вот где собака зарыта! Новый мелиорационный ров помечен. А того, что кусты и деревья по краям осушенного болота вырублены, нет. Справа, впереди, несколько сенников, и тоже не помечены. Крапшишские луга?! Карта нас обманула. И каким роковым образом!

От обиды сердце защемило: этого мы не заслужили. Неужели все сверхчеловеческие усилия впустую? Ведь тут нас рано или поздно обнаружат.

— Встать! Форсированным шагом — вперед!

Пойдем, несмотря ни на что пойдем. Мое дурное предчувствие подтверждается — раздаются выстрелы. Стреляют шуцманы. Мы их видим совсем отчетливо. Слева от нас на пригорке мчат по Зирнюсальской дороге сани. Передний хлещет кнутом вороного, а задний, сидя к нему спиной, палит из винтовки в нашу сторону. Для смелости. Расстояние между нами почти километр, попасть он и не надеется. Гонят к рускуловскому коменданту. От него позвонят в Карсаву. А там на станции, по сведениям разведчиков, батальон вермахта.

— Возьми чуть влево! — говорю я Сергею, ожидающему моего приказа. Надо уйти от мелиорационного рва. Пойдем в сторону Рускулова, там хоть какие-то рощицы виднеются. Укроемся в них. Вряд ли рускуловские фрицы рискнут нас преследовать. Свиначи! Ферму в именице устроили, кормят своих штабных

офицеров свежей свининой. Тридцать наших военнопленных у них на каторжных работах. Хозвзвод их охраняет. Вряд ли карсавский комендант поверит, что мы сами сунемся в западню. Может, удастся ненадолго запутать следы. Теперь уже не на риск рассчитывать надо, а на хитрость.

У кое-кого силы уже на исходе. Пошатываются, спотыкаются, падают бойцы. С трудом поднимаются, шагают, покачиваясь, и снова спотыкаются и падают. Раз за разом — до тех пор, пока самим уже и не встать. Те, что покрепче подхватывают выбившихся из сил под мышки, ставят на ноги. Подтолкнут и — удивительное дело — поднятый по инерции бредет дальше. Но я знаю, трагическая развязка все ближе. Вот один из них не поднялся. Станислав из Цибл. Деревенский паренек. И честный, и руки золотые, а здоровье — подкачалось. Станислава ставят на ноги, он падает. Становится на четвереньки, ползет. Вернее, пытается ползти, огромным усилием воли заставляя себя двигаться. Не у одного меня ком к горлу подкатывается. А Станислав? Что ощущает он, пытаясь не отстать от остальных? Желание выжить? Боязнь стать помехой в этом беге наперегонки со смертью?

Жизнь и смерть на войне — абстракции, о них особенно не задумываешься, пока лицом к лицу не столкнешься с костлявой. Жутко, когда смерть подкрадывается медленно и ты понимаешь, что не в силах изменить своей судьбы. Мы с того момента, как забрезжил рассвет, не живем, а существуем на грани жизни и смерти. Жизнь вместе с ночью остались по ту сторону железной дороги. Я понимаю Станислава: страшно отстать и в одиночку дожидаться неизбежного. Драться и погибать — так вместе. Но оставаться нам нельзя. Без боя перемолотят нас здесь немецкие пулеметчики. Только в лесу мы на равных, сражаясь один на один. Надо добраться хотя бы до зирнюсальской рощицы. Склоняюсь над лежащим, спрашиваю:

— Граната у тебя есть?

Станислав кивает головой. Ему ясно, для чего.

— Отдыхай. Сможешь, снова иди по следу. Услышишь выстрелы — спрячься! До ночи. Потом — напрямиком на север. В лесу партизаны Поча.

Наша цепочка извилисто продвигается дальше...

— Командир, фрицы, — словно боясь, что нас услышат, шепчет за спиной радист Мацулевич.

Миша указывает на север. Протираю запотевшие стекла бинокля — надо рассмотреть получше. Да, по Салнавским холмам вихляет немецкий грузовик. Один, два... Местами грузовики ныряют в низину. Штук десять, пятнадцать. Машины крытые. И сомневаться нечего — с солдатами. Карсавский комендант поднял по тревоге и бросил против нас пол-батальона.

— Ну и оперативность, — чертыхается Брунис.

Так, фрицы катят в Рускулову. Где же они нас встретят и перекроют дорогу? Вдоль большака Салнава—Рускулова? Конечно, там, чтобы не пропустить нас в густой лес за дорогой. Две сотни солдат со станковыми пулеметами наглухо заблокируют двухкилометровый лесной участок. На каждые десять метров — по два человека. И вдоль дороги с флангов — десятки пулеметных очередей... Прикидываю, как разместил бы солдат на месте командира немецкого батальона. Смертельный получается огненный пояс, сквозь него и зайцу не проскочить.

Нас разделяют почти четыре километра, фрицы нас еще не заметили. Вряд ли кому-нибудь из офицеров взбредет на ум остановить машину и полюбоваться в бинокль на это непроходимое болото. Им в Карсаве дан приказ, каждой роте назначен свой участок. Где им сказали, там и займут позиции. А что же мы?! Что делать нам? Бойцы озабоченно поглядывают на меня.

— Так держать! В том же направлении. Где можно — бегом, — я стараюсь скрыть свои чувства. Мол, командир-то спокоен, он знает, как выпутаться.

Влево мы взяли вовремя — иначе прямехонько напоролись бы на огневой заслон. Надо добраться до рощицы, а там увидим, как проскочить вдоль рускуловской опушки. Мы вышли на финишную прямую, самую трудную в марафонском беге. А особенно в нашем — между жизнью и смертью.

Большинство бойцов — закаленные — они выдержат. У меня — боль по всему телу, но сердце не сдает, дыхания хватает —

сказываются выносливость и самодисциплина, выработанные в свое время спортом, а потом — партизанскими рейдами. Вызывает опасения санитарка. Молоденькая, непривычная к тяжелым физическим нагрузкам горожанка, ей через две недели исполнится двадцать... Сергей перекидывает через плечо ее сумку с медикаментами. Маленькая и хрупкая, она шагает прямо передо мной, и я вижу, как с каждым метром шаг ее становится все тяжелей и короче. Внезапно Чиепиня валится на бок. Опоясанная ремнями, тоненькая — сворачивается калачиком на снегу. Бросаюсь к ней: глаза раскрыты, взгляд застыл — устремлен вдаль. Потеряла сознание или обессилела до полной апатии. Трясу ее за плечо.

— Держись, Расмочка! — встревожен я страшно, но что еще скажешь?

— Не могу. Сердце... — Губы шевелятся беззвучно, но я все понимаю.

— Должна встать! Обязана! — ожесточенно произношу я.

На лице девушки появляется виноватое выражение: «Не могу...» Какими словами ее поднять? Понимает ли она, что ей грозит? Фашисты возьмут в плен и замучат, как нашу Айю.

— Нет! — Девушка, догадавшись о моих мыслях, трясет головой и начинает шарить рукой под собой. Я знаю: туда соскользнула кобура с наганом, в нем семь патронов. — Если сама не сумею... помоги.

Я?! Чтобы я ей помог? Приставил дуло ко лбу? Наверное, вспомнила, как тяжело раненный Биделис попросил лучшего своего друга приставить ствол автомата к его виску и сам нажал на крючок. Чтобы не мучиться... Но сейчас?!

Зло берет. Душно мне от жалости и гнева. Целехонькая — застрелиться захотела. С моей помощью!

— Сможешь! — хриплю я, очнувшись от нахлынувшей ярости. — Сможешь!.. — уже почти кричу я. В глазах у Чиепини страх: лицо мое искажено возмущением и жалостью, отчаянием и гневом. Вздрагивает, напрягается всем телом. Что за сила возвращает ее к жизни? Ужас, воля, любовь? Какое это имеет значение? Она протягивает мне только что еще вялую и безжизненную

руку. Хватаю ее, дергаю, и Чиепиня на ногах. Делает по инерции несколько шагов. — Сможешь, — облегченно вздохнув, даю ей легкого тумака в спину.

Дальнейшее помнится как нечто совсем нереальное.

Болотистая Зирнюсальская роща. Кое-где осина, ель и черная ольха. Редкий лиственный лес, по-зимнему черный. И все же укрытие. В орешнике погуще объявляю привал: отдохнем подольше. Надо хоть немного восстановить силы перед отчаянным броском через дорогу. Нам еще — бежать, ползти, карабкаться.:

— Зебергс остается вместо меня, — говорю я бойцам, плашмя рухнувшим прямо в снег. — Брунис, организуй наблюдение. Через каждые десять минут меняй наблюдателя! Жди! Через полчаса вернемся, — сурово бросаю я комсоргу, который пытается возразить: он рвется в разведку. Но мне самому надо во всем разобраться. От моего решения сейчас зависят жизни двадцати человек, и будущее целой бригады. Стоит погибнуть радисту или лишиться рации, и ЛШПД уже не поможет нам. Сознание этого тяжким грузом ложится на мои плечи. Кивнув Сергею и еще двум бойцам покрепче, бреду к противоположному краю рощи. Надо как можно ближе подобраться к Рускулове. Узнать, что там творится.

На краю рускуловского поля в ольшанике сугробы по горло. Снизу трудно рассмотреть, что делается на горе — в имении. Видны флигель, длинные хлевы и сараи. Могучие липы и густые кусты закрывают двор. Пробираемся вдоль опушки дальше.

— Глянь, вон хороший наблюдательный пункт, — Сергей показывает на пригорок, расположенный метрах в ста от края поля. — Идея! Тут мы пройдем, из имения не заметят. Пригорок прикроет.

Да, отсюда все как на ладони. Но удивляет то, что во дворе имения нет ни немецких транспортных машин, ни солдат. Изредка кто-то выходит, спускается с крыльца флигеля — покуривает. Ясно, солдат из карсавского батальона там нет. Сейчас меня уже интересуется склон рускуловского холма, по которому спускается к домам извилистый карсавский большак. Опушка совсем рядом с пригорком. Если на склоне нет поста, то из имения это место

не контролируется. В голове у меня зреет фантастический план. Как раз там, в ста метрах от крайнего дома, мы и перемахнем через дорогу. Там должен стоять немецкий фланговый пулемет. Но его нет. Значит, батальон залег вдоль дороги — дальше в лесу. Если даже нас заметят — успеем. Станут преследовать? В лесу мы драться умеем! По крайней мере, отход радиста к лагерю Поча прикроем. Даже, если всем остальным не удастся уйти... Облегченно вздыхаю, словно тяжелую ношу с плеч сбросил. Думаем — значит, живем!

Возвращаемся к месту привала. Здесь картина резко переменялась. Большинство партизан скинули вещмешки, сидят и уплетают свой сухой паек. Ага! И Станислав тут. Грызет сухарик, сосет полоску копченого мяса, а наш штатный балагур, пулеметчик Кондратий, примостился рядом с ним. На свой манер подбадривает, подначивая:

— Ох и лупишь ты, долго жить будешь.

Проходится насчет брюха и духа. И вот уже рассмеялся один партизан, за ним — другой. Словно и не было мучительного пути. Такие подковырки и насмешечки — своеобразный барометр настроения партизан, показывающий, что они приободрились.

Для того, чтобы подойти к Рускулове, надо сделать большой крюк, обойти поля. Сейчас мы совсем рядом с большаком, вдоль которого, по моим расчетам, укрепились комендантские роты из Карсавы. Интересно было бы посмотреть, как эти пентюхи там трясутся от холода, зарывшись в снег. Я совсем по-мальчишески злорадствую, издеваюсь про себя над фашистами. И вдруг, словно обухом полбу: а если их там нет?! Никакой логики. Где им еще быть? Только там, в горловине лесного массива между Салнавой и Рускуловой, можно перекрыть нам путь. Но... не помогают разумные рассуждения и аргументы. Не отпускает меня новая догадка. Вернее, предчувствие.

— Брунис! Подползи по этой рощице к дороге. И чтоб даже кустик не шелохнулся. Погляди, чем они там заняты.

Проходит десять минут, и комсорг выныривает из леса так же бесшумно, как исчез в нем,

— Все спокойно. Ничего не заметил. Какой-то старик дрова

складывает. — Он разводит руками.

Случилось непредвиденное?! Может этот участок блокирует вторая половина батальона? Не хватило транспорта? Не смогли перевезти сразу всех солдат? Выгрузили первые роты, послали машины за вторым эшелонем? Если так, то он скоро должен быть. «Действуй, опоздаешь!» — подхлестывает меня внутреннее беспокойство. И я действую.

— Перестраиваемся в цепь. Вплотную друг к другу, — командую я. — Ползем, к дороге. Как мыши! — Грожу кулаком, чтобы поняли, насколько серьезно сказанное. — Подниму руку — всем через дорогу. Только вперед! Под любым огнем. На этой стороне нам не жить. — Сказав, шепчу Брунису: — Мишу — в середину цепочки. Сам с двумя ребятами будь рядом. Рация должна попасть на ту сторону. Если радиста ранят — вынести! С остальными — по обстановке. Я пошел вперед.

Я должен быть впереди, сам обязан во всем убедиться, прежде чем поднять руку. И мы ползем. До занесенной снегом канавы и дорожной насыпи. Тут я смотрю — влево, потом вправо. Под обрывом у Рускуловы что-то чернеет — толком не различить. Справа в пятидесяти метрах от нас крестьянин в тулупе неторопливо сгибается и разгибается над штабелями дров. И так, немцев нет. Поднимаю руку. Нижние ветви деревьев качнувшись, стряхивают хлопья снега. Двадцать пригнувшихся фигур беззвучно вырастают на обочине. Переваливаем через дорогу. Напоследок замечаю: дровосек демонстративно поворачивается к нам спиной. Он ничего не видел.

### **В заколдованном треугольнике**

Мы в хвойном лесу. Снова бредем след в след.

— Сергей! След заминировать! — за нами могут пойти с большака.

Теперь дорогу прокладывать мне. Я должен быть впереди, чтобы успеть все заметить, оденить обстановку. Где-то тут нас поджидает этот первый эшелон смерти. Вероятней всего, на Плешевском проселке. Мы сейчас находимся в лесном треугольнике: Салнава—Рускулова—Плешево. Каждая сторона

— в три-четыре километра длиной. Вокруг голые поля. Только возле плешевских гравийных карьеров — небольшая лесная удавка, связывающая наш пяточок с Гривинскими лесами. Там?! Остальным об этой версии — ни слова. Пусть в душе успокоятся, освободятся от страха и чувства обреченности, возникающих на открытом месте у каждого из нас.

К плешевской удавке ведет густой молодой соснячок. Такой густой, что издали не разглядеть, что творится на дороге. Я застываю как вкопанный только возле предпоследней сосенки. Мы подошли к обрыву над карьером. Внизу, на дороге и на дне широченной выемки, кишмя кишат автомашины и мотоциклы. Гудят моторы, раздаются команды. Таскают, устанавливают что-то серо-зеленые. Толкучка, как на базаре. И постов не выставили, и разведчиков не выслали. Ну и олухи! Сбиваю ушанку на макушку. Сейчас бы броситься вниз в самую гущу. Ударить из автоматов, шарахнуть гранатами. Обалдеют, поскачут, дадут стрелкача!..

Порыв этот тут же проходит. Часть из нас не пробьется. А радист?.. По Рускуловской дороге поползли новые машины. Второй эшелон! Надо как можно дольше скрывать свое присутствие. Хорошо бы оттянуть стычку до вечера. В сумерках — возьми-ка нас!

— Назад! По старому следу! — Жестом руки предупреждаю своих. Оглядываюсь, в белом снегу тянутся цепочкой кругляши — словно крестьянин прошел в больших лаптях. У нас теперь преимущество: выберем наиболее выгодную боевую позицию. По карте такое место в этом заболоченном массиве напротив Плешева. Примерно, в километре от опушки должен быть крутой бугор. Туда и направляемся.

— Отличная позиция, — радуются бойцы: мы уже вскарабкались на бугор, поросший соснами и елями. Вершина — ровная. Посередине — впадина, не более сорока шагов в ширину. Тут нам по силам держать круговую оборону. Указываю позицию каждому бойцу, даю команду утрамбовать перед собой снежные брустверы. Отсюда можно прицельно стрелять по фрицам. Штабисты и пулеметчик Кондратий Зейлиш уселись под елью в центре нашего лесного бастиона, на равном расстоянии от всех. Мы в резерве на

случай прорыва обороны... Теперь — ждать. Не так скоро они нас здесь отыщут.

Наклоняюсь и отсекаю штыком широченную гибкую еловую лапу. На нее можно сесть. Настала и моя очередь прикорнуть. Отдохнуть хоть часок. Но уснуть не удастся, сказывается нервное напряжение. В полудреме слышу все, что творится вокруг. Надо отвлечься, думать о чем-нибудь другом. Скажем, об этом бугре. В Нумернском лесу их у болота множество. Словно черт из сказки сеял их здесь, расшвыривая и расшвыривая гравий пригоршнями из кожаного фартука. Старался досадить богу, слепившему землю ровной. А вместо уродства сотворил такую красоту. Как этот бугор. Мудрая сказка, сталкиваются добро и зло, а рождается красота. Вот и у Райниса ведьма Спидола — вынуждает Лачплесиса меняться ввысь... Ну да, не черт сеял Нумернские холмы, образовались более пятнадцати тысяч лет тому назад, намыли их ледниковые воды. Друмлины, озы. Или как их там?..

Рядом «ведут беседу» Миша и Кондратий. Сквозь дрему слова их доходят до моего сознания:

— Здорово здесь летом. Бор и озеро, рыба и грибы. Ковер из мха, нежься себе в полдень на бугре! — воркует Миша, налаживая рацию. В десять часов у него сеанс связи.

Кондратий, как всегда, что-нибудь отчебучит. Пожалуйста:

— Ну да! Красивое место командир выбрал, красиво умирать будем...

— Болван! — вспыхивает Миша. Вешает антенну на еловый сук, и негнушными пальцами начинает выстукивать радиограмму.

У меня улетучиваются последние остатки сна — жду, о чем пойдет разговор дальше. Кондратий долгого молчания не выдерживает. Подкатывается к радисту, почтительно интересуется:

— И такой слабый писк в Москве слышат? — Не дождавшись ответа, спрашивает дальше: — Фриц рядом. Он ведь тоже может услышать? — И уже совсем озабоченно: — Что ты им стучишь?

Теперь черед отыграться Мише. Кондратий — простоватый деревенский балагур, а рижанин Мацулевич у нас классик — знаток анекдотов, юморист и сатирик. Очень серьезно объясняет:

— Слушай! Сейчас я выстукиваю на ключе: находимся в Салнавском лесу, в двух километрах южнее Плешева. Координаты — такие-то и такие-то. Понял?

Кондратий неуверенно кивает головой.

— А теперь продолжаю, — радист, помрачнев, комментирует: — Мы окружены. Круговая оборона идеальная. Атакуют батальон немцев. До ночи не продержимся. Драться будем до последней капли крови. После войны поставьте на этом холме памятник!

- Кондратий в ужасе таращит глаза.

Миша кончает:

— Отдельную доску за редкое мужество установите павшему герою, пулеметчику Кондратию Зейлишу.

«Павший герой» ошалело моргает глазами, потом, поняв, что его разыграли, гаркает:

— Ты, ворон! Накаркать хочешь, да?!

— Отставить! — Я вскакиваю на ноги — Мацулевич зацепил и меня. — Встать! Пять минут на сборы! — командую я в полный голос, чтобы слышали и залегшие в отдалении бойцы. Мое самолюбие задето основательно. Ах, я их привел красиво умирать? Привел, чтобы им памятник поставили?! Внутри все кипит, но я сдерживаюсь — не хватало еще им нахамить. К тому же незаслуженно.

Через четверть часа мы уже на тропе, с утра протоптанной нами. Где и как маневрировать? Скоро фрицы длинной цепью двинутся сквозь лес, прочешут все заросли. Солдат у немцев хватит, «расческа» будет такой густой, что обязательно зацепит. Пойдут по следу. Но бой надо оттянуть до вечера. И одним ударом прорвать цепь. Не успеет немецкий майор до темноты наладить «лесной гребешок». Прочесывать, конечно, будут чащу. А Жейкарский кустарник протянулся по краю полей, там снега по грудь, и теплолюбивые арийцы не захотят мерзнуть, черпать снег своими короткими сапогами... Безлистный кустарник насквозь просматривается с Рускуловско—Тилжиской дороги. Там нас искать не станут! Задумано сделано! Высматриваем в густеющем подлеске низенькую елочку, и след в след перешагиваем через нее. Пятимся спиной, как раки. Если кто-нибудь и заметит след, то

решит: шли с поля.

— Дальше ползком! Одной бороздой, — приказываю я, лишь только завиднелись Жейкары.

— Можно и на брюхе. Партизаны — люди не гордые, — бодро откликается Брунис.

Доползаем до края ольховника, откуда видна черная полоса дороги.

— Отрыть ямы. Лежать! Головы не высовывать! Наблюдателю докладывать о всем происходящем на большаке.

Зарываемся в сугробы. Закопавшись, сворачиваюсь калачиком, стараюсь устроиться поудобней. На этот раз засыпаю моментально. Вот что значит на мгновение ощутить себя в безопасности.

Так же внезапно, как уснул, просыпаюсь. Сон был глубоким — без сновидений, кошмаров, неясных предчувствий. Словно в темную пропасть провалился. Так отключиться может только вконец изможденный человек. Как долго я спал? Два-три часа? Будил меня кто-нибудь?.. Лениво нежусь, неохота даже вытаскивать затекшую руку из-под вещмешка. Сквозь полуприкрытые веки разглядываю заснеженные рыжеватые кочки. Снег выпал это хорошо. Сугробы недвижны, но перешептываются человеческими голосами. Слышу: — В-вряд ли командир тоже б-боится, — у говорящего трясутся губы.

— А ты как думаешь? — звучит басок.

Большая двугорбая кочка шевелится, появляется рука и что-то вылавливает из горба поменьше. Раздается чавканье. Ясно! Сражается с партизанской колбасой. Так именуем мы полоски мяса тощих пеструх, копченые на ольховом дыму. Мясо твердое, как кремль, и в вещмешке хранится неделями.

«Басок» возобновляет разговор после продолжительного перерыва — кусок «копченки» уже умят.

— Все мы — одинаковые. Из костей и мяса...

— А меня еще сейчас — т-трясет. — «Фальцет», вероятно, все еще под впечатлением недавно минувшей опасности.

— Слишком много о себе думаешь, потому и трясет. А командиру некогда, ему о вас, гавриках, заботиться положено. И об этом

ящике тоже. — «Басок» так хлопает по вещмешку, что звякает железо. Рация...

— Ж-жутко умный ты! Эта тренога ш-шпарить начнет, фарш из нас с-делает.

Тренога?! Разом сажусь. Проклятье! Напротив, на укатанном большаке, торчит станковый пулемет. Шагах в трехстах отсюда. Пятеро серо-зеленых скачут вокруг него, хлопая руками. Закоченели. «Пляшут полечку с прихлопом», едва не вырывается у меня. Но... ситуация слишком серьезная.

— Почему не доложили? — Толкаю в бок залегшего рядом Сергея.

— По пустякам будить не хотели...

— По пустякам!.. Что у вас еще из пустяков?! — обрываю я командира разведчиков. — Час назад в лесу как будто галдели.

— Галдели? Значит, чащу уже прочесали.

Треск мотора снова приковывает наше внимание к большаку. Мотоцикл с коляской. Катит медленно. Ежеминутно один из двух офицеров, сидящих в коляске, велит остановить машину. Оба вылезают, рассматривают обочину, изумленно разводят руками и... едут дальше.

— Ты понял? — Я стискиваю руку Сергея. Фрицы нас потеряли и обалдели. Лес пуст, по полям партизаны тоже не проходили. Мистика! Лешими заколдованный лесной треугольник! Загадочный, как Бермудский... Только все равно майор вермахта поймет, что ушли мы из большого леса. Нам тоже пора принять решение с учетом ситуации. Вещмешки уже у всех на спинах, приказа собратиться не надо. Остается только махнуть рукой:

— Назад! Ползком! По оврагу!

За первыми соснами вскакиваем на ноги — за следы теперь нечего беспокоиться: «загонщики» истоптали заросли вдоль и поперек.

Пробежав немного, валимся в снег. Совсем рядом, возле Жейкаров, грохочут взрывы, трещат автоматные очереди, лает фрицевская «костедробилка». Очень плотный огонь. Фрицы наткнулись на наше «лежбище» и вымещают зло. Даром бесятся.

— Ребята! А были бы мы там сейчас! — зябко передергивает плечами Мацулевич.

Ясно, что немцы пойдут в лес еще раз. Пусть! Большая стрелка часов приближается к пяти. До темноты выстоим. Маневрировать больше нет смысла. Залегли. Плотно. Прикрытие — деревья. Автоматы направлены в сторону Жейкаров. Растянется облава длинной цепью, прорвем ее кучным огнем и проскочим в тыл немцам. В лесной чаще немецкому майору такую «расческу» не повернуть — придется «загонщикам» идти до противоположного края опушки. Если выступят одной группой — точно так же всыпем им из всех стволов, но отступим.

Немцы выбирают второй вариант: торопятся нащупать нас до сумерек. Подлесок настолько густой, что они подходят к нам на расстояние броска. Мало того, их проводник замечает кого-то из наших первым. Кричит: «Бандиты!», и мы из всех стволов бьем по ельничку, толком не различая цели. Кондратий стреляет стоя, примостив ствол пулемета на еловую ветку. Немцы вначале огрызаются яростно, но постепенно огонь их ослабевает. Фашисты подтягивают подкрепление.

— Отходим! — приказываю я и считаю, сколько бойцов пробежит мимо меня. Есть — все двадцать! Теперь — направление на Салнаву, к противоположному краю леса. Темнеет в густом лесу быстро. Еще один сюрприз поджидает нас у лесной просеки, которую предстоит пересечь. Она просматривается с опушки, и там-то у фрицев, наверняка, есть наблюдатели.

— Придется еще на брюхе поползать, — благодушно шутит Сергей, вернувшись из разведки. — Тут рядышком поперек просеки идет глубокая канава. Не заметят, если горбы не выпячивать. Всех предупредили: ползти надо, плотно прижимаясь к земле, вещмешки — толкать перед собой.

Пока переползли, уже стемнело. Мы все-таки продержались! Не зря весь этот марафон, не зря мерзли в Жейкарских сугробах, не зря петляли и кружили. Ребята повеселели, пошли озорные перепалки. В центре внимания — пулеметчик Кондратий. Он чувствует себя героем дня — задело только его. Пуля всего лишь царапнула мякоть, но ранение есть ранение. Реплики льстят его самолюбию, воспринимает он их с достоинством, как похвалу. И к Мишиным подколкам относится уже терпимее. Радист вставляет:

«Я же знал, кому заказывать памятник». И Зейлиш снисходительно улыбается.

Мы можем себе позволить несколько часов отдыха. Но чем гуще становится тьма, тем чаще рассекает ее яркий свет сигнальных ракет. Батальон вермахта занял заградительные позиции по дуге — между Плешевым и Жейкарами. Не хотят немцы пускать нас в Гривинский лес. Их иллюминация превращает ночь в день. Здесь не переберемся! Ну, ничего. Используем другой маршрут. А они пусть считают, что мы проторчим в ловушке до утра. Миша зажигает фонарик, и я показываю Сергею на карте направление отхода. Полями — на Карсаву. В прямо противоположную сторону. Фрицам такое и в голову не придет. У педантичных арийцев слабое воображение. А мы, сделав большой крюк, обойдем немецкий заслон. В большой лес войдем под Нумерне. Определяю расстояния, на которых надо повернуть и сменить азимут.

...В полночь Брунис Зебергс стучит в окно дома кузнеца Яниса Меллупа в Калвинях.

Комсорг был здесь в декабре, когда ходил в подотряд Поча, знает этого человека хорошо. Кузнец — в прошлом петербургский рабочий. Советская власть для него — своя власть, партизаны — товарищи по общей борьбе. Доверие обоюдное и полное, и только Меллупу известно, где теперь партизанский лагерь.

В доме комсорг задерживается ненадолго. На порог выныривает разбухшим, как цеппелин. Под одной подмышкой огромный каравай хлеба, под второй — связка луковиц и кусок сала, завернутый в полотенце.

— Отметим победу! Стол накроем прямо в лесу. А то ребята у Поча в конурах живут.

В конурах? Очередной розыгрыш Бруниса? Нет, вполне серьезно. Гривинские партизаны только так называют свои низкие, с круглым входом шалаши. Влазишь на четвереньках и выпрямиться в них во весь рост нельзя, можно только сидеть или лежать...

С командиром подотряда Антоном Почем и комиссаром Игнатом Кадаковским встречаемся утром 2 марта 1944 года. Несколько лаконичных вопросов и таких же скупых ответов: о дислокации частей противника, о системе охраны лагеря. Услышанное

меня вполне устраивает. Подробности я узнаю вечером. Антон — настоящий боевой командир. Если его ребята в карауле, беспокоиться не о чем. А моим бойцам отведено на отдых двадцать четыре часа.

### Создается первая бригада

Далее марафон штабной группы, через две недели завершившийся в Лиепнинских лесах, можно проследить по записям в боевом журнале 1-го отряда. Они чрезвычайно сжатые, обрывистые, местами кодированы, и потому требуют определенных комментариев.

Весь долгий переход от Крейчинского болота до Гривинского леса зафиксирован в нескольких предложениях. «29 февраля. В лесу под Кребчами. Полиция ищет следы партизан. Нас не обнаруживают. Ночью очень тяжелый переход. 1 марта. Утром перешли железную дорогу. Идем днем. Нас окружают в лесу западнее Салнавы. Маневрируем. Вечером принимаем бой. У противника убитых 8, раненых 3, один обер-лейтенант. У нас один легко ранен. Ночью вырываемся из окружения. Страшная усталость. 2 марта. Утром достигаем «А» [подразделение]. Все в порядке. Отчет «А».

3 марта. Знакомство с подотрядом, указания его руководству. Перебираемся на новое место в большие землянки. 4 марта. Сведения об усиленном отводе войск с фронта... Сведения о приходе связных от Чугунова».

Последнее предложение следует пояснить. Группа майора К. Чугунова — фронтовые разведчики — действовала в Гривинском лесу совместно с партизанами Поча. Оказалось, в ту же ночь, что и штабное отделение Самсонса, в Гривинский лес вошли двенадцать разведчиков Чугунова — до этого они находились в Себежском районе. К сожалению, 29 февраля, не зная обстановки и не имея знакомых среди местных жителей, «чугуновцы» решили передохнуть и обогреться. На хуторе «Ваты», что возле Крейчинского болота, их выдали. Группу окружили и уничтожили в бою. Из всех уцелела только жена майора москвичка Екатерина Долгополова... Штабной взвод Самсонса, как показывает запись в боевом журнале, запутав следы, провел этот день в сыром и

холодном Крейчинском лесу — в нескольких километрах от места боя. Нас не обнаружили, но появление «чугуновцев» встревожило оккупантов. Объявили тревогу по всей Карсавской округе, усилили наблюдение за местностью. Может, оттого смотрели в оба, засекли нас на болоте зирнюсальские айзарги?.. В те дни, выйдя навстречу своей группе, трагически погиб и майор Чугунов.

Фашисты искали следы партизан в Гривинских лесах. Пятого марта они наткнулись на «конуры» — партизаны покинули их на день раньше. Перестрелка завязалась только с одной из групп Поча, которая следовала за противником.

«5 марта. Экспедиция атакует лагерь № 2. Сжигает. Соприкосновение с одной из наших групп. У противника 1 раненый. Первые радиосвязи со Спрогисом. 6 марта. Связные выходят на «Б». Запрашиваем посылку [десант оружия] у Спрогиса». Здесь уместно привести тексты радиogramм Самсонса. «5 марта. Спрогису. Прошел в Латвию и нахожусь в 7 км от Тилжи. Переход очень тяжелый, несколько раз были окружены». «6 марта. Спрогису. Часть груза сбросьте нам в Латвии по карте на лугу... в 3 км севернее деревни Свилава. Нахожусь здесь с рацией № 6. [Начальник штаба отряда] Бурцев с рацией № 3 находится на прежнем месте. Янис [Риктерс] тоже скоро сюда прибудет. Из нашего отряда в Латвию уже перекинута 160 человек, они размещены в лесах и перелесках. Нам очень нужен груз. Сообщите о десантировании».

После рейда штабного взвода в большой лагерь Гривинского леса, где были отрыты капитальные землянки (а после войны создан мемориальный комплекс. В. С.), стали прибывать партизанские командиры из соседних лесов — предстояло обсудить обстановку и задачи, связанные с ожидаемой организацией бригады. Об этом и повествует далее боевой журнал:

«7 марта. Из «Ц» приходят 5 партизан, приводят 10 новеньких. Сведения: 4. II в 4 км СВ Аугшпилса на шоссе уничтожена ехавшая с фронта легковушка. Убит шофер, обер-фельд- фебель с железным крестом. Добыты автомат, пистолет, документы. Атаковали Кононов, Быстров, Сосипатров и др. 2. III. Там же разворотили грузовик, убиты 4: взрывали Кононов, Быстров и

др. Очень трудно действовать. 8 марта. Связные за бойцами «Ц». 9 марта. Спрогис обещает авиадесант... Ночью приходит Алфонс [Анджан — начальник штаба], командир разведчиков Владимир [Константинов из «Б»]. 10 марта. Приходит Кузьмин [заместитель Ларионова], Лебедев из «Ц». 11 марта. Приходит Нагс [политрук подотряда Петр Пименов] и командир взвода подрывников Василий Кононов из «Ц». Донесения о проделанной оргработе. Успехи хорошие. Подотрядам даны новые задания. Со взводом Сергея выхожу в «Б», ведет Алфонс».

Итак, к одиннадцатому марта в лагерь Поча прибыли командиры окрестных подотрядов, и Гривинский лес стал свидетелем впечатляющего партизанского смотра: торжественного построения, речи, принятия новобранцами присяги. Настроение приподнятое, у всех создается впечатление — в строю серьезная боевая часть. Потом — совещание командиров. Сделано многое, но в новых условиях необходим следующий шаг: подотряды должны перерасти в самостоятельные отряды. Это обязывает командиров изменить тактическое мышление: не ожидая указаний сверху, самим заботиться об организации новых партизанских взводов и групп, не ограничиваться своим лесным массивом, осваивать соседние волости.

В районе Абрене у подотряда «Ц» сложились чрезвычайные обстоятельства — сюда хлынул второй эшелон немецкой 16-й армии. В течение двух месяцев партизаны понесли ощутимые потери: погибли командир Ларионов, его заместитель по разведке Андреев и несколько рядовых бойцов. Решаем разбить подрывников из «Ц» на два взвода: взвод Кузьмина останется в окрестностях Абрене, Кононов — переберется на Крейчинское болото. Намечаем будущих командиров, перекраиваем связную цепочку: теперь информация потечет не в сторону Зилупе, а в противоположную, на север, куда уйдет штаб Самсонса. Обсуждаем, как переправить запасы тола и оружия с Зилупской базы: Спрогис, действительно, приказал десантировать очередной груз для 1-го отряда, но, к сожалению, не в Гривинский лес, как вначале было согласовано, а на старую базу у Зилупе. Там сейчас переизбыток боеприпасов, а здесь — на острие борьбы — мы

сидим на голодном пайке... Далее интересные планы активизации партизанского движения в зоне Абренского и Лудзенского уездов. Есть командиры, которым можно доверить их реализацию. Все это решается.

Вечером того же дня штаб В. Самсонса выходит к лагерю на Стампакском болоте, где между Балвами и Вилякой разместился подотряд Я. Биетагса. В тот же день туда прибывает из Жигурского леса Рашкевиц. Встреча с комиссаром 4-го отряда — радостная. Он, узнав о перебазировании штаба 1-го отряда, поспешил поприветствовать земляков в родном краю. Почти полтора года прошло с тех пор, как расстались командиры малиенских партизан. Надо решать, как действовать дальше. Точка зрения комиссара: объединиться и создать бригаду. Лучшего места для штаба, чем у них в Лиепнинских лесах, не найти. Туда партизанские тропы стекаются со всех четырех сторон света. Он приглашает гостей посетить лесные лагеря 4-го отряда, который рассредоточен в трех местах: в Красивом бору возле Катлеши, на Самальском болоте под Аннас и за Алсвики. Разговор затягивается до рассвета, выспаться нам не удастся — утром лагерь с двух сторон атакуют шуцманы и какая-то эсэсовская часть. Биетагс проявляет хладнокровие и тактическое мастерство. Ловкий маневр — и партизаны ускользают из лагеря. Предварительно заминировав тропки и шалаши. Уже издали слышим, как строчат с двух сторон друг по другу фрицы и рвутся поставленные мины. В боевом журнале краткая запись: «12 марта. У Биетагса. Встречаюсь с Вецайсом [Стариком, т. е. с А. Рашкеви-цем]...13 марта. Лагерь окружают с двух сторон, обойдя передовые посты. Отходим. Фрицы занимают лагерь. На минах уничтожены 2 подводы, 6 фрицев и полицейских, 2 ранены, несколько контуженых. У нас погиб один. Подотряд разделяется на две части, маневрирует.

14 марта. Идем в 4-й партизанский отряд. Днем останавливаемся в лесу [на Барсучьей горке, где позднее расположится штаб бригады]. 15 марта. У Старика в Красивом бору под Катлеши. Высылаем связных к Алфонсу, в «А» и к комиссару Риктеру». 15 марта завтракаем в подотряде Андрея Отанькиса, и там нас застаёт радиogramма начальника Латвийского штаба партизанского

движения: «Самсонсу. Почему не отвечаете? Ваши соображения о возможностях организации бригады? Спрогис».

Теперь уже можно ответить. С полной уверенностью. Вот он — подробный наш ответ: «16 марта, Спрогису. В первом отряде 330 человек. Размещение их таково: 75 человек юго-восточнее Тилжи, командир Поч, комиссар Кадаковский; 80 человек юго-западнее Виляки, командир Биетагс, комиссар Дергач. Северо-западнее Карсавы действует группа подрывников в 15 человек, командир Кузьмин, комиссар Пименов. При мне находится 15 человек из разведгруппы. За границей, на старой базе, 110 человек, с ними Янис и Бурцев. Они должны перейти к нам. Кроме того на старую базу [в Освейский район] ушло подразделение Максимова, после получения оружия вернется. Все соберемся у Рашкевица. 13 марта нагрязнула экспедиция, часть из нас была вынуждена перейти в 4-й отряд до конца акции. Там единственный массив, в котором крупные группировки могут сманеврировать от карателей. Это надо иметь в виду. Переговорил с Рашкевицем, и мы решили... Отряды большие, действуют во многих секторах, так что необходимо единое руководство. Руководящий центр должен находиться в этом массиве. Сообщите свои соображения. Самсонс».

В тот же самый день последовал приказ Латвийского штаба партизанского движения о создании 1-й бригады. Историческую радиограмму принял 17 марта радист Янис Рушко в лагере Красивого бора — между Лиепной и Жигурами. «Самсонсу, Рашкевицу. Самсонс назначен командиром 1-й Латвийской партизанской бригады. Ему подчиняются бывший отряд Самсонса и Рашкевица. Сообщите кандидатуру командира Вашего бывшего отряда. Спрогис».

Затянувшийся партизанский марафон завершился успешно. И на территории Латвии создана 1-я партизанская бригада. Образован общий центр партизанского движения в северо-восточной Латвии.

Штаб новой бригады расположился на Барсучьей горке, в полукилометре от «Яункантори» — хутора партизанского лесника Аренда Зодана. Через несколько недель при- были комиссар Янис Риктер и исполняющий обязанности начальника штаба Антон

Сваринский. Рационально распределив заброшенное из советского тыла оружие, штаб бригады активизировал операции партизан на гитлеровских коммуникациях, а в июле 1944 года совершенно заблокировал несколько дорог, и гитлеровские войска не сумели воспользоваться ими при отступлении. Разведчики наши давали командованию фронта важную информацию о переброске и дислокации частей противника. Мы помогли вывести советские ударные группы 10-й гвардейской и 54-й армии в

тыл гитлеровцам и захватить укрепленные позиции, таким образом способствуя освобождению Малиены. Накануне освобождения в составе бригады действовали семь отрядов, штабной взвод и восемь отдельных групп и взводов, которые охватили своими боевыми действиями территорию в северо-восточной части Латвии вплоть до самой Валки и Вийциемских лесов.

Согласно архивным данным в партизанском движении в северо-восточной Латвии участвовало свыше трех тысяч человек. В боях и диверсиях малиенские народные мстители уничтожили и ранили тысячи гитлеровцев, взорвали около ста тридцати воинских эшелонов, уничтожили триста автомашин и другую военную технику. В своих районах партизанские отряды спасли от угона в Германию тысячи семей, уберегли многие крестьянские хутора от разграбления и поджогов. Над Красной Малиеной снова развевался стяг свободы.

## ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОЛОДОСТЬ

(Послесловие)

Приказ ЛШПД был принят нами по радию семнадцатого марта — эта дата считается днем создания 1-й бригады. Каждые пять лет торжественно отмечают его в Лиепне бывшие партизаны и их земляки. Туда съезжаются мужчины и женщины с посеребрёнными инеем волосами. Бремя лет сутулит их, но духом они по-прежнему молоды. Это поколение, которому в юности выпало на долю самое тяжелое для нашей страны испытание. Они не щадили себя, честно несли на плечах груз Великой Отечественной. Из каждой сотни моих сверстников-мужчин в живых осталось — пятеро. Их очень мало. Но люди эти лучше остальных знают, что такое война.

Партизанские слеты и вечера воспоминаний у костров являются для нас, ветеранов войны, встречами с родным краем и со своей молодостью. И потому особенно дорогими и святыми для нас. Мы как бы возвращаемся в тревожные дни своей юности. Горячие, опрометчивые, малоопытные, мы так страстно рвались в бой и хотели дожить до мирных дней. Вспоминаем и шаг за шагом проходим по партизанской северо-восточной Латвии, которую Петерис Стучка в свое время назвал «цитаделью большевиков». Не стану скрывать, путь наш был долгим и трудным. С поражениями и отступлениями. И все же — посланцы партии, мы выполнили задание. В течение двух лет с начала организованных партизанских выступлений выросло и окрепло сильное соединение — 1-я бригада.

Сегодня восстановлены лесные партизанские лагеря, поставлены новые могильные камни и плиты. Мы благодарны местным Советам, совхозам, колхозам и школам за то, что они увековечивают память о партизанах. На туристских картах, как раньше на военных, помечены лагеря отрядов 1-й бригады — от Зилупе до излучины Гауи. На берегах Зилупе и на Исааковом островке восстановлены землянки, под Тилжами выстроен мемориальный комплекс гривинским партизанам. В Бал веком районе воссоздан лагерь на Стампакском болоте, под Катлеши

— землянки в Красивом бору, в Лиепнинском лесном массиве — жилище штаба бригады на Барсучьей горке. В Самальском болоте реставрирован островок Моховой, в Палсманских лесах — лагерь «Рийкалну». И еще — в эти своеобразные музеи под открытым небом накатаны валуны, на которых высечены легендарные рассказы о подлинных исторических событиях.

На лиепнинском холме, где скрестились боевые пути латышских стрелков и партизан, дети, школьники каждую весну заботливо высаживают деревья редких пород. Здесь будет дендрологический парк.

Чтит Малиенский край память своих земляков. Но довольно ли того, что память их увековечена в холодном камне? Без душевного тепла невозможно сохранить память о павших, осознать их подвиг. Ветераны ждут от художников произведений, которые полнокровно отразят судьбы людей, народа, стремившегося к весне.

Март 1984 года, Рига.

## СОДЕРЖАНИЕ

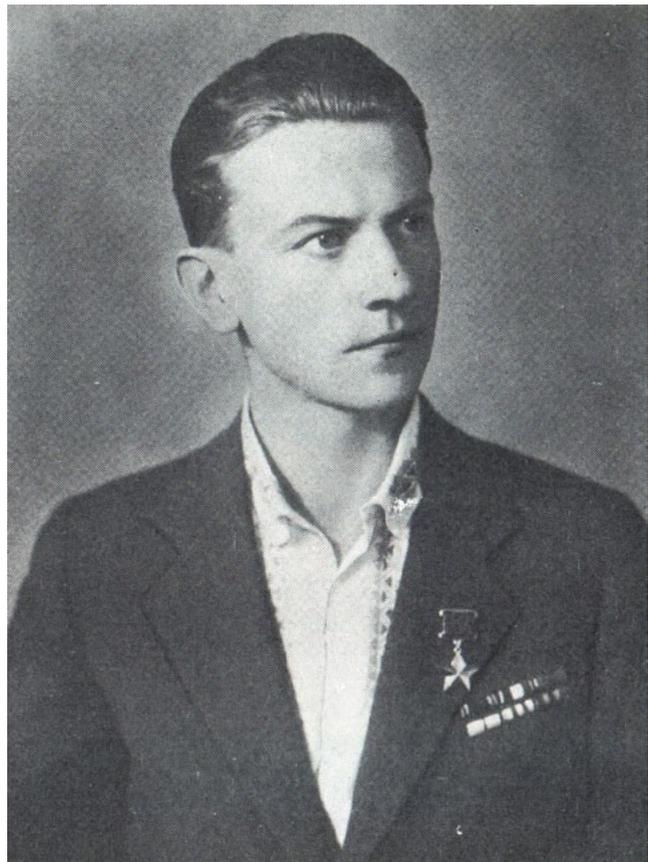
ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	3
ЛОВУШКА	8
Полночь — пора привидений	8
Мы — накануне пути	12
Не захлопнулась ловушка	17
Ода купаниям	26
«ЭПОПЕЯ» КОЖАНЫХ БРИДЖЕЙ	36
Комендант...	39
...и племенной баран	45
ВЕЛИЧИЕ И СЛАБОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ	57
Мужскую боль лечит молчание	57
«...мед»	73
СНОВА НАКАНУНЕ ПУТИ	84
Вцепись, как репей!	84
«Оба берега Даугавы...»	91
«Выбьют, как пробку из бутылки...»	100
РЯДОМ С ЛЕГЕНДОЙ	113
Почему усмехается Имант?	113
«Андерсон» возвращается из города № 1	118
Мина — оружие партизан	128
ПАРТИЗАНСКИЙ МАРАФОН	140
В заколдованном треугольнике	154
Создается первая бригада	162
ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОЛОДОСТЬ	168
(Послесловие)	168



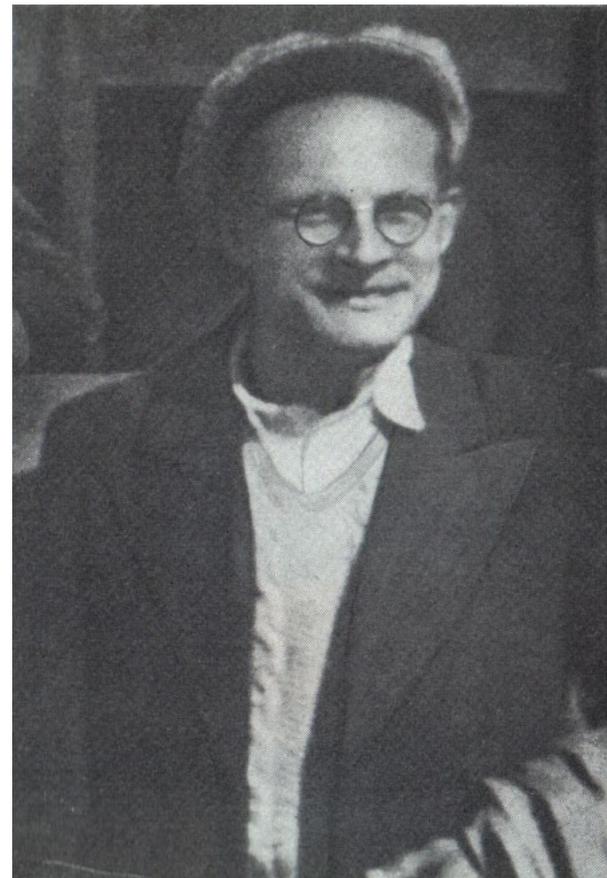
Штаб первого партизанского отряда (сентябрь 1943 г.). В первом ряду справа налево: В. Самсонс, В. Лай-виньп, А. Спрогис, И. Бурцев, Л. Авдюкевич; во втором ряду: М. Мацулевич, Е. Максимов, Б. Зебергс, Э. Америк, Я. Риктерс, К. Липовский.

Штаб 1-й Латвийской партизанской бригады (июль 1944 г.). Стоят справа налево: А. Сваринский, Р. Осес, Я. Грибаченок, В. Самсонс, Я. Риктерс, Я. Юрче, Т. Юрча;





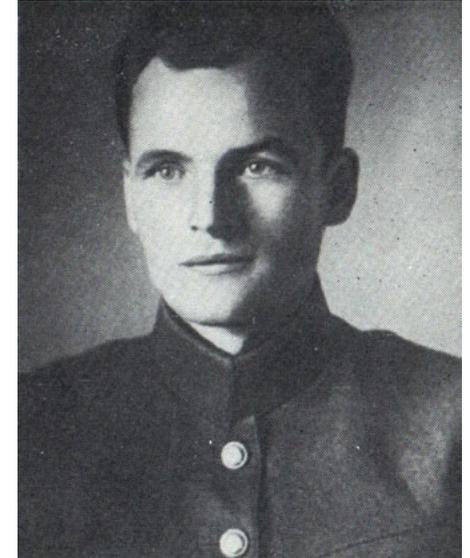
Вилис Самсонс (Репей, 1945)



Имант улыбається... (И. Судмалис. 1940)



Волдемар Эзерниекс (1940)

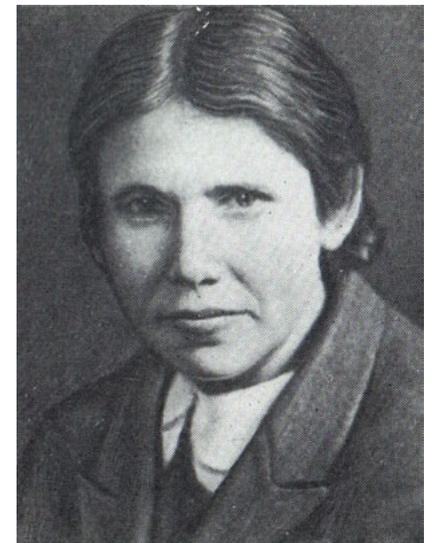


Янис Риктерс (Янис)



Фрицис Берге (Риекстс)

174



Милда Биркенфельд (Макс)

175



Алфред Рашкевиц (Старик)



Бруно Зебергс  
(рис. У. Пределиса, 1942)



Игнат Кадаковский

176



Лонгин Авдюкевич (1942)

177



Клемент Липовский (1940)



«Исааков островок». Место нахождения отряда В. Сам-сонса на болоте возле Зилупе (1943—1944). В настоящее время лагерь восстановлен, устроен этнографический музей.



Артур Балодис  
(Лубанский лес, 1942)

Штаб Калининской партизанской бригады (1944). В центре сидит командир В. Марго, второй слева — комиссар А. Кулеш.





Празднование 40-летия IV Калининской партизанской бригады в Лохновском лесу (1982). На переднем плане слева направо: А. Павлов, Ф. Бойдин, В. Вакарин, В. Самсонс, В. Халтурин.

Врач Б. Переплетников и его семья (Абрене, 1940). Уничтожены в гитлеровском концентрационном лагере. В живых осталась только дочка Валентина (стоит справа).



Радисты 1-го отряда, позднее 1-й бригады: Мечислав Мацулевич (справа) и Чеслав Кибич (1942).

Лучшие подрывники 1-ой бригады Василий Кононов (слева) и Волдемар Паэгле на учениях (1943).





Перед десантом во вражеский тыл (1943). Сидят справа налево: М. Павулия, В. Мачане, Э. Ратниекс и др. Стоят справа: Д. Калванс (первый) и Д. Кузьмин (третий).

meklē, ap 300 šiemānu. Uzman  
 protēni, šabdomē, Interesjās par  
 šķē, un pagabona. Šo labi. Admāts  
 kapieini. Reimā šore.  
 13.11  
 Uzman, vakarā Raijāme: par  
 mežu program. Pa ceļu dzīvā  
 autu kustība. Navit mežā pie  
 Pampāles. 14.11  
 Arim mēroj: Mēroja cūcība  
 ar radio slāp. 16.11. Uzman  
 mežā jūnija, 11.4 - pats nolēi ca  
 lauciņā dažas grupas priedīšu  
 šā partocāna 12.11 - alieš  
 mežā, 13.11 - mēroja darbu plat  
 18.11 - izkādāpēc mežā doctā eln  
 tība un mums nebūta pūstā  
 tūmē pats nedēfūrē - cūcība  
 Jūnien - mūsu vāgūm, šķē at  
 karotā a. c.  
 15.11  
 Keriāmes pie Babakas  
 celsanā. Vakara pagabona  
 Jaukātis pag. - Kariāles

Страница из дневника О. Ошкална (1943).

Der SS- u. Polizei-Gebietsführer  
in Dönaburg

Dönaburg, den 27. August 1943.

Tgb. Nr. 27/13 g.

An den  
Kommandeur der Sicherheitspolizei und des SD  
in Riga.

**Betrifft:** Aktion „Sommerreise“ zur Erfassung politisch-unzuverlässiger Elemente.

Am 25.8.1943, um 4.00 Uhr, begann im gesamten Gebiet die Aktion „Sommerreise“ schlagartig und wurde am nächsten Tage zu Ende geführt.

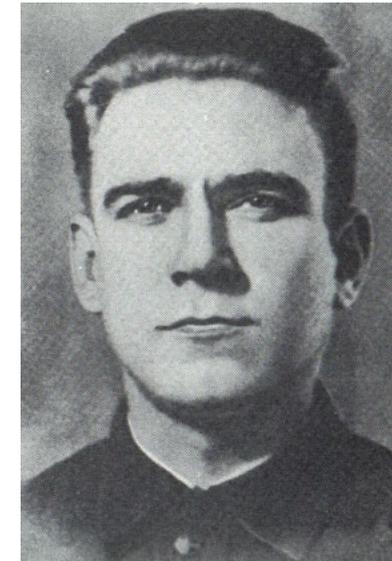
Wie bereits mit meinem Schreiben vom 26.8.1943 mitgeteilt, sind in den einzelnen Kreisen festgenommen worden:

Kreis	Männliche Personen	Weibliche Personen	Kinder	Gesamtzahl
Abraham	191	270	188	649
Elbeberg	338	422	403	1163
Ludau	236	413	270	
Kositten	191			

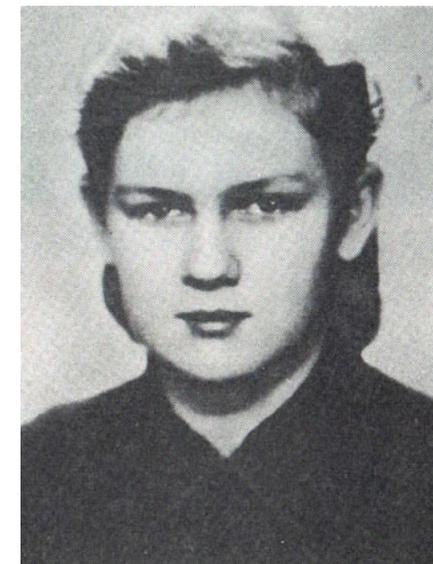
Die in der Bevölkerung durch die Aktion verursachten Unruhen zu begrenzen, hatte der Gebietskommissar in Dönaburg im Einvernehmen mit dem Kommandeur der Sicherheitspolizei u. d. SD ein Rundschreiben an die leitenden Persönlichkeiten, wie z.B. Kreisältesten, Gemeindevorstände, Kreis- und Bezirkspolizeichefs herausgegeben, eine Abschrift dieses Rundschreibens ist beigelegt.

Gnida,  
Bez. Oberleitn. d. Gendarmerie  
Geb.-Gebietsführer.

Рапорт оберлейтенанта жандармерии Гнида о результатах акции «Зоммеррайзе».



Янис Биетарс (1945)



Расма Осе  
(Чиепиня) (1941)



Янис Перконс (Лубанский лес, 1944).



Янис Воланс (Лубанский лес, 1944).



Иван Бурцев (1940).



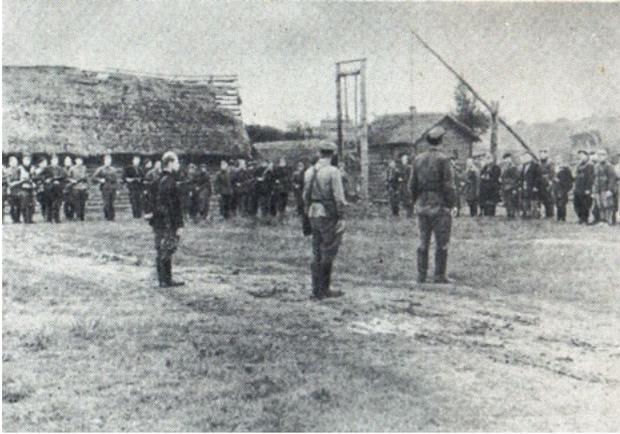
Антон Сваринский (1943).



Валфридс Густавсонс (1945).



Павел Дергач.



Смотр 1-го отряда (сентября 1943 г.). В строю — штаб, взвод А. Поча (слева от качелей) и взвод Я. Биетагса. На переднем плане слева направо: В. Самсонс, В. Лайвинь, Э. Америк.

Взвод Я. Перконса (1943). Первый слева — Я. Перконс, первая справа Г. Якобсоне, десятый — Э. Сцепуро.



Взвод А. Отанькиса (1943). Первый слева — Отанькис, второй — С. Гром.

Взвод Я. Ришкиса со станковым пулеметом и минометом (1943). Первый слева — Я. Ришкис, шестой — П. Пименов.







В освобожденной Риге на 27 годовщину Октябрьской революции. Справа налево: О. Ошкалн, М. Лайвиня, В. Лайвинь.

Первый слет латвийских партизан в Риге (1956). В центре: Я. Калнберзин и К. Озолинь.



Встреча поколений у памятника партизанам в Балвах (1960). Слева участник революции 1905 года Август

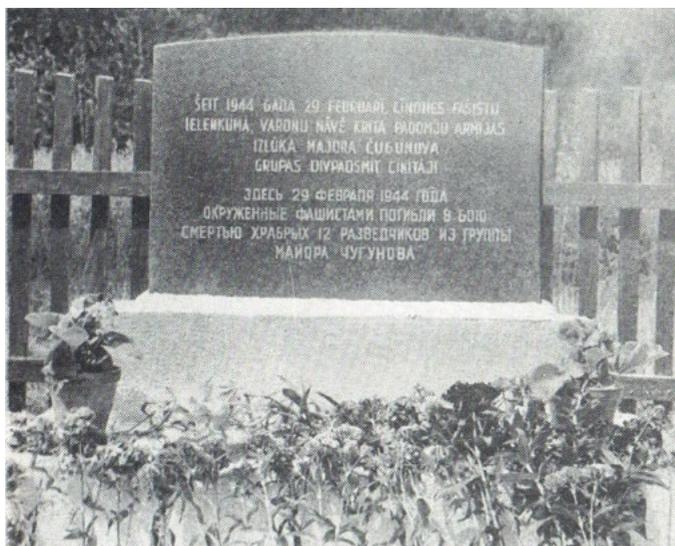


Памятная доска казненной гитлеровцами семье В. Дударева в Гаршанах.



Партизанская экспедиция в Гривинском лесном партизанском лагере (1959). Слева направо: Д. Каупуж, А. Рашкевиц, Р. Самсоне, В. Самсонс, И. Кадаковский, К. Семенова, Я. Меллуп.

Памятная доска погибшим разведчикам в Батах.



Открытие мемориала в Гривинском лесном партизанском лагере (1977). Говорит В. Самсонс.





На слете партизан братских республик на Кургане дружбы (1971). Справа налево В. Дорменёв Л. Романов. Говорит В. Самсонс.

В ежегодных празднествах на Кургане дружбы участвуют десятки тысяч жителей из Латвии, Витебской и Псковской областей.



Лиепнииская школа-интернат берет под охрану восстановленный лагерь-музей на Барсучьей горке. Акт подписывает директор А. Акмене (1959).

У партизанского костра на Барсучьей горке (1959). Среди остальных и красные партизаны 1919 года Хуго Эгле и Ян Остров (оба в шляпах).





На месте Лубанского лесного партизанского лагеря (справа налево). П. Ратыньш, В. Самсонс, В. Кононов.

Открытие памятной доски на Барсучьей горке (1969).  
Справа налево: В. Самсонс и лесник А. Зоданс, на обходном участке которого находился штаб 1-й партизанской бригады.



Открытие памятной доски на месте восстановленного лагеря 3-го отряда в Красивом бору (1979).

Бывшие партизаны у полевой кухни на слете 1-й бригады в Лиепне (1979).





Научный руководитель республиканской экспедиции историков В. Самсонс дает задание начальнику штаба экспедиции Т. Вилциню (слева) (1969).

Член президиума Советского комитета ветеранов войны В. Самсоне (слева) с итальянскими партизанами осматривают Саласпилский мемориал (1970).

